

НЕ СВОЕВРЕМЯШЬИЙ ЧЕЛОВЕК

Игорь Сотников

Игорь Сотников

**Несвоевременный
человек. Книга первая**

«Издательские решения»

Сотников И.

Несвоевременный человек. Книга первая / И. Сотников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502312-4

Бывает так, стоишь и никого не трогаешь, а это, как оказывается, как раз этим своим невмешательством кого-то трогает и волнует. И не успевает наш герой сообразить, что вообще происходит, и в частности с ним, как всё так закрутилось, что у него уже и нет другого выбора, как сделать свой выбор из... А эти «из» одного другого непонятней, как и всё остальное, ожидающее его.

ISBN 978-5-00-502312-4

© Сотников И.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава 1	8
Глава 2	23
Глава 3	46
Глава 4	64
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Несвоевременный человек

Книга первая

Игорь Сотников

Дизайнер обложки Дарья Левчук

© Игорь Сотников, 2019

© Дарья Левчук, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-2312-4 (т. 1)

ISBN 978-5-0050-2313-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

– Я объясню вам правила игры, а вы постарайтесь угадать, как она называется. – Проживаясь вдоль специального стола для совещаний, – он был в двух поперечных местах узок, а в двух продольных вытянут, – установленного в кабинете для этих самых важных совещаний, и за которым свои представительные места занимали люди всё сплошь важные и влиятельной внешности, проговорил человек самой что ни на есть обычной наружности, отчего его даже можно было принять выходящем из любой среды, и даже его голос был самым обыкновенным. Из-за чего даже не сразу становится понятным, почему все эти представительные господа за столом, столь важное значение придают этому, столь обычно выглядящему человеку, и, не сводя с него своих взглядов, не пропускают мимо себя ни одного его слова. И даже складывается такое ощущение, конечно, только в отдельных головах, помешанных на фантастизме, что предложи этот самый обычный человек к исполнению любую самую что ни на есть глупость, то любой из этих важных господ, хотя бы тот, на кого укажет перст этого самого обычного человека, незамедлительно приступит к исполнению этой глупости.

А всё именно так и происходит, наверное, потому, что убедительности его словам придаёт, поглядывающая на этих господ из наплечной кобуры этого обычного человека, рукоятка пистолета. И стоило только одному, скорей всего, самому влиятельному господину из этого сообщества важных и влиятельных людей, выказать лёгкое непонимание поступков и действий этого самого обычного человека: «А ты кто такой?!», – как ему тут же, через лёгкий треск его головных нервов, рукояткой пистолета доводится понимание его настоящего места. Куда он без лишних слов со своей стороны, а стоны за слова не считаются, моментально и выносятся из-за стола полежать на паркетном полу, и подумать над другим вопросом: А ты-то сам кто такой будешь?

– Как правило, в такого рода игры играют люди обездоленные и несчастные, – вслед за первым предложением сказал самый обычный человек, окинув господ за столом, с виду ничего не имеющих общего с этими людьми без счастья, а некоторые и вовсе, как казалось, и порядком не понимали, о чём это идёт речь. Но самый обыкновенный человек прекрасно знал, как обманчив внешний вид, и за всеми этими лоснящимися от жира и трескающимися от переедания устриц с лобстерами, физиономиями в дорогих костюмах, вполне может скрываться своя трагическая судьба и разбитое сердце. Вот они и подавляют мучение и боль своих сердец через переедание чёрной икры, которую они обязательно смешивают с красной и с помощью питьевых трубочек заглатывают внутрь. А когда через бокал другой шампанского им становится скучно, то они начинают через эти трубочки посылать свои наплевательские гостинцы subtilным дамочкам за соседними столиками. А те жеманницы только и рады, когда на них столь важные господа наплюют.

В общем, самый обыкновенный человек с пистолетом в кобуре, никого не списывает со своих счетов и всем даёт шанс поучаствовать в предлагаемой им игре. – И вы как нельзя лучше подходите под эту категорию. – Довершил свою фразу обычный человек. И судя по тому, как приуныли в лицах все эти важные господа, то они догадались, что под этими словами подразумевал этой самый обычный человек, а для них самый обычный негодяй и грабитель – сейчас он их начнёт приводить к выше озвученному общему знаменателю.

– А теперь правила игры. – Остановившись в центре кабинета, призывает к вниманию всех здесь находящихся людей самый обычный человек. – Берётся барабан, прокручивается и на кого выпал... Для лучшего понимания, будет лучше показать на примере. – Делает оговорку обыкновенный человек. После чего он достаёт из кобуры револьвер, для эффекту его в руке прокручивает, затем открывает барабан, вынимает из него патрон и ставит его на край стола. После чего возвращает револьвер обратно в кобуру и, посмотрев на это замечательное

собрание людей столь представительных, которые о нём вдруг и позабыли думать, не сводя своего взгляда со стоящего патрона на столе, понимает, как всё-таки любознательны все эти люди. Так что самому обыкновенному человеку пришлось хлопнуть в свои ладони, чтобы вновь завоевать внимание этих господ.

– Так вот господа, – обратился к этому замечательному собранию самый обычный человек с пистолетом в наплечной кобуре, – прежде чем мы с вами начнём нашу игру, а все эти предварительные действия и ласки, как вы понимаете, есть часть игры, – кивнув в сторону завалившегося в пол представительного господина, сказал этот удивительный своей обычностью человек, – я бы хотел, чтобы вы мне ответили на один вопрос. – На этом месте делает кульминационную паузу обычный человек, и после неё задаёт свой вопрос:

– Так вот, скажите мне, в нашу игру лучше играть в чётном или бесщётном количественном составе?

После чего обычный человек подходит к наиболее ближе сидящему к нему господину в парике вместо шляпы и волос, и оперевшись в него взглядом, вопрошает его: Твоё слово, мурло.

Глава 1

От времён начал. Человек убеждённый и умеющий убеждать.

Почти что всегда странно видеть странных людей. Хотя нет, и здесь, в этом выражении, определённо закралась тавтологическая ошибка – как это мы вот так сразу можем узнать и понять, что представший перед нами человек странен (да и что это, собственно, значит). Вот опасен или что ещё похуже, – он хочет денег у нас безвозвратно одолжить, – то это сразу видно, а вот то, что он странен, то для того чтобы причислить человека к этой категории людей, нужно для начала его как следует узнать. А то, что он разговаривает сам с собой, то может быть у него в ухе запрятан наушник-блютуз, и тогда, кто из вас более странен или отстал от научно-технического прогресса, что тоже есть одна из разновидностей странностей, ещё надо разобраться.

В общем, чтобы быть более точней что ли, скажем следующим образом. Почти что всегда удивительно оказываться в мало на данный момент объяснимой ситуации, когда к вам, до этого момента с зевающим видом стоящему и никого не трогающему, – а это скорее всего, одно из важнейших условий реализуемости этой ситуации, – неожиданно подходит, и становится чуть с боку от вас, недалеко и не близко, а в самый раз, чтобы можно было поговорить без особых сложностей, в первый раз вижу, что за тип, – впрочем, на первый взгляд ничем таким не выдающимся и не опасной наружности, – и как бы сам с собой заводит разговор. И первое, что вам хочется сделать, – и вы делаете, – это посмотреть по сторонам, чтобы понять, а не разыграл ли всё это.

Но вокруг никого похожего со скрытой камерой незаметно, или они умело скрываются, и тогда вы возвращаетесь к этому, без спросу подошедшему собеседнику, внимательно, изучающим взглядом на него смотрите и, сопоставив несколько нездоровый вид этого разговорчивого человека и место своего нахождения, – вы находитесь в аэропорту, в зале ожидания посадки на самолёт, – делаете для себя успокаивающий, а для этого человека с нездоровым, а как сейчас понимаете, крайне волнуемым за себя и свой перелёт видом, всё объясняющий вывод – этот гражданин от страха и волнения перед полётом, себе места не находит, вот он таким словесным способом и решил себя успокоить.

Ну а когда всё так разрешилось и встало на свои места, то вы успокаиваетесь, или будет точнее сказать, вон тот пассажир приличного вида и с кожаным кейсом в руках, что говорит о его солидности и деловитости, – а если к этому ещё и привлекательную внешность и имя Владислав прибавить, то сразу становится понятно, почему именно к этому гражданину, всем собой внушающему уверенность, подошёл за поддержкой тот волнующийся за свой полёт гражданин не столь основательной наружности и соответственно всему этому происходящему с ним сам себя убеждающе выглядящий, хотя не без претензии на строгость своего несколько скрытого вида.

А ведь Владислав, как он сам считал, был не совсем простой пассажир, и не только потому, что он летит бизнес классом, а хотя бы потому, что в его визитной карточке, – а наличие визитной карточки уже о чём-то значительном да говорит, – прописано не какой-то там менеджер по продажам, а если на ней попытаться разместить все его регалии, заслуги и занимаемые должности, то они, пожалуй, и не поместятся. И чтобы даже не перечислить, а хотя бы вспомнить, какие ответственные посты ему были доверены и до сих пор доверяли, понадобилась бы очень и очень хорошая память, и достаточно немало времени. А так как времени ожидания посадки на самолёт было предостаточно, то Владислав, как человек, не любивший зря простаивать и тратить своё время, в качестве зарядки для ума и перечислял в уме все эти свои занимаемые посты и должности.

И вот когда Владислав зашёл на очередной памятный круг по перечислению своих важных и ценных во всех смыслах этого слова постов: «Генеральный директор и сопродавсер компании по оказанию услуг в сфере девел...», – к нему и подошёл этот разговорчивый незнакомец, своим бормотающим вмешательством перебив Владислава на умственном полуслове. А Владислав, как человек генеральской важности, не любит когда его даже мысленно перебивают и он всегда придерживается строгого порядка во всём, – что собственно и позволило ему добиться столь высоких постов, – и поэтому он, наверное, сейчас бы нахмурился и строго-настрого предупредил этого человека о его недопустимом поведении, но Владислав ещё не заостенел в своей важности и зрелости, он был относительно молод – чуть под сорок – и он поступил так, как поступил бы самый обычный человек при таких необычных обстоятельствах.

Так он для начала осмотрелся по сторонам и только после того, как убеждается в своей безопасности и ещё в чём-то для себя важном, – например, в том, что за всем этим вмешательством не стоят его конкуренты, акулы бизнеса на рынке различных услуг, – возвращается к этому типу и сообразно своему разумению приходит к пониманию поведения и самого этого волнующегося за себя типа.

Ну а как только у ожидающего своего вылета пассажира Владислава вновь всё внутри успокоилось и заняло свои места, – он, если быть предельно честным, не любил беспокойство, – то он, как человек по своей сути ничего не имеющий против того, чтобы оказать поддержку ближнему своему в плане информационной поддержки – типа советом или как сейчас, стать для него психологической подушкой – то он так уж и быть, даёт ему возможность выговориться. Тем более ему надо чем-то себя занять (перечисление своих постов и должностей, честно сказать, усыпляют бдительность и буквально), когда до посадки ещё полным полно времени.

– Что ж, послушаем, о чём таком сокровенном ты решил поделиться с первым встречным. – Про себя улыбнулся основательный гражданин Владислав и с умным видом, а другого он и не умел демонстрировать на людях, со всем вниманием вновь посмотрел на этого разговорчивого человека. Который до этого момента о чём то там говорил, а Владислав только его видел и пока ничего из сказанного им не воспринимал, а тут этот тип вдруг обратил внимание на то, что на него так внимательно смотрят и, замерев на ответном внимании к Владиславу, чуть было не смутил его своим, как оказывается, не таким уж простым выражением лица и взглядом.

Но так как всё это длилось одно лишь мгновение, то Владислав не успел оказаться для себя в неловкой ситуации, когда вот так внезапно сталкиваешься с думающим о тебе взглядом незнакомца и тебе вдруг самому начинает думать об этом незнакомом типе, который как вам понимается, откуда-то и главное, заранее, сумел понять этот ваш ход мыслей. В общем, этот разговорчивый тип вовремя отворачивает своё лицо от Владислава и как понимается Владиславом по интонации голоса незнакомца, то он приступил к изложению нового блока информации. И на этот раз Владислав уже не пропускает мимо себя то, что он говорит, а начинает слушать. И как часто бывает в некоторых подобных случаях, когда рассказчик обладает несомненным талантом рассказывать, а не просто излагать прискорбные факты из своей жизни (о таких фактах, как правило, и распространяются люди при такого рода разговорах по душам с незнакомыми людьми), то по мере своего завлечения в рассказ, начинаешь забывать о многом и главное, о времени.

– Знаете, есть у меня такая привычка, – заговорил незнакомец, глядя вперёд, в зал, на блуждающих в ожидании своего рейса пассажиров, – я перед посадкой на свой рейс, – а летаю я гораздо чаще, чем мне этого хотелось бы и чем вам думается, – с особым вниманием изучаю тех пассажиров, с кем мне придётся совершить этот свой очередной и пока не ясно, удачный ли перелёт. – Как это понимать? – не мог не удивиться Владислав, услышав такой выпад в свой адрес, и в результате чего, его внимание к рассказчику возросло до тех пределов,

когда начинаешь себя чувствовать вовлечённым во всё то, что перед тобой разворачивается рассказчиком в повествовании.

– Кто знает, а кто-то там определённо знает, – на этих словах незнакомец кивнул куда-то вверх, да так призывно, что Владислав не удержался и посмотрел вслед за незнакомцем (когда люди себя ведут вот так, то есть несколько возбуждённо и необычно, то за ними нужен глаз да глаз, так что Владислав всего лишь подчинился своим рефлексам). А там сверху находились пролёты ведущей вверх лестницы, по которой спускались и поднимались люди, и при этом в это летнее время в летней одежде. Так что можно себе представить, что мог ли и увидели бы Владислав и этот незнакомец, если бы в тот момент по лестнице поднималась девушка по-летнему, в короткой юбке одетая. И тут не заподозрить этого незнакомца в чём-то ещё существенном, чем в волнении, будет крайне сложно. Но на этот раз всё для этого незнакомца обошлось и перед Владиславом не предстало ничего такого внушающего грешные мысли.

Между тем незнакомец продолжает свой рассказ. – Я, конечно, имею в виду статистику авиакатастроф. – Сделал важное уточнение незнакомец, как будто Владислав похож на того человека, кто в этом вопросе мог бы о чём-то или о ком-то другом подумать (о том же боге). – А она при всех своих ничтожных, доли процентов, цифрах, всё-таки до конца не убирает возможность не быть записанным в число тех счастливых, кто будет выбран и попадёт в свой поимённый список избранных на тот свет. Здесь я, конечно, имею в виду не службу статистики, а того, кто повыше и информированней всех статистических служб вместе взятых. Ну, вы понимаете, о ком это я. – Здесь незнакомец позволил себе по отношению к Владиславу некое панибратство, с которым он чуть пододвинулся к Владиславу и с претензией на взаимопонимание, таким задушевым образом обратился к нему. Ну а Владиславу ничего другого не остаётся делать, как держать марку всё основательно знающего и понимающего человека – он в ответ многозначительно кивнул.

– А так как никто, кроме этой всевышней информированности не может заранее знать, каким будет этот рейс для меня и всех остальных, – очередным или крайне последним, – то я таким подготовительным образом готовлю себя к непредусмотренному мною будущему. – Обратно заняв своё прежнее место рядом с Владиславом, заговорил незнакомец. – Ведь по лицам и внешнему виду своих будущих попутчиков, косвенным способом можно догадаться, какие насчёт тебя планы у того, кто за всем этим производением искусства стоит. – Незнакомец фигурально рукой обрисовал окружающий мир. Затем окинув взглядом находящихся в зале людей и, выделив среди них пожилую, скорей всего супружескую пару, указал на неё Владиславу. – Вот, к примеру, обратите своё внимание вон на ту пожилую супружескую пару, занявшую места на креслах поближе к стойке регистрационного выхода. Владислав следует своим взглядом за взглядом незнакомца и, обнаружив искомую пару, вопросительно посмотрел на незнакомца. Тот же в ответ спрашивает его:

– И что вам говорит их присутствие на самолёте? – На что следует вполне логичный ответ Владислава – он недоумённо пожал плечами. Что видимо вполне устраивает незнакомца, – это он завёл разговор, и загадки и отгадки на них он будет сам озвучивать, как и полагается всякому увлечённому рассказчику, – и он сам даёт ответ на свой же вопрос. – На первый взгляд ничего необычного, мало ли кто летает на самолётах. И эта пожилая пара, как и многие такие пары, может быть всего лишь собралась слетать напоследок, пока ещё есть силы, к своим сто лет не видели родственникам. И такая вероятность событий более чем вероятна. Правда при всём при этом существует и своя счастливая статистическая вероятность того осуществления, которое для них предусмотрел тот, кто всё и всегда предусматривает за всех. И эту пару, как и других людей в списке пассажиров этого самолёта, на этот фигуральный ковчег записал в свой последний путь всё тот же предусмотритель всего и вся. Вон, посмотри, как они крепко, как в последний раз держаться за руки. Чем не косвенное доказательство моего предположения. – Указуя и несколько дёргано сказал незнакомец. На этот раз Владислав уже не так участливо

смотрит вначале на эту пару, а затем на нервного незнакомца (ему покорило слух обращение незнакомца к нему на ты), после чего внушающе, то есть твёрдо, ему говорит:

– Это в вас волнение и страх перед полётом говорит и заставляет видеть то, чего на самом деле нет.

Но незнакомец, несмотря на такие убедительные заверения Владислава, не успокаивается, а продолжает гнуть свою линию. – Да, в чём-то вы, конечно, правы и одного примера явно не достаточно, чтобы сделать такого рода итоговый вывод. Но если вы не поверхностным, как это обычно делают находящиеся в предполётном трансе пассажиры, а вооружённым хотя бы вниманием, а ещё лучше, психологическими знаниями взглядом посмотрите на тех, с кем вам вскоре предстоит не просто лететь в одном самолёте, а несколько кряду часов придётся находиться в одном замкнутом помещении, дышать одним воздухом и мыслями о сущем, и главное, подвергаться общей для всех судьбе – что довольно-таки странно, при всей вашей непохожести и разности, где вы, как минимум считаете, что вы не заслужили такой участи, разделять свою судьбу вон хотя бы с тем бездельником и никчёмным по сравнению с вами человеком, – то поймёте, что в этом есть некий смысл, со своим лежащим в неизвестных материях и реалиях объяснением. – Тут незнакомец кивает в сторону какого-то типа, и в правду не презентабельной наружности и вида, который явно не просто так прикладывается к бутылочке с газированной водой – в ней, судя по его уже мало вменяемому виду, уж точно находится не вода.

И потому, как Владислав посмотрел на этого малоприятного и совсем ему не понравившегося типа, было понятно, что незнакомец нашёл верные слова для убеждения Владислава в пока ещё не совсем понятно в чём. Пока же Владислав со своим предубеждением разглядывает этого типа с бутылкой в руках, о котором надо обязательно сообщить службе контроля, а то он в самолёте обязательно устроит дебош, незнакомец продолжает говорить.

– И тут как не задаться вполне логичным при данных обстоятельствах вопросом. Но почему я, именно такой-то, на других людей совсем не похожий и в чём-то исключительный человек, должен разделить свою судьбу именно с этими, столь разными и непохожими друг на друга и на меня людьми, где среди них могут быть, как заслужившие для себя более строгого наказания, так и те, кто жил свою жизнь чуть ли не праведником? И какая всё-таки есть между всеми нами связь и чем руководствовался создатель в своём подборе пассажиров в этот для себя судьбоносный рейс? – Незнакомец сделал значимую паузу и уже с большим убеждением заговорил. – А насчёт случайности выбора, то в мире, где ничего не делается безотчётно и всё подчинено своим знаковым законам, это тоже есть некий, существующий по своим законам случайности выбор. Да хотя бы тот же выбор вашего места в салоне самолёта, который как всеми нами думается на основании написанного объявления на сайте компании по продаже авиабилетов, вроде как делается системой методом случайного подбора. И спрашивается, а на основании какого алгоритма действий, эта случайность осуществляется, и не стоит ли за ним и за всем этим действием кто-то совсем не случайный, которому было крайне важно посадить на этот рейс именно вас и обязательно рядом с вами, не какого-нибудь мало разговорчивого типа, который весь полёт проспал, а разговорчивую и очень пугливую во время воздушных ям и турбулентности привлекательную молодую особу, с которой вы впоследствии так вляпаетесь в далеко идущую и крайне неприятную для вас историю, что лучше бы самолёт упал прямо при взлёте и разбился. – Задаётся вопросом незнакомец, переведя внимание Владислава на себя.

– Но у меня место в бизнес-классе, и я, если хотите знать, лично сам выбирал для себя это место. – Немало удивлённый и определённо сбитый с толку, проговорил Владислав, а тут ещё как будто специально, никого не замечая, мимо проходит такая вся из себя элегантная и представительная молодая особа в брючном костюме, катя за собой изящный чемоданчик на колёсиках, что у Владислава предчувственно внутри всё заволновалось и вспотело. А когда эта явно бизнес-леди всё же уделила Владиславу короткое внимание, – она окинула его быст-

рым, но запоминающимся взглядом, – то у Владислава мало оставалось разумных отговорок и желания не верить всему сказанному незнакомцем.

Но Владислав всё же основательный человек, для которого уверений в своей платёжеспособности недостаточно, ему нужно видеть поступление средств на свой счёт (это он и мы вслед за ним, согласно своему близкому к генеральским должностям и бизнес структурам мышлению, так рассуждаем), и к тому же он крепкий хозяйственник, а из этого вытекает как минимум то, что он никогда виду не показывает, что его в чём-то убедили, и если так уж получилось, то максимум, что он демонстрирует, так это то, что рассматриваемый вопрос не столь прост и он явно требует дополнительного обсуждения.

– Это, как я понимаю, ваша гипотеза. – После небольшого раздумья, потребовавшееся ему для того чтобы проводить взглядом эту бизнес-леди, утверждающе сказал Владислав, в некоторых вопросах старающийся придерживаться скромности (имеется в виду упоминание им номера своего места). – И всё-таки этого мало и недостаточно, чтобы делать такие ответственные за чужую судьбу выводы. – Со всей ответственностью за свои слова, проговорил Владислав.

– Что ж, ваше право верить или не верить всему мною, для вас незнакомому человеку, сказанному. Тем более перед полётом лучше придерживаться несколько важных правил: не знать ничего об авиа-статистике, не слушать рассказы о любого рода катастрофах и крушениях, и само собой не обращаться к гадалке за советом, каким рейсом лететь, утренним более дорогим, который почему-то вам кажется безопасней, или вечерним гораздо дешевле, но при этом более опасным – на нём летят с футбольного матча не трезвые фанаты. Вы, я надеюсь, последовали этому совету своих знакомых? – И незнакомец ещё спрашивает о таких, само собой подразумевающихся вещах – Владислав и без совета своих знакомых ни за что бы не пошёл на счёт себя гадать к гадалке, а вот насчёт некоторых своих зловредных знакомых, был бы не прочь сходить. И его отрицательно кивающий ответ всё расставляет по своим местам.

Между тем незнакомец собрался было продолжить рассуждать и сбивать Владислава с мысли, но тут Владислав, явно в уме сопоставивший некоторые знаковые моменты из всего этого разговора, и главное ему не давала покоя эта бизнес-леди, вдруг повернулся к незнакомцу и, уставившись в упор на него, многозначительно спросил:

– Почему именно я?

Ну а незнакомец ожидаемо ведёт себя непонимающе, переспрашивая Владислава. – Вы это о чём?

– Почему вы подошли со всем этим именно ко мне? И только не говорите мне, что всё это случайность. – Достаточно жёстко проговорил Владислав. И на этот раз незнакомец не стал юлить и уходить в сторону от ответа. А он, проявив на лице еле заметную улыбку, что на его строгом лице выглядело несколько странно и угрожающе, осветился в глазах, вспыхнувшим огоньком возбуждения и, чётко отбивая слова, заговорил:

– Я же вам говорил, что та же случайность, это есть тот же природный закон, разве что подчинённый иным, не столь логически следуемым правилам. И то, что я подошёл к вам, то этому, скорей всего, есть свои объяснения. При этом решение что-либо объяснять вам, либо же ограничиться частичным объяснением или же игнорировать вас, в итоге зависит оттого, в каком предметном качестве – объекта или субъекта – вы видите и можете быть представлены для реализации подчинённых этим правилам планов. – Здесь незнакомец так цепко и отчасти жёстко посмотрел на Владислава, что тот не посмел возмутиться, хотя всё в нём для этого было готово и подрывалось, после того как незнакомец так возмутительно для него обрисовал сложившуюся ситуацию с ним.

– Должен заметить, а вы внимательны и умеете делать выводы. – Проговорил незнакомец. И теперь уже Владислав задался вопросом. – Вы это о чём?

– Конечно о вас. Разве не ясно. – Сказал незнакомец.

– Я не понимаю. – Искренне сказал Владислав. Но незнакомец видимо решил следовать в своём разговоре своим путём и он не реагирует на это непонимание Владислава, а ведёт свой разговор дальше. – Интересуешься, почему именно ты. – Глядя на Владислава, задумчиво сказал незнакомец. – А не кажется ли тебе, что если такой вопрос возник, то прежде всего его нужно задать себе, а не во вне. – Незнакомец, продолжая смотреть на Владислава, замолкает, как бы ожидая от него неких, неизвестных для него действий. Владислав же ничего не предпринимает, и тогда незнакомец даёт ему подсказку на эти действия. – Так задайся им, время для этого ещё есть. – Твёрдо говорит незнакомец, и Владислав хотя бы делает задумчивый вид.

О чём думал и мог ли думать вообще на тот момент Владислав, до точности и самому ему неизвестно, хотя вид у него был многообещающий. Но незнакомец явно знал, насколько обманчивы все эти многообещающие виды, да и отталкивался он в своём подходе к Владиславу на другие основания, в общем, он не стал интересоваться у него, что он там себе ответил и сам предложил свою версию ответа.

– Скажу так, ты нам подходишь. – Многозначительно и по смысловой нагрузке достаточно страшно сказал незнакомец, отчего напуганному Владиславу захотелось немедленно закричать «караул» или как-нибудь по-другому обратиться за помощью. К чему бы он тотчас прибегнул, не находишь в такой опасной близости от него этой страшный тип, с такой крепкой цепкостью смотрящего на него. Ну а незнакомец явно всё это по Владиславу может прочитать и он, усмехнувшись, смягчённым голосом спрашивает его. – Надеюсь, я вас не напугал этим своим заявлением. Как мне казалось, когда я вас там, у входа в зону паспортного контроля видел, то вы человек достаточно смелый, чтобы пренебречь публичными опасностями, которые несут большие скопления людей.

А вот эта отсылка незнакомца к тому, что происходило в общем зале аэропорта, где Владислава достаточно провокационно своей любвеобильностью, – а он ведь её предупреждал, что не надо так к нему сильно прижиматься и крепко целовать на дорожку, – провожала одна его настолько хорошая знакомая, что у него с некоторых пор начались рождаться свои сомнения насчёт продолжения этого знакового и достаточно продолжительного знакомства, и уже в следствии этих сомнений, свои знаковые вопросы: «А не пора ли уже завязывать это затянувшееся знакомство, пока о нём всё не стало известно моей ревнивой супруге, или может быть, уже саму супругу перевести в разряд хороших знакомых, а свою хорошую знакомую поставить на место супруги?», – вновь вернула ему самообладание и уверенность в себе.

Ведь когда приходишь к пониманию и знанию того, что от тебя на самом деле хотят, – а этот тип явно шантажист, который решил опередить его и первым ответить на эти вставшие перед ним вопросы, если он, конечно, чем-то в материальном плане не поспособствует его молчанию, – и в результате убираются все загадки и не договорённости, то видимость пути выхода их сложившейся ситуации, так сказать, в своей степени облегчает положение того, кого хотели через все эти загадки и головоломки загнать в тупик непонимания.

– Ах, вот вы о чём. – Уже тоном человека более чем уверенного в собственных силах и презирающего такого рода ничтожных людей, которые перебиваются такими подлыми и честно сказать, мало способствующими благосостоянию заработками, сказал Владислав, более чем дерзко посмотрев на незнакомца, ожидая от него вначале грозных требований о выкупе, а после того как он его осадит своей непоколебимостью и знаниями многих влиятельных людей, среди которых есть и прокурор, то и слезливых просьб о вознаграждении за его молчание и сделанные им фото. Но незнакомец в ответ ведёт себя крайне непредсказуемо, и он вместо того, чтобы всё это от Владислава пакетно потребовать: «Вот моё клятвенное заверение, зуб даю, что никому об этом вашем междусобойчике с этой симпатичной особой не сообщу, и плюс карта памяти с вашими фото, а вы мне баш на баш, сделаете перевод на этот

счёт», – с такой настолько язвительной и наглой ухмылкой ответно спрашивает, что Владислав начинает опять заблуждаться на счёт своей самоуверенности.

– И к чему это я по вашему, веду этот разговор? – спрашивает незнакомец. И Владислав даже на мгновение теряется, не зная, что ответить этому опять начавшему его пугать, столь загадочному типу. При этом и отмалчиваться у него не получится – почему он так решил, то это другой вопрос, – и Владислав, сбиваясь на мысли и слова, начинает выговаривать то, что он надумал про этого типа и в чём с минуту назад был более чем уверен, а сейчас вообще неуверен.

– Вы упомянули о том, что видели некие мои провокационного характера действия у паспортного контроля, которые могли бы вызвать нежелательные последствия для меня, вот я и сделал из всего этого соответствующие выводы. – Сказал Владислав.

– А иначе я послужу катализатором ваших дальнейших решений насчёт этой молодой особы. Так что ли? – задался вопросом незнакомец, искренне недоумевая, что ещё больше указывало на нелепость прежних логических выводов Владислава насчёт скрытых намерений незнакомца.

– Вроде того. – Совсем неуверенно и таким не свойственным для себя языком просторечья, до которого он никогда не опускался и вроде до сегодняшнего разговора и знать не знал, чуть ли не проблеял Владислав. На что незнакомец чуть ли не оскальчивается в ухмылке, затем выбивает из себя пару хриплых смешков, после чего вновь становится серьёзным и говорит. – Вот видите, насколько вероятно и предсказуемо мыслит наш мозг. И всё оттого, что он выбирает для себя наиболее по его разумению рациональные пути к своей итоговой цели. А эта рациональность, как правило, опирается на одно и то же качество, на простоту и лёгкость достижения цели. Вот ваш мозг и выбрал для себя наиболее лёгкое и логичное объяснение случившемуся, тогда как настоящая причина всему происходящему, совсем другая, так сказать, не укладывающаяся в обычные схемы объяснения вашего мозга. А если к этому ещё и прибавляется ваше желание, то тут уж и не какими разумными доводами не разубедить ваш мозг, которым отныне и до момента катастрофы будет руководить это желание. – Незнакомец выразительно посмотрел на Владислава и продолжил свои разъяснения:

– Вот, к примеру, моё всего лишь предположение насчёт той бизнес-леди, с красивым чемоданчиком на колёсиках, то, что она в самолёте займёт место рядом с вами. На каких основаниях, вы в это уверовали? – задался вопросом незнакомец и сразу же дал на него ответ. – На том лишь основании, что она рядом с нами так призывно прошла, и вам этого сильно захотелось при её виде, не так ли? – незнакомец опять для оборота слов задался не требующим ответа вопросом и продолжил давить на своего, и слов не находящего визави. – А может быть, я её просто раньше вас заметил и манипуляционно использовал для своих целей.

– Каких? – спросил незнакомца Владислав.

– Скажем так, убедить вас. – Туманно ответил незнакомец.

– В чём? – последовал вопрос Владислава.

– В чём смогу. – С долей иронии ответил незнакомец. – И в чём-то, о чём вы пока не догадываетесь, я уже вас убедил. – Многозначительно добавил незнакомец и, не давая Владиславу снова задать вопрос, начал дальше развивать тему своего разговора. – Ну а эта ваша, даже не уверенность, а самоуверенность в том, что на ваш выбор вашего места в самолёте влияете только вы и никто другой, и тут нет места никакой случайности, из той же серии собственного самовнушения – я хозяин своей судьбы и на мои решения никто или минимально влияет. Да зная о вас только одно, например, что вы не любите сидеть в проходе, хоть и бизнес-класса... – Но как? – в волнении перебил незнакомца Владислав. На что незнакомец усмехается и, покачив головой, даёт ответ:

– Да никак, а я всего лишь предположил и попал в точку. – Но по виду Владислава точно не скажешь, что он поверил в этом незнакомцу. Но тому в этом вопросе не важно насколько

ему верит Владислав, и он продолжает говорить. – А в вашем окружении наверняка есть те, кто о вас знает гораздо больше, чем я, и этот знающий о вас и о ваших некоторых привычках человек, уже на основании только этих знаний, – даже в случае если билет на самолёт покупаете лично вы, – может посадить вас в самолёте именно туда, куда им было задумано. А уж посадить к вам желательную персону и вовсе не вызовет затруднений.

– Вы из специальных служб? – вновь перебил незнакомца, хрипло заданным вопросом Владислав. Что вновь вызывает у того усмешку, с которой он отвечает. – Вы опять идёте по тому же, самому лёгкому пути. Хотя я вам уже объяснил его ошибочность. При этом вы почему-то не используете этот же путь для объяснения всего того, что я вам сейчас говорю насчёт того же подбора для себя места в самолёте. Разве не логично будет объяснить эту возможность манипуляции вашим сознанием при вашем выборе места, – при наличии знания о вас того, что вы предпочитаете сидеть у окна иллюминатора, – тем, что кто-то взломал сайт авиакомпании и из всех тех мест бизнес-класса, которые расположены у окон фюзеляжа, оставил только одно свободным. Которое вы в итоге и купили. Вот и всё объяснение. – Здесь незнакомцу оставалось развести руками, вот мол, как легко всё объясняется, но он не стал их разводять, а просто посмотрел на Владислава, который определённо ждал от него итоговых объяснений этого заведённого с ним разговора. И тут видимо Владислав собрался с силами и, оперевшись взглядом в незнакомца, обратился к нему с вопросом:

– Может быть, перестанете ходить всё вокруг да около, и объясните мне, наконец, что вам от меня нужно.

– Мне? – многозначительно спросил незнакомец, затем, углубившись в себя, как бы задумавшись и, после небольшой паузы посмотрев на Владислава вроде как просветлённым взглядом, дал ему ответ. – Есть необходимость убедить вас в чём-то одном. Либо вы должны отказаться от полёта, либо должны обязательно лететь. А вот в чём именно, то для того чтобы мой ответ не смог оказать на вас и на принятие вами окончательного решения какое-то давление, то я на прямую не скажу. А вот должные обоснования причин для того или иного выбора, я приведу. Хотите выслушать? – спросил незнакомец.

– Боюсь, что у меня теперь нет другого выбора. – Мрачно проговорил Владислав.

– Кроме разве что выслушать меня где-нибудь сидя за столиком. – Это предложение незнакомца было принято Владиславом, и когда они заняли один из столиков в местном кафе и сделали заказ по чашке кофе, само собой за счёт Владислава, то Владислав перед тем как дать слово незнакомцу, обратился к нему с вопросом. – И кто ж ты всё-таки такой? – Незнакомец задумывается на мгновение и отвечает. – Я думаю, что моё имя тебе ничего не даст, если оно и мне ничего, кроме неприятностей не приносит. – Усмехнулся незнакомец. – А вот то, что тебе поможет для понимания мною сказанного, то, что меня в основном характеризует, то почему бы и нет. – Незнакомец вновь задумывается, и как и в первый раз, после совсем небольшой паузы говорит:

– Я так сказать, человек увлечённый проживанием своей жизни. А помогает мне для этого моего увлечения, моё умение использовать по полной существующие законы мироздания. И если добавить к одному известному изречению: «Не знание законов не освобождает от ответственности», – своё, так из него и вытекающее дополнение: «А отличное знание законов позволяет не только обойти эту ответственность, но и много чего позволяет», – и применить его к данной области взаимоотношений человека с окружающим его миром, то сами понимаете, какие открываются и открылись большие перспективы для моего самого не безбедного проживания. Вот и я, как и всякий человек, которому не чужды нужды ближнего своего, с некоторых пор, по мере своих возможностей и оказываю ему помощь.

– И как я понимаю, эта помощь требуется мне? – многозначительно прищурился Владислав.

– Возможно. – Явно уходя от прямого ответа, сказал незнакомец. Что, конечно, не может устроить Владислава, у которого и так душа не на месте, а после таких прямолинейных намёков этого типа, у него и вовсе всё внутри в самом нехорошем предчувствии сжалось. И Владислав с вновь обрётённой жёсткостью, которая была утрачена вместе его самоуверенностью и сейчас, когда дело начало касаться его я, вернулась опять же вместе с ней, крепко так спросил незнакомца. – Не возможно, а ты точно знаешь, что да. А иначе, зачем ты ко мне подошёл.

– Я вижу, что ты уже начал прозревать и больше не выбираешь для себя первые же попавшиеся пути. – Последовал ответ незнакомца.

– А чтобы ты ещё порадовался за меня, то я предположу, что как раз ты и есть моя настоящая опасность, и если мне требуется помощь, то только для того чтобы оградить себя от тебя. – Уже с какой-то прямо злостью сказал Владислав.

– Я за тебя радуюсь. – Улыбнулся в ответ незнакомец. – Ну так что, рассказывать? – спросил незнакомец. Владислав в ответ только кивает, и незнакомец берётся за свои объяснения. – Так в первом случае, где звучит предложение об отказе от полёта, я мог бы сослаться на самое действенное средство, на мои предчувствия неминуемой авиакатастрофы, на которую мне столько всего указывало, начиная от вещего сна, – вот не добрым словом помянешь меня, когда будешь вместе с самолётом кувырком лететь в штопоре вниз, после того, как мне приснилось, что в левый двигатель попадёт птица и он вспыхнет, – заканчивая встречей с молодой незамужней девушкой, с пустой посудой при себе (на голове или в руках, не важно), – что есть всего лишь инструмент и средство, – но я обращусь к самому невероятному и по своему ничёмному объяснению: Ковчег ещё полностью не сформирован и пока ещё нужно подождать.

– Значит всё-таки ковчег. – Ослабившись после такого заявления незнакомца, от которого явно ожидалось большего, заявил Владислав, вновь успокоившись. А тут как раз ещё и кофе принесли, и он, не боясь обжечь язык, сделав большой глоток из чашки, спрашивает незнакомца. – И что же в нём не так?

– Если знаете основной принцип, на котором формируются все ковчег, – каждой твари по паре, – то не трудно догадаться. – Без доли несерьёзности сказал незнакомец, прильнув к своей чашке.

– Объясните. – Уже без иронии спросил Владислав, интуитивно почувствовав, что с ним не шутят. Незнакомец отрывается от своей чашки, смотрит внимательно на Владислава, отставляет в сторону чашку и, придвинувшись к столу, начинает новое своё объяснение:

– Ковчег по своей сути есть средство для твоей доставки в новый и обязательно лучший свет. Для чего в него и берутся лучшие представители от каждой части живого. Ну а наш ковчег не совсем обычный, и у него функции несколько другие, чем у его прародителя – он скорее похож на челнок, с заявленным пунктом назначения: в новый неизведанный мир. А в качестве новооткрывателей для себя нового мира, в нём собираются сообразно представлению о парах в ковчеге, свои людские пары. И эти людские пары должны быть представлены если не всеми, что на данный момент невозможно, то хотя бы основными существующими на земле гено- и психо – человеческими типами. И вот когда первая команда будет сформирована, а сейчас она ещё не собрана, и значит ещё не время, то тогда и будет можно отправляться в полёт.

– Вы сумасшедший? – без всяких обиняков, в упор задаёт вопрос Владислав. На что незнакомец смотрит себе сверху на нос или куда там ещё ниже, после чего возвращается к Владиславу и переспрашивает его. – Вы так решили, потому, что я вас выбрал?

– Спасибо, конечно, за доверие, но я не об этом. – Сбившись таким ответом незнакомца, Владислав не совсем твёрдо ответил.

– А, понимаю, – выразительно ярко сказал незнакомец, – вам идея ковчег кажется бредом сумасшедшего. Что ж, так и запишем, что вас такое объяснение не устраивает, и я перехожу ко второму пункту. – А вот тут-то Владислав догадался, что к чему, – этот ловкач явно склоняет его к принятию второго решения, а иначе зачем он этот бред ему тут нёс. Ну-ну,

давай, начинай мне тут новые сказки рассказывать. Теперь я даже если не захочу, а специально полечу. – Владислав сделал такой для себя вывод, и собрался было, согласно кивнуть этому ловкачу, как вдруг его накрывает озарение, связанное с ранее сказанным незнакомцем. «Ты опять выбираешь для себя самый лёгкий и логичный путь», – Владиславу вспоминаются эти слова незнакомца и он понимает, что опять пошёл по этому пути, где приняв всё рассказанное незнакомцем за бред, соответственно этому и принял для себя решение. Тогда как незнакомец, определённо просчитывая этот его шаг, специально запустил в объяснение этот нелепый рассказ.

– Проявлю заинтересованность, а там по мере прошупывания, выясню, что к чему. – Приняв для себя новое решение, Владислав обращается к незнакомцу. – Наверное, я поспешил, делая такие выводы. Давайте, прежде чем перейти ко второму пункту, вы мне объясните эти основные принципы формирования команды челнока, или ковчега. – И видимо незнакомец не ожидал такого ответного хода Владислава, что определённо того порадовало, раз он замешкался, и чтобы скрыть это своё замешательство, посмотрел на свои ручные часы, затем сделал обдумывающий вид и только тогда, со словами: «Время у нас ещё есть на пару слов», – взялся за озвучивание этих двух слов.

– Действительно, первое чувство, которое возникает у людей, когда я называю авиарейс ковчегом, то это недоумение. Но как я уже вам говорил, ковчег это есть средство доставки в новый и как думается лучший мир. А так как каждый наш полёт есть по своей сути полёт в неизвестность, – никто, кроме вездесущего бога не знает, чем на самом деле закончится и куда приведёт каждый из полётов, а итоговые варианты пункта прибытия бесконечно разнообразны, от приземлённых, до самых небесно невероятных, – то чем это не ковчег. Что же касается вопроса о команде, то тут одновременно всё ясно и не всё так однозначно. Здесь помимо личных мотивов, нужд и совместимости, нужно учитывать и общее благо. А как мы знаем, то личное и общее всегда находятся в сложного рода, психологической конфронтации, и это в некоторой степени и осложняет выбор командного состава. Так, к примеру, наряду с людьми благого и спокойного нрава, как бы это не казалось странным, есть своя природная нужда в людях деятельных и агрессивных. А чтобы в результате этого не возник свой агрессивный дисбаланс, нужно искать что-то в противовес всему этому. Так что тут не всё так просто и без хорошего счетовода не обойтись. – Незнакомец замолчал, ожидая от Владислава вопросов. И Владислав и сам не заметил, как задал несколько недовольным и удивлённым тоном вопрос:

– Так вы меня что ли, видите в качестве счетовода?

– Считать и сводить баланс, так по мне, лучше, чем быть считываемым. – Аргументировал незнакомец.

– Ладно, с этим пунктом разобрались. – Владислав, видимо решив пока подумать, переводит разговор дальше. – Что там меня ждёт на второе? – с долей иронии спросил Владислав.

– Неприятности, которые вы бы хотели избежать и лучше не видеть. – Холодным тоном ответил незнакомец. Что некоторым образом задело Владислава, и он, также похолодев в голосе, переспросил. – А вам-то откуда знать, что мне лучше видеть, а что не видеть? – И пока незнакомец не ответил, поспешил добавить. – Вот только не надо мне тут делать отсылки к своему логическому мышлению. Мол, если я примеру, женат, то мне лучше не видеть, что моя супруга поделывает в моё отсутствие в командировке, – это правда самое простое объяснение, – а если я уважаем и богат, то сами понимаете что. – Владислав в конце своего достаточно резкого высказывания поутих, вдруг поняв, что его собеседник слишком опасен в словесных баталиях. Что немедленно и было продемонстрировано им через ответный вопрос.

– Так с чего начать-то? С самого простого или самого обычного, как у всех, предательства и потерь? – незнакомец этим своим вопросом прямо выбил стул из под зада Владислава, для которого теперь любой ответ был не в его пользу – незнакомец мигом просчитает, чего

больше всего он опасается. И поэтому Владислав решил выбрать нейтральный ответ, хотя он уже запоздал с этим своим опасением, он был давно просчитан. – С чего хотите, с того и начинайте. – Помертвевшим голосом проговорил Владислав.

– Говорят, что для того чтобы понять сложные вещи, нужно начинать с самой элементарной, простой вещи. – Откинувшись на спинку стула, рассудительно заговорил незнакомец. – Ну а если она мне недоступна в элементарном, но доступна в физическом плане, или же наоборот, – здесь незнакомец многозначительно посмотрел на вздрогнувшего под его взглядом Владислава, – то, что спрашивается, мне остаётся делать в каждом из этих случаев? – здесь незнакомец делает такую интригующую и по своему невыносимую для Владислава паузу, что он готов взорваться. Но незнакомец не так сильно затянул паузу и своим вопросом несколько разрядил обстановку. – И знаете, что я делаю в таких случаях? – И Владислав само собой не знает, что он и показывает, отрицательно кивнув. А вот ответ на свой же вопрос незнакомца, определённо удивил Владислава.

– Я сажусь в самолёт и лечу, чтобы выяснить для себя ответы на вставшие передо мной вопросы и сомнения. – Отвечает незнакомец и протягивает свои руки к оставленной чашке с кофе. После чего он начинает не спеша пить кофе, своим поведением вызывая у Владислава полное своё непонимание, которое формируется в свой озвученный вопрос. – И это всё, что вы хотели сказать? – спрашивает Владислав.

– А вам нужны подробности, что там не так с вашей... Ой, извините, оговорился. – Вино вато улыбнулся незнакомец. Из-за чего, а именно из-за этого, с явной игрой на публику, поведения незнакомца, Владислава вдруг окатило волной горячего пота, а сам он покраснел. А как вслед за этим его в голову ударило гневом, то он со стальным нажимом на слова, начинает требовательно говорить. – Раз взялись говорить, то договаривайте. – А незнакомец в ответ как будто издевается, задавая дерзкие вопросы. – Всё начистоту?

– Да. – Скрежетом зубов отдаётся ответ Владислава.

– Без всяких утаек? – продолжает издеваться в ответ незнакомец.

– Да. – Продолжает ответно скрежетать зубами Владислав.

– И вы всему мною сказанному поверите? – вопрошает незнакомец.

– Да. – Не раздумывая, соглашается Владислав.

– А теперь последний, уточняющий вопрос. О ком всё-таки я должен всё начистоту, без утайки на подробности, и чему вы обязались поверить, вам рассказать? – а теперь уже незнакомец, задав этот вопрос, взял в стальные тиски своих холодных глаз Владислава, который от понимания того, что и сам для себя ещё не обозначил ту, о ком он хотел бы услышать все эти неприятные вещи, в момент растерялся и обмяк на стуле, только хлопая глазами в ответ. Незнакомец же не стал дожидаться, когда Владислав как-то себя словесно проявит, а обратился к нему:

– Пока же вы соображаете над тем, что себе и мне затем ответить, я расскажу вам, для чего собственно я сажусь в самолёт, – я ведь вам уже говорил, что мне приходится очень часто летать и всё по этой необходимости, – и каким образом я нахожу для себя ответы на вставшие передо мной вопросы. – После чего незнакомец делает приличный глоток из чашки и, придерживая в руке чашку, принимается за свой рассказ.

– Всё на самом деле очень просто, – заговорил незнакомец, – я с помощью этого средства физического перемещения и заодно моего мышления, что в данном случае немаловажно, пытаюсь и часто не безуспешно, заглянуть в будущее. Спросите как, а может и не спросите, так как уже догадались об этом, вспомнив в одном случае, о моём, так сказать, необычном образе мышления и в другом, о часовых поясах. Но при любом ответе я всё же объясню. Так наличие и даже отсутствие часовых поясов, – их наличие обусловлено необходимостью учёта и упорядочивания времени, – говорит лишь об одном – в один и тот же момент времени, каждый из живущих на этой планете людей, пребывает только в своём и относительно друг друга в раз-

ном времени. И если, находясь вблизи друг с другом, люди, как правило, не замечают этой временной разницы, – а она определяется одной качественной характеристикой, ходом и в следствии этого, образом человеческого мышления, – то перемещение на самолёте на огромных скоростях, позволяет уловить тот момент перехода времени и несомых вместе с ним смыслов и значений.

– Ведь что такое на самом деле часовые пояса? – спросил незнакомец и как он уже не раз проделывал, сам и ответил на свой вопрос. – Это единица физического выражения значения времени в данной точке пространства, при соблюдении основного правила определения времени: время постоянно и существует одновременно во всех точках доступного нашему разуму пространства.

– И вот когда ты оказываешься на самолёте, летящем на огромных скоростях, в своего рода без точечном пространстве, где временной поток не закреплён в свои временные измерительные рамки и он, можно сказать, не сформирован в единую временную знаковость со своими временными переходами от настоящего к будущему и прошлому, – в самолёте, как в замкнутом пространстве есть только одно время, настоящее, – и всё в этом потоке между собой перемешано, то с людьми и случаются свои мысленные озарения. Где он вдруг видит то, что между людьми называется будущим (то что все видят своё прошлое в другом свете, даже ни у кого не вызывает сомнений). И поэтому, когда мы, за такое относительно короткое время переносясь через огромные пространства, выходим из самолёта, то чувствуем себя несколько отстранённо от реальности – мы слишком долго были в одном времени и в нас восстанавливается остановившийся на время перелёта счётчик отмера времени, который теперь будет работать в новых условиях.

– И вот когда ты спусти какое-то перелётное время, – после небольшой паузы, необходимой для того чтобы смочить горло, продолжил незнакомец, – не только оказываешься в другой точке пространства, но и по времени ты не слишком убежал вперёд и у тебя, как оказывается, есть ещё в запасе столько же времени сколько составляет разница между тем часовым поясом из которого ты отправился и тем в который прибыл, то первым, кто заметит эту разницу, будет твой биологический организм, которому, либо станет зеваться, либо он есть захочет (в самолёте почему-то не елось от страха). Затем настанет некоторый период твоей адаптации к новым условиям своего временного проживания, где ты неосознанно, время от времени ориентируясь на прежний свой ход жизни, обращаешься своей памятью к этому времени – а вот в это время я, как правило, уже спал или наоборот, зависал в клубе. И если ты проявишь большую внимательность к своим мысленным ощущениям и своему ходу мысли, а не станешь всё своё первое время тратить на адаптацию к местным условиям проживания, – в некотором роде переформатироваться из одной файловой системы в другую, – то сумеешь заметить, что ты на ту же разницу во времени, которая существует между той точкой пространства, откуда ты прибыл и этим твоим настоящим местом нахождения, можешь некоторым образом, если не предвидеть, то предугадать будущие поступки окружающих. Вот, например, – незнакомец на этих словах оживляется и, повернувшись от Владислава в сторону зала ожидания, начинает кого-то там высматривать. Куда вслед за ним посмотрел и Владислав, находящийся в каком-то умственном ступоре или заморозении (возможно, что монотонный голос незнакомца тому поспособствовал).

Но вот незнакомец после небольшого блуждания своим взглядом по залу, останавливается на одном месте и, кивнув головой, говорит Владиславу. – Посмотри в сторону эскалатора. – Впрочем, он мог бы этого не говорить, Владислав уже смотрит в эту сторону и видит всё, что вокруг него и на нём происходит – постоянная смена прибывающих на подъёмном эскалаторе лиц, и спин на соседнем, работающем на спуск.

И эта смена прибывающих на эскалаторе лиц, по своему интересна – можно загадывать на своё и будущее пребывающих на нём людей. Например, закроешь глаза и загадаешь про

себя: «Что меня будет ждать по моему прилёту?», – после чего открываешь глаза и по тому лицу, которое предстанет перед тобой на эскалаторе, – светлое, несколько наивное и радостное лицо девушки, всегда заставляет с оптимизмом смотреть на своё и её будущее, а вот некоторые полные презрения к окружающим, апломба и важности физиономии, кроме пессимизма ничего не внушают, – можно сделать для себя итоговый вывод. А если он тебе не понравится, как и представившееся лицо какого-то мутного типа, – типа твоё будущее так же туманно, как и глаза этого типа, – то можно по-новому загадать, закрыв свои глаза.

Но такими вещами Владислав уже и не помнил, когда в последний раз занимался, – наверное, тогда, когда был неустроен в своей жизни (сейчас-то у него всё в порядке), – да и не до этого сейчас, и он не стал, закрывая глаза, загадывать, а только сказал. – Ну, смотрю.

– Видите, рядом с ним стоит такая беззаботная молодая парочка? – вопросительно сказал незнакомец. И, конечно, Владислав её видит – он её сразу заметил. А как эту парочку не заметить, если она себя так отлично от всех, кроме разве что детей, для которых беззаботность нормальное состояние души, здесь себя ведёт.

Так находящиеся здесь в зале ожидания вылета люди, всё сплошь серьёзно, несколько нервно и озабоченно своим предстоящим полётом выглядят, и с этим взглядом смотрят на окружающее, тогда как эта парочка ведёт себя просто возмутительно – она ни коем родом не выказывает своего волнения, как будто их это не касается, и только и делает, что между собой переглядывается. А это, между прочим, сбивает с обстоятельной мысли о предстоящем перелёте и должного настроения людей, трепетно относящихся к своей жизни, которым приходится на них отвлекаться и через одного спотыкаться на ступеньках эскалатора.

– Хотите, предскажу, что сейчас с ними будет? – спросил незнакомец. Владислав в ответ переводит свой взгляд с этой парочки на незнакомца, внимательно смотрит на него, явно ища какого-то подвоха, и после насыщения себя пониманием, что будет так, как тот задумал, говорит. – Попробуйте.

– Она сейчас поедет вниз на эскалаторе, а он её будет ждать здесь. – Глядя в упор на Владислава, не спеша, тихим голосом проговорил незнакомец. Далее следует молчаливая пауза, во время которой эти немые собеседники внимательно смотрят друг на друга, явно ожидая от своего визави некоего первого шага. И он следует со стороны Владислава, чья выдержка не столь крепка. – И это всё? – спросил Владислав.

– Нет. – Сухо ответил незнакомец.

– И что же ещё? – спросил Владислав.

– Она не поднимется на соседнем эскалаторе, как ими планировалось. Он её потеряет. – Как-то уж совсем загадочно, с мрачным контекстом проговорил незнакомец и тут же повернулся в сторону эскалатора. Куда вслед за ним оборачивается и Владислав, где видит, как эта влюблённая парочка разделилась, и девушка уже спускается на эскалаторе и радостно машет рукой своему другу. Когда же она скрылась из виду Владислав, а её друг подошёл к соседнему эскалатору, чтобы её встретить, незнакомец проговорил. – Ещё мгновение и он её потеряет. – И тут Владислав, по непонятно каким причинам, вдруг в волнении вспыхивает и, повернувшись опять к незнакомцу, звучно так и настойчиво к нему обращается:

– Это опять ваши шуточки?

Незнакомец в ответ спокойно на него смотрит и, ровным, бесстрастным голосом проговорив: «Нет», – в тот же момент сбивает Владислава с набранного темпа. А как только Владислав в очередной раз потерялся в себе, он подводит итог всему этому разговору. – А теперь пришло время делать выбор.

– И что я должен сделать? – с придыханием спрашивает Владислав, глядя исподлобья на незнакомца.

– Где ваш посадочный талон? – спрашивает незнакомец. Владислав прежде чем ответить, отправляет свои руки в карманы своего пиджака, для того чтобы начать их ощупывать

и только после того как посадочный талон еле найден от волнения и какого-то странного предчувствия, – Владислав на один момент даже испугался, что он его потерял и при этом точно не просто так, – он его вынимает и, положив на стол перед собой на стол, говорит. – Вот он. – Незнакомец смотрит на билет и, с улыбкой подняв своё лицо на Владислава, говорит. – А место всё-таки у окна иллюминатора. – После чего уже он сам лезет во внутренний карман своего по непогоде надетого плаща, и достаёт оттуда и кладёт на стол перед собой, в кожаном переплёте блокнот типа органайзера. Затем он открывает его и перед Владиславом открывается его настоящее предназначение – раскрытая перед ним страница представляла из себя большую визитницу, со множеством отделений для визиток и карточек, где часть из них была пуста, а часть была занята торчащими из них, как понял Владислав, посадочными талонами. Незнакомец смотрит на Владислава, который всё продолжает смотреть на ячейки органайзера, и говорит ему:

– Если вы принимаете первое предложение, то тогда прошу ваш посадочный талон предъявить мне, чтобы я забронировал для вас место в одной из этих, пока что свободных ячеек. Если же вы решили выбрать для себя второе предложение, то вам ваш посадочный талон ещё понадобится, для предоставления его на стойке посадочного контроля. – Незнакомец сложил руки в замок и принялся ждать ответа от Владислава, который пока незнакомец говорил, так и не поднял своей головы и всё смотрел на эти ячейки. Правда, когда незнакомец закончил говорить, то он как бы на мгновение замирает на одном месте, после чего медленно поднимает свою голову, смотрит на незнакомца и говорит ему. – Я думал, что мне будет легче.

– Понимаю, сознательный выбор всегда нелегко сделать. – Сказал незнакомец. – И если вас это немного подбодрит, то прошу заметить, – незнакомец кивнул в сторону органайзера, – что вы всё-таки не первый и уже нашлись счастливики, кто сделал для себя выбор.

– И кто они? – зачем-то спросил Владислав.

– Первые места всегда занимают продажные твари. – Как-то уж совсем цинично и жёстко сказал незнакомец, со злой усмешкой в глазах бросив косой взгляд на эти ячейки. Что не совсем понравилось Владиславу – он увидел в этом некий намёк на себя. И Владислав в ответ на это вопросительно отреагировал. – Хотите сказать, что всё имеет свою цену.

– Хочу сказать, что в основе всякой цены находится уверование человека в её значимость или ценность. А вот это уже подороже будет стоить. – С той же холодностью и жёсткостью проговорил незнакомец, и добавил. – Так что же ты решил? – Владислав же ещё не готов дать окончательный ответ и он, заволновавшись, начинает в руках тереть посадочный талон и, дабы попытаться сосредоточиться, что под пронзительным взглядом незнакомца совершенно невозможно сделать, отворачивает свою голову в сторону от него и смотрит на эскалатор, где так ничего и не изменилось, и отпустивший свою девушку парень всё стоит и ждёт её, правда уже с прижатым телефоном к уху. По которому он, как решил Владислав, пытается до неё дозвониться.

И только так Владислав подумал, как в его голове прозвучали слова незнакомца: «А это значит, что ты уверовал во всё мною сказанное», – а вслед за этим уже буквально до него донёсся голос незнакомца. – Пока ты туда смотришь, ты для себя ничего не решишь. – Сказал незнакомец. Владислав возвращается к своему столь внимательному к нему собеседнику и спрашивает его. – Между моим решением и происходящим там, на эскалаторе, есть какая-то связь?

– Несомненно. – Сказал незнакомец. – Только не та, которую ты себе обрисовал. А вот какая, то для тебя это не важно, если ты хочешь принять своё решение без внешнего вмешательства, опираясь только на самого себя. – Добавил незнакомец. И тут Владиславу нечего больше сказать на это, кроме того, что опять повториться. – Я понял. Но это сложно. – Тяжело вздохнув, сказал Владислав.

– Что ж, я готов тебе помочь сделать выбор, если ты захочешь. – Сказал незнакомец.
– Почему? – уперевшись взглядом в незнакомца, спросил Владислав.
– Я ведь уже говорил, я по-своему филантроп. И при необходимости готов пойти людям на встречу. – С долей снисходительности сказал незнакомец.
– Для этого существует необходимость? – спросил Владислав.
– Существует. – Следует ответ незнакомца.
– Какие-то новые условия? – спросил Владислав.
– Не без этого. – Усмехнулся незнакомец.
– А выслушать можно? – спросил Владислав.
– Почему бы нет. – Сказал незнакомец, затем зачем-то посмотрел по сторонам и, вернувшись к столу, тихо заговорил. Так продолжалось некоторое время, за время которого Владислав не раз менялся в лице и даже в волнении задавал вопросы, пока в итоге они не договорились до того, что незнакомец отстранился от стола и с этого нового положения сделал необходимую им обоим паузу, чтобы немного подумать.

После чего незнакомец жестом подаёт сигнал Владиславу, чтобы он пододвинул свой посадочный талон. Владислав без возражений двигает к нему билет, после чего незнакомец поворачивает к себе этот билет, смотрит на него и начинает изучать. После чего он поднимает голову, смотрит на Владислава и говорит. – У нас, для этой точки позиционирования, за каждый наш перелёт будут выручаться лишние четыре часа времени. Для следующей интересующей нас точки, вопрос необходимого времени будем решать в зависимости от вставших перед нами задач. – Незнакомец возвращает талон Владиславу, затем убирает со стола органайзер и укладывает его себе в карман плаща. После чего хлопает себя по груди, там, где лежит органайзер, и со странной улыбкой спрашивает Владислава:

– Ну что Владислав, с чего начнём? Полетим или пока здесь останемся? Думай быстрее, у нас времени всего ничего.

Глава 2

От времён последствий. Понтифик

«Ночь. Улица. Фонарь под глазом». – Нет, это слишком драматично и травматично для начала, хоть и не без должного эффекта.

«Обед. Бар. Чашка кофе перед глазами». – А вот это для начала в самый раз.

– Ты никогда не задумывался над тем, что те из людей, кто в один момент взял и вроде как по независящим от себя обстоятельствам потерял память, – это случается в основном в двух случаях, либо в результате разного рода стечений жизненных обстоятельств, например, машиной сбило, либо же по причинам так и не выясненным и странным, – как-то уж больно выборочно её теряют? – так, за между делом, которого по большому счёту и не было, – разве небольшой перекус можно за большое дело считать, – к своему приятелю по столу и по много ещё каким вещам, из-за чего его можно было даже назвать попутчиком по жизни, обратился с вопросом, не вопросом, а так, в рассуждающей словесной витиеватостью, находящийся в добродушном расположении духа, – всякая восполненность организма лёгким обедом так умиротворяет, – приятель этого выше упомянутого приятеля, а может и весь друг, с самым обычным в этих местах и в этом времени именем Гай (сейчас временной фактор больше влияет на выбор имени, нежели территориальный).

Но так как его приятель, а иногда в трудные минуты и весь друг, с не менее обычным для этих мест и времени именем Иван, недалеко от Гая ушёл, и также себя добродушно чувствовал и взирал на окружающий его мир, ограниченный помещением гриль-бара, в котором они сейчас пребывали, то он не стал перебивать ход размышлений вслух Гая, а в пол уха слушая его, продолжил наблюдать за разворачивающимися событиями за крайним, у входа, столом. И хотя для такого рода заведений, такие события, какие сейчас начали по нарастающей, в драматическую сторону раскручиваться вокруг одного посетителя, не в новинку для персонала этого гриль-бара и для его посетителей, тем не менее, они почему-то очень часто застают врасплох нерасторопных на соображение официантов, у которых должен уже быть глаз набит на тех людей, чей жизненный принцип гласит: «Чтобы припеваючи жить, нужно жить за чужой счёт», – и они никогда не оплачивают сделанный заказ, хотя бы по тому, что они его в упор не видят своими залитыми алкоголем глазами.

И если для посетителей бара все эти разговоры на повышенных тонах и уверения в непоколебимости своих убеждений, лиц на прямую задействованных во всём этом скандале, – «бл*ть, ничего не знаю и знать не хочу», – уверяет всех и больше всего себя взъерошенный тип, гражданин явно много знающий, но при этом скромный и своими знаниями не бравирующий, «всё ты, сука, знаешь и только делаешь вид, что не знаешь», – закипает в ответ нерасторопный на соображения официант, – служат в качестве информационной приправы для их времяпровождения, то для обслуживающего персонала бара, всё это рабочие будни.

И если посмотреть на всё за этим столом происходящее с объективной точки зрения, на которую никак не способны были все задействованные в этот конфликт лица, а вот Иван, как лицо постороннее, да ещё и с независимым взглядом на жизнь, – он знать не знал и не приходился родственником или знакомым ни для кого из этих лиц, – вполне мог, и посмотрел, то можно было предположить, что официант сам виноват в том, что даже не допустил (хотя не без этого), а создал все благоприятные условия для того, чтобы этот тип со столь явными самолюбивыми принципами и намерениями, оказался на том месте, на котором он сейчас оказался – на месте человека равнодушного к голосам разума и к бесполезным призывам к его совести со стороны этих людей в униформе, которые и сами уже путаются, раз утвердив этого

типа в звании бесконечно бессовестного человека, тут же призывают его к какой-то совести, которой у него и отродясь не было, а если и была на начальном этапе его жизни, то он её скорей всего, давно потерял в обменном пункте.

И у Ивана даже на миг зародилось сомнение в такой уж и непредумышленности и моё дело сторона поведения, со стороны этого нерасторопного официанта, допустившего такую оплошность по отношению к этому посетителю. Да одного мимолётного взгляда на него было достаточно, чтобы всё о нём истолковать и всю его неплатёжеспособную суть понять – этот тип образцово выглядел как все те типового значения люди, которым ни в коем случае нельзя доверять и на слово верить (с ними нужно работать только по предоплате). Он был небрежно, хоть и не без модных изысков одет, слегка помят и выпачкан в допустимых местах – в основном на коленях и само собой сбоку плеч, которым он оббивал косяки и обшаркивал стены. Плюс к этому, он был облагорожен наводящим на запретные мысли одеколоном, в купе с его несколько тревожной для посторонних людей нетрезвостью, которая даже не думала прятаться, а давила на тебя до чего же пронзительным, навязчивым взглядом, который достаточно удачно, с потугой на грозность, дополнял его взъерошенный вид. Ну и самое главное, что видимо и ввело в заблуждение нерасторопного официанта, этот тип обаятельно выглядел и бесконечно внушал доверие к себе – типа можешь в меня полностью верить и я тебя не подведу. И тебе при виде его обаятельной улыбки, бесконечно хотелось верить всему тому, что вид этого типа внушил тебе.

Ну а нерасторопный официант не был чужд меркантильности и тут даже не нужно объяснять, на какие мысли она его навела при виде этого нового посетителя, чуть не промахнувшегося мимо своего стула, когда он присаживался, чтобы так сказать, приобщиться к столу. И первой мыслью нерасторопного официанта, парня, в общем-то, неплохого, но у него как-то всё не складываются дела в плане разжиться деньгами (у его подружки запросы за пределами, которые и поглощают львиную долю его скромных доходов, а он к тому же ещё только студент), было желание прокатить этого типа, судя по всему человека не бедного, добродушного и не знающего своим деньгам счёта – особенно в подпитом состоянии. И вот эта-то его несколько вероломная мысль и притупила его внимание к посетителю, и как итог, он сам был прокачен и поставлен перед фактом не оплаты счёта этим, как сейчас выяснилось, не таким уж добродушным типом.

Между тем Гай, залипающим от насыщения взглядом поглядывая на происходящее за тем беспокойным столом, после того как он рефлекторно проверил рукой наличие у себя во внутреннем кармане куртки бумажника, продолжил развивать свою мысль. – И вот что интересно, – заговорил Гай, слегка повысив свой голос для того чтобы Иван, как минимум, не забывал его слушать, – так это то, что все эти забывчивые... тьфу, забывшие себя люди, всё, что касалось их личного я, как языком слизало, забывают, а вот всё остальное, касающееся их жизнедеятельности, то это всё на месте и даже не думало забываться. – Гай посмотрел на Ивана, у которого быть может, возникли замечания или вопросы к нему.

Но тот как сидел безучастно к нему, но зато весь во внимании к тому, что там происходило за тем шумным столом, где на выручку к официанту подоспел администратор и присоединился представитель службы порядка, с грозным выражением лица при себе, так и продолжал сидеть и не отвлекаться. Впрочем, он заметил этот брошенный на него взгляд со стороны Гая и кивнул ему, типа продолжай, я внимательно слушаю. И Гай продолжил, ведь он привык доверять слову своего друга.

– Да-да, понимаю, – с эмоциональным подъёмом заговорил Гай, – мышечная память, как куда более основательная субстанция, нет, да подскажет забывшему своё личное я человеку, как пользоваться самим собой и присутствующими в его жизни предметами обихода. И я даже готов принять объяснения насчёт его приспособленности именно к этому историческому времени и пониманию им, но только в силу его интеллектуального развития, современного полити-

ческого момента – может быть, сама вокруг него среда существования, со своими нейронными сетями, этому пониманию способствует. Но вот то, что он при этом совершенно, до стерильной чистоты о себе ничего не помнит, то это меня сбивает с толку. – На этом моменте Гай видимо разгорячился и сделал паузу, чтобы остудить себя несколькими глотками из чашки.

Когда же примиряющие с действительностью пару глотков из чашки сделаны, чего недостаточно, чтобы примирить себя с самим собой, – для этого нужно что покрепче, – Гай возвращается к терзающей его мысли и своему размышлению вслух. – Как будто из человека вынули некий отвечающий за его идентификацию жёсткий диск или стержень, со своими памятьливыми ячейками. И если в каждом из нас имеется такой стержень, то... – Тут Гай задумывается на неопределённое, ни собой, ни Иванов время, и спустя это время возвращается оттуда, из своей задумчивости, уже с другим, одухотворённым мыслью взглядом.

– Вот что мне тут надумалось. – Повернувшись к Ивану, обратился к нему Гай, и Иван был вынужден повернуться к нему в ответ и начать с видимым вниманием, которое он всё же разделял с тем шумным столом, слушать Гая. – Это своего рода, моя теория струн. – С воодушевлением заговорил Гай. – Где каждый из нас (в фигуральном значении, в виде того же стержня), есть часть всеобъемлющей некой образной гармонике, пронизывающей всю бесконечность пространств, из которой извлекает гармонию жизни вездесущий творец, дуновением себя вдыхая в нас душу. И наши ответные колебания от этого одухотворения (в нас гармонируют и колеблются как раз эти стержневые идентификаторы) и создают ту гармонию всего сущего, которую мы и называем жизнь. Где каждому из нас, согласно природной задумки, присуща именно своя тональность, находящаяся в зависимости от множества факторов. Где на основе создающей сущность человека, его стержня, и выстраивается всё то, что его характеризует, без частички которого не может быть вселенской гармонии. И чем выше наша восприимчивость к душевным манованиям, тем выше наша тональность. И тут не бывает без того, чтобы звуковая гамма расстраивалась и не требовала для себя настройки. Которая в лёгких случаях проводится на месте, а в сложных случаях, для основательной починки, уже приходится вынимать стержневую струну из человека, на время лишив его памяти, этой его идентификационной тональности. – Гай в пристальном внимании к Ивану замер на месте, что можно было подумать, что прямо сейчас в нём идёт настройка этой им придуманной, умозрительной струны.

– Звучит пафосно. – Иван, тем не менее, решил поддержать своего друга, в чьей голове вечно что-то такое происходит и рождает все эти основанные только на его убеждённости в своей правоте, теории объяснения своего и всего вокруг существования. И при этом сам Гай во всё это так бесповоротно верит, как будто это он не сам придумал, а кто-то более авторитетный и грамотный, и выдающийся хотя бы своими физико-математическими, докторскими степенями.

Не совсем понятно, как воспринял Гай это замечание Ивана, но он продолжает свои объяснения. – И тут главное нужно понимать, что эта вселенская гармония звуков носит характер умопостигаемости. – Тут Иван было собрался попросить Гая просветить его насчёт таких досуже заумных слов, как Гай его опережает на пол шага. – Как спросишь, это понимать? – обращается к Ивану Гай и тут же начинает достаточно художественно объяснять.

Так он перенаправляет свой взгляд от Ивана в сторону сбоку от них находящегося окна, ведущего свой репортаж на одну из центральных улиц задворок, где виды ещё те, не самые глаз радующие. В общем, если вы сноб, то лучше не смотреть туда и радоваться видами внутренних интерьеров бара, где тоже есть на что посмотреть – например, на физиономию местного бармена, чья выразительность лица много о чём интересном может порассказать на его счёт.

Впрочем, все эти уличные недостатки с лихвой компенсируются той динамикой, с которой протекает жизнь тех людей, кто к полной для себя неожиданности, вдруг перепутает проулок, или он под ноги себе не смотрит, и оказывается в здешних пенатах. Где местные обита-

тели не столь не образованны и малограмотны, как можно сразу подумать, встретив их здесь, а они как выясняется, люди очень интересующиеся, и не только современными достижениями научной мысли, но и всем тем, что в мире происходит. О чём бы они вас не спрашивали, если бы у них была возможность собственными глазами посмотреть на мир. Так что к вам только одна просьба, поспособствовать им материально в своём желании посмотреть этот мир.

Но сейчас всего этого не присутствует там, за окном, – такое случается в основном по вечерам, – а там, со стороны проспекта, виднеется оживлённая машинами дорожная магистраль и идущие по соседствующему с автодорогой тротуару ноги прохожих.

– А теперь прислушайся. – Призывно говорит Гай, и Ивану ничего не остаётся делать, как сделать вид, что он прислушивается – он вытянул вперёд лицо и сделал глупый вид. И одно только радовало Ивана – Гай никак не мог проверить, прислушивается он сейчас или просто дурака валяет. Но Гая, как сейчас выясняется, это вообще не волновало и по большому счёту, Ивану можно было просто дурака валять, что он, в общем-то, и делал.

– И что ты слышишь? – спрашивает Гай Ивана.

– Ну, скажем так, – Иван решил быть основательным в своём ответе, – сопровождающие процесс питания и поглощения пищи звуки. А ещё разноголосицу со стороны входа в бар.

– Можно и так объяснить. Но это только внешняя форма, тогда на самом деле мы слышим только свой разум, который умопостигает окружающее и согласно своей сущности, своего рода тональности, по своему разумению объясняет нам наше восприятие этого мира. – Гай переводит дух и продолжает говорить. – Так и гармония игры, можно уже назвать более точнее, вселенского разума, звучит умопостижением всего вездесущего. Где без нас, может и самой микронной частички этой глобальности, не может быть гармонии.

– Это, конечно, внушает и по своему наполняет гордостью за себя незаменимого, но мне хотелось бы знать, к чему ты всё это ведёшь? – спросил Иван Гая, уже примерно зная его ответ – не все теории создаются и возникают для того чтобы они имели практическое применение, некоторые для того и возникают, чтобы было чем занять голову.

Но на этот раз Иван к своему сожалению ошибся, и Гай на этот раз не собирается на этом останавливаться. И его немедленный ответ: «Сейчас узнаешь», – да ещё и с такой импульсивностью, заставил Ивана пожалеть как минимум о том, что там, за тем шумным столом, слишком долго и много дают шансов тому несговорчивому типу на то, чтобы разойтись мирно. – А вот врежь ему сейчас же или чуть ранее в ухо охранник, или наоборот, он прояви уверенность в своей правоте и силах, и одари оплеухой официанта, надоевшего ему уже хуже пареной редьки, то у Гая и шансов бы никаких не было завладеть моим вниманием. – Досадливо покачал головой в сторону такой обходительной администрации бара Иван.

Гай же берёт слово и не отпускает от себя Ивана. – Так вот, – с такой важностью сказал это Гай, как будто ему известно нечто такое, что никому на всём белом свете неизвестно. Но Ивану-то известно, что ему такое никому неизвестное знание, точно неизвестно. – Или известно? – всё же Иван внушился и вопросительно заволновался. – Не буду объяснять, как я пришёл к этому выводу, – может просто выдумал, – что не столь важно, а важно то, что моя теория струн даёт нам инструмент для понимания окружающего мира. – В запальчивости сказал Гай. И с той же запальчивостью заглотнул в себя из чашки чая. И хорошо для него, но только не для Ивана, что чай уже остыл, а иначе бы он горло своё обжёг и на сегодня вышел бы из строя говорящих людей.

А так всё для него разрешилось благополучно, и Гай продолжил доставлять Ивану неприятности своей словесностью (если бы затрагиваемая Гаем тема была не столь заумной, то его словесные послы в пору было назвать болтовнёй). – Существующий вместе с нами мир можно разделить на две контактирующие между собой константы, природную составляющую сущности этого мира, имеющую в себе причинно-следственную шкалу бесконечности в обе стороны, прогрессивную и регрессивную, и всё это умопостигающую сторону, которая придавая

своё собственное значение всему природно-оформленному в свою образность миру, служит инструментом для его существования и развития. – Гай посмотрел на Ивана, чей заунывный вид говорил о многом и главное о том, что он ни хрена не понял из того, что ему сейчас здесь сказал Гай, и Гай вынужден сделать отступление для разъяснения.

– Понимаю, сложно. – Сказал Гай, после чего он поворачивается в сторону шумного стола, куда вслед за ним поворачивается и Иван, и, изучающе посмотрев на всех участников шумной дискуссии, выбрал для себя самое живописное и удобное лицо – того несговорчивого типа, и на его примере начал объяснять Ивану, что он самом деле хотел ему сказать (понятно, что доброкачественная мысль приходит напоследок).

– Вот сидит тип взъерошенного вида, и сообразно самому себе и всему тому, что в нём заложено природой, противоречит всем вокруг. – Кивнув в сторону несговорчивого типа, сказал Гай. – Так вот. Вот этот весь его представленный на наш образный суд вид, и есть первая природная константа, составляющая сущность этого мира. А вот то, что и каким образом мы уразумеем всё с ним происходящее и есть вторая умопостигаемая константа, служащая инструментом для существования и развития нашего мира. Ну, вот что ты о нём, к примеру, можешь сказать? – спросил Ивана Гай. Иван скорее всего не ожидал, что сейчас последуют вопросы и поэтому сперва растерялся. Что Гаем было воспринято за его работу мысли, которой требуется слегка помочь своими подсказками – по сути Гай сам взялся за Ивана размышлять и оформлять в слова его мысли:

– Первое, что бросается в глаза, то это его не трезвое состояние. Что на данный момент есть основная характеризующая его черта. Но эта его данность есть следствие неких причин из прошлого, – и ни в каком другом времени, если бы они находились в будущем, то назывались бы следствиями, – а вот что это были за причины, то тут наряду с основной версией произошедшего, от которой отталкивался в своих поступках этот взъерошенный тип, существует бесконечное количество домыслов, версий и интерпретаций всего с ним случившегося со стороны посторонних людей. В общем, сколько людей, столько же в единицу времени мнений и взглядов на всё с ним произошедшее, – в последующую единицу времени количество версий возрастёт хотя бы из-за того, что у людей может измениться взгляд на происходящее и поменяться мнение.

– Так, к примеру, можно предположить, – вновь заговорил Гай, как только смочил горло чаем из чашки, – что этот взъерошенный тип, судя по его виду, больше тяготеющему к приличному и благовоспитанному, и при обычных обыденных обстоятельствах так себя не ведущий, – он привык пропускать дам вперёд, уступать места в автобусе беременным барышням и оплачивать всё до копейки по счетам, правда, не без скрупулезной их проверки, – сегодня с утра как обычно направился на службу в какой-нибудь государственный департамент, или в частном случае, в тот же банк, где он занимает не малую должность и при этом всеми на работе уважаем за свою завидную пунктуальность (никогда не опаздывает и отдаёт вовремя взятые в займы кредитные средства), ответственность и предупредительность.

И как уж так вышло он и сам об этом не знает, – сейчас-то он об этом уже знает, это проведение способствовало всему случившемуся, – то он, придя к себе на службу и, подойдя к дверям своего кабинета, вдруг обнаруживает, что забыл дома ключи от своего кабинета. Что, конечно, не такая большая проблема, вполне решаемая на месте, не выходя из здания департамента или банка – на вахте, у охраны, всегда есть запасная пара ключей. Да вот только если он туда сейчас обратится за ключом, то его имиджу человека во всём безупречного, будет нанесён значительный урон. А этого он допустить не может. И тогда он, на тот момент человек во всём безупречный, быстро проанализировав свой сегодняшний распорядок дня и те ответственные дела, которые его ждут, с той же быстротой вносит в него поправки, позволяющие ему выкроить для себя окно, чтобы слетать на машине домой за ключами. С чем он и направился домой,

решив не беспокоить по таким пустякам свою ненаглядную супругу, которая всегда так светится счастьем, когда вдоволь высыпается.

«Вот же мой Лисёнок удивится, когда я так внезапно домой нагряну», – представляя свою нежащуюся в постели под лучами утреннего солнца супругу, расплылся в улыбке этот человек безупречный во всём, в том числе и в мыслях о своей супруге. Ну а когда он бесшумно добрался до двери своей квартиры и с той же тихостью открыл дверь своими ключами, которые он как раз не забыл, то вот он удивился, когда так внезапно нагрянул домой и, заглянув в спальню, увидел там своего ненаглядного Лисёнка, нежащегося совсем не в лучах утреннего солнца, а... От потемневшего в лице и мыслях приличного человека, в один момент ничего больше не осталось, и с этого момента на мир через пелену слёз смотрел человек взъерошенный, с под насаженным и кровоточащим сердцем в придачу. Которое бросая его из стороны в сторону, а на последней ступеньке лестницы и вовсе уронив его на землю, вначале довело его не глядя до первого встретившегося на пути магазина, где он прямо в зале, не отходя от стеллажа, влил в себя бутылку чего-то крепкого, после чего он с борьбой, во время которой им был утерян бумажник, и со скандалом был выброшен на улицу, и как итог, он оказался здесь. – Гай на этом остановился, выжидаяще посмотрев на Ивана.

Ну а у Ивана хоть и была своя версия объяснения появления не трезвости на лице этого взъерошенного типа, – все они, эти типы в дорогих костюмах, анонимные алкоголики и их хлебом не корми, дай на халяву выпить, – всё же он решил, что и версия Гая сойдёт, и так ему и сказал. – Сойдёт. – И хотя Гай заподозрил своего приятеля в неискренности, – мол, отвяжись уже, достали меня все эти разговоры, – он не посчитал нужным придать этому большое значение, а решил довести до конца начатое.

– И это только одна из бесконечного множества версий объяснений причин с ним случившегося, которые могут до отрицания друг друга разниться между собой. При этом итоговый результат всем представляется один. И спрашивается, почему именно так, а не в соответствии с теми нашими взглядами на происходящее, которые столь разны. И тут чтобы ответить на этот вопрос, нужно понять природу нашего умопостижения окружающего мира. – Гай сделал задумчивую паузу, сопровождающуюся его обозрением лица Ивана, которое явно не желало идти на контакт и понимать необъяснимые в двух словах вещи, так что Гаю нужно было очень постараться, чтобы быть им понятным.

– Ладно, хрен с тобой, в двух словах объясню. – Красноречиво перекосившись в лице, Гай заговорил. – Наше умопостижение мира сродни нашему цветоощущению, где ощущение цвета зависит от множества факторов, где основные: психологический, культурно-социальный и физиологический. В общем, всё тоже самое, что оказывает влияние на наше умопостижение мира. И если первые два фактора служат нам для объяснения причин возникновения того или иного происшествия, то физиологический фактор оформляет для нас следственную картинку. Так каждому цветоощущению соответствует свой диапазон длин волн и частот, и каждый видит представшую перед ним картину в своём спектральном свете. Ну а полный спектр цветов даёт белый свет – наиболее соответствующий объективной реальности (это мой субъективный взгляд) – и получается, что все мы, несмотря на всю разность своих взглядов на того же взъерошенного типа (они складываются воедино и получается полная картина), видим одну и ту же картинку, на которой настаивает её природная константа. – И это, в двух словах, объяснение Гая, ясно, что было по своему понято Иваном, который искривил губу и перебил его возможное продолжение до третьего слова своим вопросом.

– Ты мне всё-таки объясни, – посмотрев на Гая крепким взглядом, обратился к нему Иван, – к чему всё-таки это твоё разглагольствование? – Гай вдруг понимает, что Иван новых его двух слов объяснений не вытерпит, а другого, более короткого объяснения у него нет, – что поделывать, когда ты столь многосложный и с трудом выразительный человек, – и от этого понимания срывается на чужь необдуманную. – Чтобы предугадывать будущее.

И надо отдать должное Гаю, он сумел растянуть на лице Ивана хмурость в улыбку удивления. – Чего-чего? – слегка оторопев от этого заявления Гая, спросил его Иван. Ну а для Гая дороги обратно нет и ему надо что-нибудь такое убеждающее придумать. И он, надо отдать ему должное, быстро сообразил, что сказать.

– Если мы, предположим, сумеем понять принцип работы инструмента гармонии умопостижения, – а гармония создаётся, я уверен, на упорядоченности тональностей входящих в неё элементов, – то мы сможем заглянуть в будущее. И я не шучу, ведь если мы можем мысленно заглянуть и постигнуть прошлое с его причинностью, – это почему-то у нас не вызывает никакого удивления, – то зная алгоритм работы движущего жизнью системного механизма «причина – следствие», мы легко можем предопределить наше будущее. – Сказал Гай.

– Звучит вроде как убедительно. – После небольшого размышления сказал Иван. – Правда, ты так ничего нового и не сказал. Всё это до тебя уже было сказано. – Усмехнулся Иван.

– В общем может и да, но не в деталях. – Вновь на эмоциях заявил Гай. Иван же в ответ тоже не стал смиренно на него смотреть, а язвительно спросил в ответ. – И в каких деталях? – И по всполошенному виду Гая было трудно утверждать, знал ли он об этих заявленных им деталях или он брякнул первое, что ему на ум пришло, но как бы то ни было, он сказал именно то, что услышал Иван. – Если у меня будет инструмент по настройке тональности звуков вселенской гармоник, некий фигуральный камертон, то я смогу... – Ты уже говорил, предсказывать будущее. – Перебил Гая Иван. И Гай хотел не согласиться с ним, он хотел заявить о более глобальных возможностях, в случае обретения им такого рода камертона – предопределять или настраивать будущее, но Иван, кивнув во всю ту же сторону – в сторону взъерошенного типа, с такой невыносимо оскорбительной ухмылкой заявил: «А ты на нём для начала поупражняйся в предсказывании будущего, – с прошлым ты неплохо управился, – а я посмотрю, если у тебя слух и достоин ли ты своего камертона», – что у Гая не было другого выхода, как только принять этот его вызов.

И хотя он начал свой рассказ достаточно интригуяюще, с элементами артистичности и драматичности, отчего Иван даже упрекнул себя в недооценке своего приятеля, всё в итоге наткнулось на банальные вещи, в результате смазав все начальные достижения Гая. – Его определённо с утра будет ждать... – Гая здесь делает драматическую паузу, заставившую Ивана начать испытывать нетерпение, в своём вопросительном предположении, кто же это может быть. – Кто это может быть? – волнительно спросил себя Иван. И тут же принялся делать предположения.

– Может это его, только с виду раскаявшаяся супруга Лисичка, которой за себя нисколько не стыдно, а крайне стыдно за своего столь не деликатного супруга, который без предупреждения нагрязнул в спальню и поставил в неудобное положение её и её нового друга. После чего даже и разговоров не было о том, чтобы заканчивать начатое, и весь день пошёл насмарку. Нет, вряд ли. – Отверг этот вариант Иван, покачав голову с укором на эту подлейшую Лисичку, чьи виды были чрезвычайно соблазнительные, но Иван устоял перед этим крайней степени соблазном, который всегда приводит тебя в подобного рода неловкие положения, в какие ставят своим выбором своих до умопомрачения соблазнительных жён, такие недалёковидные и неизбирательные супруги, как этот взъерошенный тип. А вот был бы взъерошенный тип более здравомыслящим и рассудительным человеком, то он стороной обходил бы всех этих красоток, и выбрал для себя не сказать чтобы уродину, а девушку мало заметную, не привлекающую лишнего внимания к себе. – Да, эта задача не менее сложная, чем не нарваться на первый вариант. – Резюмировал этот блок своего размышления Иван.

– Тогда кто бы мог это прийти к этому взъерошенному типу? – Продолжил размышлять Иван, перебирая в уме всё, что он знал об этом типе. А знал он о нём не просто крайне мало, а совсем ничего. Правда Иван, когда это ему нужно, умеет видеть то, о чём никто вокруг и в страшном сне увидеть не мог бы. И он, по-новому проанализировав сложившуюся ситуацию за шумным столом, увидел всё происходящее в новом свете.

Так этот взъерошенный обстоятельствами с утра увиденного тип, ещё с утра пребывающий в статусе человека безупречного, прибыв на место своей службы, спецотдел одной секретной спецслужбы (у Ивана тоже имеется свой взгляд на произошедшее), вдруг обнаруживает, что он забыл свои ключи от служебного кабинета. При этом он не просто так забыл ключи, а на это его надоумила его интуиция, всё примечающая и всех подозревающая, благодаря его службе в таких секретных государственных структурах – в общем, это такая своеобразная оговорка по Фрейду.

«Вот же Лисичка удивится, когда я её с её любовником застану врасплох не с плаксивым лицом нытика, – они то думают, что я бухгалтер, канцелярская крыса, – а с твердокаменным, полным решимости убить их на месте лицом и при этом с пистолетом в руках», – усмехнулся не про себя человек безупречный во всём, досылая патрон в патронник своего пистолета.

И на этот раз удивились чуть ли не все, и особенно удивился начальник человека безупречного во всём, когда застал его не на месте несения своей службы, а в рабочее время у себя дома (а ведь начальник человека безупречного, так на него и его безупречность и пунктуальность рассчитывал, а он его взял и подвёл – и теперь и не поймёшь, кто больше всех пострадал, когда все так насчёт друг друга разочарованы). Ну а человек безупречный, в потрясении и непонимании того, кто в итоге кого на самом деле застал врасплох, он своего начальника у себя дома или его начальник уже его, не на службе и опять у него дома, начинает в оторопи пятиться назад, где натывается спиной на дверь, а ногами об порог. Здесь он спотыкается об порог, роняет из рук пистолет, и кубарем летит вниз по лестнице, где в самом низу ударяется затылком об площадку и вмиг забывает быть человеком безупречным, став человеком взъерошенным.

– Так к нему пришёл его начальник, чтобы вернуть табельное оружие, которое он выронил. – Догадался, наконец, Иван. Но тут берёт слово Гай и своим прямо-таки банальным ответом, искажает лицо Ивана в недовольстве. – К нему приходит раскаяние за вчера им натворённое. – Сказал Гай и Иван сразу не поверил или скорее, не захотел поверить в такое будущее взъерошенного типа, достойного лучшего и более непредсказуемого для себя будущего. Хотя всё было более чем логично в объяснении Гая. И вот эта сухая констатация фактов будущего взъерошенного типа, где нет места красочным примесям выдумки и фантазии, а одни только серые закономерности типа «причина – следствия», на которые предлагал опираться Гай в своих рассуждениях, к полной неожиданности Ивана, позволила ему понять, что из себя представляет весь тот бред о человеческой тональности и тождестве человеческого цветоощущения и умопостижения, о котором так до одури непонятно объяснял Гай – правда, только сообразно своему разумению.

– Мы через своё осмысление или умопостижение, раскрашиваем красками значений этот мир. – Сделал вывод воодушевлённый своим открытием Иван. С чем он смотрит на Гая и своим неожиданным заявлением вводит его во временным ступор. – Я помогу тебе найти этот загадочный камертон. – Говорит Иван и, не дожидаясь когда Гай как-нибудь радостно или заумно отреагирует, уже со всем своим вниманием переводит свой взгляд за шумный стол и многозначительной улыбкой (эта говорящая о том, что он что-то знает) говорит:

– А хочешь, я тоже предскажу его будущее.

Гай поворачивается вслед за Иваном и, посмотрев вначале на Ивана, затем на шумный стол, где противостояние достигло некой незримой границы, где никто из сторон уже не мог отступить назад и на месте стоять уже времени не было, после чего опять смотрит на Ивана и кивком даёт ему согласие на его прогноз будущего взъерошенного типа. Хотя после того, что он сейчас там видел, это не сложно предсказать – если взъерошенный тип не владеет какой-нибудь специальной техникой рукопашного боя, то ему, как минимум, намнут бока и в кровь разобьют лицо. Но так как прогноз на будущее всегда такая увлекательная тема и мало кто откажется его послушать, а когда прогноз не сбудется, то будет можно с укоризной покачать

головой в сторону этого горе-эксперта будущего, то Гай не стал возражать против такого желания Ивана. – Пусть погадает на кофейной гуще, а я потом посмеюсь. – Не менее иносказательно улыбнулся Гай, переводя свой взгляд от Ивана в сторону шумного стола, куда им ничего не мешало смотреть по причине того, что они сидели к нему лицом. Ну а причиной тому, что они так не совсем обычно сели за стол, не напротив друг друга, а на одну сторону стола, было то, что стулья с другой стороны стола отсутствовали, а доносить другие стулья им было лень.

Тем временем Иван приступил к своему прогнозу будущего. И как сейчас выяснилось Гаем, не с позиции дилетанта, а чуть ли не с позиции профессионального астролога. И он как делают все профессиональные астрологи, вначале обратился к будущему, и при этом не лица рассматриваемого, а того, кому этот прогноз вкладывается в уши. – А знаешь, на какую мысль навёл меня этот тип? – Иван начал с риторического вопроса, чтобы сбить с мысли своего клиента или Гаю. И пока он неосознанно, даже понимая, что ответов от него не ждут, начинает искать в себе ответы на этот вопрос, Иван ошарашивает его откровением на его счёт – на этот раз оно заключалось в том, что он, как оказывается, его ранее слушал, а не пропускал мимо себя все его разглагольствования.

– Ты вот, ты выдвигал предположение, что люди теряют или забывают своё собственное я, по причине некоего сбоя в собственной системе существования, и в лёгких случаях их настройка производится на месте, – человек выводится из себя на сутки или на более продолжительное время, на время его запоя, – а в сложных случаях, для их обстоятельной наладки пришедшего в негодность элемента, из них вынимается их внутренний стержень тональности. Сам же человек при этом сохраняется из-за своей уникальной дороговизны, а может и там сверху сидят одни экономисты, и на всём экономят. – Здесь Иван позволил себе усмехнуться. Но видя, что Гай серьёзен, оставил свои смешки и продолжил свой рассказ. – И вот это твоё предположение навело меня на весьма и весьма интересную мысль. И если всё то, что ты предполагал, со своей долей вероятности может иметь место быть, – даже один шанс из бесконечности, – то никто не сможет утвердительно сказать, что в его случае сейчас не настал именно этот шанс. Ведь все предпосылки для такого развития ситуации есть. Тут и одного взгляда на него достаточно, чтобы понять, что у него в жизни случился некий сбой, который и привёл его в такое состояние выхода из себя. И тут остаётся единственное, выяснить насколько серьёзный сбой с ним произошёл, и какое решение насчёт него примут те лица, кто отвечает за вопросы гармонии. Назовём их, к примеру, настройщики. – И только Иван высказал эту свою мысль, которая явно заинтересовала Гаю, как взъерошенный тип, как будто он сумел услышать, что тут о нём ведётся речь, своим резким изменением себя в своём поведении, решил дать Ивану подсказку насчёт себя.

Так он из состояния лица равнодушного к окружающим, на которых ему только и наплевать охота, явно мотивированный чем-то внутренним, – может устал сидеть или захотел в туалет, – переходит в состояние человека экспрессивного и крайне неравнодушного к окружающим лицам, которых он готов отблагодарить нецензурным словом, а самым настойчивым готов заехать кулаком куда придётся. В общем, взъерошенный тип в ответ на особенно не лестное замечание в свой адрес со стороны администратора бара, – сейчас ты, мурло, пойдёшь у меня грязную посуду языком вылизывать, – несмотря на несопоставимые силы и силовую поддержку администратора в виде охранника, не сдерживается и подсакивает на ноги, чтобы... Перевести стрелки на того, на кого он сейчас вызывающе посмотрел и ткнул пальцем своей руки.

И Гай с Иваном, на одно мгновение, в нервном испуге обмерев, даже растерялись, когда взъерошенный тип посмотрел в их сторону и ткнул в них пальцем руки, чтобы, скорей всего, отомстить им за всё то, что они тут о нём напридумывали и наговорили друг другу. А ведь он, как человек всё же приличный и достаточно терпеливый, сколько мог терпел все эти их голословные выпады в его сторону, под собой не имеющие никаких должных оснований, пока они в конец не заврались на его счёт. Да хотя бы в том, что никакой он не банкир или госслужащий,

а он есть представитель интеллектуальной элиты общества, а уж одно этого говорит о том, что он не мог оказаться на стороне человека обманутого своей супругой Лисичкой, а вот на другой стороне, человека не обманувшего надежд сейчас одной, а так не одной дамы приятной во всех отношениях и наружности, заскучавшей без экстрима и всё у неё дома хорошо и спокойно, то это вполне соответствует по своему жестоким реалиям жизни, где люди с интеллектуальным образом мышления, вечно недопонимаемы и часто гонимы со своих насиженных мест обманутыми ими мужьями.

А так как все эти истории с недопониманием со стороны обманутых мужей, которые почему-то всегда столь нервно реагируют, когда тебя ловят за точно тем же делом, каким они время от времени занимаются со своей супругой, – при этом спустя рукава, без должного прилежания и отдачи сил, что и заставляет жён поглядывать на сторону, – случаются так для всех неожиданно, – никто из участников этого события, ничего подобного не ожидал друг от друга увидеть, а некоторые из них, вообще, не были знакомы друг с другом, – что приходится всё делать на бегу, в крайне разориентированном и расстроенном состоянии. Где часто не обходится без своих трагических последствий – можно ноги переломать себе, неудачно спрыгнув с балкона или как в случае со взъерошенным типом, удариться несколько раз головой об кулак рассерженного почему-то именно его поведением мужа (а ведь во всём этом участвовало двое), затем под его присмотром пересчитать все ступеньки на лестнице, – 36, если не изменяет память, – и как итог, рассерженный муж вливает в него бутылку самой крепкой смеси и, забрав бумажник в качестве оплаты своих услуг и выпивки, пинком под зад посылает взъерошенного типа восвояси, которые и приводят его сюда.

И вот он, столько неправды о себе услышав, вначале со стороны официанта, который видите ли, посчитал его проходимцем и мерзавцем, затем со стороны администратора, который склонен больше верить своему работнику чем ему, человеку оказавшемуся в сложной жизненной ситуации, а не как он его назвал – прохиндею и сволочи, когда понял, что и с их стороны поддержки не найти и они не менее креативно насчёт него мыслят, уже не мог удержаться от того, чтобы не вспылить и, подскочив на ноги, ткнув указательным пальцем в их сторону, во всеуслышание заявить. – Обратитесь вон к ней, на неё я спустил все свои деньги и всё что имел за душой!

Ну а такой удивительный поворот событий, на котором настаивает взъерошенный тип, в один момент переводит все взгляды присутствующих в баре людей, в том числе Гая и Ивана, в ту сторону, куда он своим пальцем ткнул. А как только Иван с Гаем обернулись назад и увидели ту, на кого указывал и кого призывал к порядку взъерошенный тип, то они, в момент открыв рты, удивились своей такой странной слепоте и неосмотрительности, вдруг не заметившей то, что в их возрасте неопределённости во всём, не заметить просто невозможно и не простительно – там, за одним из столиков, сидела потрясающего вида девушка, которой особый шарм придавал её ошеломлённый, с долей испуга вид, вследствие этих действий взъерошенного типа. Отчего у них, у обоих, одновременно возникла одна и та же мысль, – а не наваждение ли всё это. Тем более внутренняя обстановка в баре, с приглушенным освещением, способствовала возникновению всей этой таинственности вокруг неё (даже её замершие в испуге подруги, не отвлекали от всего этого).

Между тем, при виде этой испуганной девушки, всем вокруг становится понятно, какая же всё-таки сволочь этот взъерошенный тип, готовый ради насыщения своего ненасытного брюха на всё, в том числе и на то, чтобы оболгать первую встречную девушку, предъявляя к ней безосновательные претензии. – Думал, гад, ткнёт своим грязным пальцем в беззащитную девушку, затем прибавит к этому общие фразы о женском вероломстве и коварстве, и мы из мужской солидарности ему поверим. – Заскрипел от злости охранник, которому уже сил нет терпеть это хамло и чешутся руки от бездействия. И судя по грозным лицам окружающих взъерошенного типа людей, то чаша их терпения начала переполняться и если он сей-

час же и притом немедленно, что-то более существенное не скажет, то ему точно больше слова не дадут.

И взъерошенный тип видимо отлично это понял, и сумел не только найти это слово, но и весьма правдоподобно и красочно его оформить своим жалостливым лицом, жертвы женского коварства. – Вера, не отворачивай от меня полностью свою душу. Ну, скажи хотя бы, что знаешь меня. – Так бесконечно жалостливо, потерянными голосом сказал это взъерошенный тип, что только у людей не имеющих сердца, оно не дрогнуло от жалости к этому потерянному и безнадёжно влюблённому человеку. Ну а то, что эта девушка нервно вздрогнула, когда взъерошенный тип назвал её по имени, не оставляло ни у кого сомнений в том, что её зовут именно так, Верой, и что они между собой знакомы. И теперь все присутствующие в баре люди, вновь перевели всё своё внимание на эту девушку с именем Вера, и принялись ждать от неё ответных действий. Но Вера, как стояла в одном положении человека застывшего врасплох, с широко раскрытыми глазами и раскрывшимся ртом, так в недоумении и стоит, не шевелясь.

И тут опять всех и внутреннюю обстановку бара потрясает своим пронзительно громким голосом взъерошенный тип, который вместо того, чтобы воспользоваться отвлечённостью от себя административных лиц бара, и незаметно смыться из бара, – а это говорит о его некоем благородстве и честности, – теперь с переполнившимся его негодованием, в возмущении орёт:

– Так вот значит как! Решила окончательно растоптать меня. Что ж, ты не оставляешь мне другого выбора, динамо. – И вот на этих словах взъерошенного типа, на которого опять все смотрят, все в тревожном предощущении напряглись и стали следить за его резкими движениями рук, которые начали в своих движениях и в себе нести опасность – взъерошенный тип схватил со стола полу наполненный бокал и сделал внушительных размах, чтобы скорей всего, его не просто бросить, а непременно попасть бокалом в намеченную им цель – Веру.

О чём в момент все находящиеся здесь люди сообразили, а вот к каким действиям с их стороны привело это их соображение, то тут всё по разному и много зависело от того, где они находились в этот момент, и как за себя и о себе отважно подумали (чем они думали в этот момент, то это другой вопрос). И если насчёт представителей администрации бара, стоящих сбоку от взъерошенного типа, то тут без особых разночтений – их дело сторона, то вот те, кто оказался на острие атаки взъерошенного типа, – а это в первую очередь Иван с Гаём, а затем уже находящиеся позади них, Вера со своими подругами, – то у них времени на подумать и на дальнейшие решения, как действовать, совсем не было, и за них можно сказать, решала их внутренняя душевная константа.

А между тем от их решения (имеются в виду Иван и Гай – Вера и её подруги уже будут принимать вторичные решения, в зависимости оттого, как они себя поведут) и при том немедленного (промедление тоже будет своего рода решение), будет зависеть многое, где главное, сумеет ли достичь заявленной цели бросок взъерошенного типа. И если у них и времени сообразить, как действовать, было всего ничего, – то время, за сколько долетит до них брошенный взъерошенным типом бокал, – то, что уж говорить о том, чтобы успеть осмотреться по сторонам – взгляд на своего сидящего рядом друга позволит действовать слаженно, а брошенный взгляд назад, на Веру, укрепит тебя в сознании того, ради чего ты всё это делаешь.

И им, каждому по отдельности, пришлось без оглядки назад и друг на друга, срочно соображать и принимать решения по тому, как им всё-таки поступать – уклониться от летящего прямо на них бокала или же встать на пути этого бокала и не пропустить его дальше себя, возможно в голову Веры. И они сообразили, да так, как свойственно людям близким друг к другу ментально, со свойственным им единомыслием – они, как будто сговорившись, решили проявить отвагу и задержать собой бокал и при этом буквально, по причине хотя бы того, что они и каждый из них в частности, просто не успевали выставить руки и пришлось выдвигать самого себя навстречу летящему бокалу.

Ну а тот был так коварно закручен в броске, – его траектория полёта проходила как раз между ними, – что действующие по своему геройски и отважно, Гай и Иван, для которых в тот момент ничего вокруг не существовало кроме летящего на них бокала, и навстречу которому, каждый из них, правда, не забыв зажмуриться, стремительно устремился своей головой, ясно, что позабыли обо всякой обоюдной и вообще осторожности, и как итог, оглушающий сознание каждого из них результат – они с треском своих голов и до умопомрачения сознания столкнулись вначале своими лбами, а затем, всё же проскочивший в образовавшуюся брешь между ними, скользящий по боковым поверхностям их лбов звонкий удар бокала, довершил всё это удивительно со стороны смотрящееся дело, сбросив их со своих мест на пол.

Правда, летя вниз со своих стульев куда-то вниз, где их ждала не слишком мягкая и чистая встреча с полом, Гай и Иван ещё были в сознании и не утратили некоторую связь с внешней реальностью, что позволило им догадливо понять, каких же всё-таки итоговых результатов достиг бросок бокалом взъерошенного типа, и заодно выяснить, не напрасны ли были те их, со звоном в головах, жертвы, которые они принесли, чтобы спасти Веру. И как ими до момента окончательного завершения их падения и дополнительного их там сотрясения об пол осознаётся, то они могут со спокойной душой на время утихомириться на полу – судя по раздавшемуся откуда-то, с задней от них стороны, недовольному крику с мужской окраской: «Каково хрена?!», – они всё-таки сумели изменить траекторию полёта бокала, и он миновал Веру и в тоже время не миновал ещё чем-то недовольного типа с противным и истеричным голосом.

После чего для Гая с Иваном наступает момент их успокоения в забытии и не на таком уж и жёстком полу, на котором лежать такое же плёвое дело, как и для основополагающего элемента, приведённого в пример дела. Когда же они не без посторонней помощи приходят в себя и открывают глаза, то первое, что они видят, так это того, без чьей помощи они бы сейчас не пришли в себя, и если уж до конца быть честным, то и без чьего косвенного участия им бы в итоге не потребовалась эта помощь – как уже можно было догадаться, это была Вера. Правда не успевают Гай и Иван так порадоваться за себя, как их всех отвлекает на себя поднявшийся со стороны входа шум борьбы, со своим обязательным сопровождением – скрежетом зубов, треском ломающейся мебели и костной основы людей, и так же как же без них, без громких, в пылу борьбы выкрикиваемых обязательств участников этого противостояния.

– Я ещё не таких как ты, падла, в бараний рог скручивал. – Свиристует охранник, пытаясь заломить руки взъерошенному типу.

– А это ты видел!? – не менее свиреп в ответ взъерошенный тип, сумев своим многозначительным ответом заинтриговать не только прямых участников этого противоборства, но и всех остальных присутствующих в баре людей, принявшихся высматривать в нём то, чем он хотел так поразить охранника. Но там вроде ничего такого необычного не наблюдается, да и сложно увидеть, когда на взъерошенного типа со всех сторон надели люди и их количественная и весовая составляющая стала постепенно брать верх. Что в итоге привело к тому, что взъерошенный тип, на себе испытав всю ярость и злобу людей подневольных, чей ничтожный заработок итак не даёт им чувствовать себя полноценными людьми, а тут такие как он, только добавляют им мотивации не быть добрыми, был выведен на улицу и там отпущен на все четыре стороны (кто ж виноват в том, что он выбрал для себя приземлённую сторону, прямиком вниз). Правда, перед тем как его отпустить, с ним на дорожку был проведён ещё один обстоятельный разговор, сопровождаемый уточняющими и памятьливыми ударами ног куда придётся.

– Теперь, гад, на всю жизнь запомнишь. – Отбив все свои ноги об взъерошенного типа, сплюнув на него всё, что во рту было, с остервенением сказал охранник и направился назад в бар. Где за время его отсутствия и других лиц из числа работников бара, кто вместе с ним наставлял на путь истинный взъерошенного типа, мало что изменилось, за исключением разве что того, что Вера, чья оказанная помощь была очень кстати для Ивана и Гая, – и что с того,

что она ничего существенного не сделала, для кого-то и доброго слова и просто благодарного взгляда вполне достаточно, – вместе со своим подругами ушла. И она бы вот так сразу не ушла, без того, чтобы уже более развёрнуто выразить свою благодарность её спасителям, – как минимум, они бы без номера её телефона не остались, – но уж больно её подруги были напуганы и в результате чего, не дали ей ни малейшего шанса выразить Ивану и Гаю всю степень своей благодарности им, остолопам – могли бы и сами сообразить насчёт телефона, а то, что у них голова на тот момент не соображала, то это отговорка для начальных классов.

– И нам пора. – Глядя на входную дверь бара, сказал Иван, после того как Вера покинула помещения бара. И Гай не имел ничего против, чтобы подышать свежим воздухом и восстановить пошатнувшиеся силы.

Когда же они вышли из бара на улицу, то свежий воздух достаточно необычно на каждого из них подействовал – у них в глазах всё потемнело, закружилась голова и к горлу подступила тошнота. И если Иван по причине слабости в ногах, принялся сдерживать свои тошнотные позывы и остался крепиться на месте, то Гай, в отличие от него более крепкий в ногах, но не такой стойкий в том, чтобы всё лишнее удержать в себе, рванул в боковой проулок, чтобы там, так сказать, выговориться. И судя по раздавшемуся оттуда громкому выговору Гая, с применением нецензурных деепричастий, невероятно замысловатых словесных изгибов и чертовщин, то ему это всё же было нужно. О чём, скорее всего, знал Иван, и оттого он не обращал особенного внимания на все эти пугающие мимо проходящих прохожих выкрики Гая. Правда, когда в конце этого своего спитча, Гай истерично рассмеялся, то Иван, более менее пришедший в себя, заинтересовался этим его поведением и выдвинулся к нему, чтобы посмотреть и убедиться, что с ним всё в порядке.

Когда же он заглянул в этот проулок, то сразу же там, в шагах десяти от поворота, наткнулся на стоящего посередине дороги Гая, с большой заинтересованностью разглядывающего нечто находящееся напротив него в кустах. Из-за которых Иван, со своего места нахождения не мог увидеть то, на что так внимательно смотрел Гай. И Иван, как это свойственно всем обычным людям, вначале спрашивает: «Ты чего там увидел?», – а уж затем идёт к Гаю, даже и не думавшему отвечать на его вопрос.

По мере своего приближения к Гаю, перед Иваном стало постепенно раскрываться то, на что так заинтересованно смотрел Гай. Так вначале он увидел торчащие из-за кустов ботинки, что максимально приблизило его к открытию предмета наблюдения Гая, и можно было, в общем-то, дальше и не догадываться – предметом наблюдения Гая, был выведенный из бара взъерошенный тип. Который скорей всего, так же как и они, выйдя на улицу, хапнул лишка свежего воздуха, не справился с собой и присел здесь в тиши, чтобы никому не мешая, перевести дух.

И отчасти это было так, в чём вскоре убедился Иван, присоединившись к Гаю.

– Вот же его жизнь побросала. – Проговорил Иван, после внимательного изучения того, что из себя сейчас представлял взъерошенный тип, чья встреча с кулаками и ногами работников бара, явно не на пользу пошла его лицу и всему его виду.

– И не говори. – Не мог не согласиться с ним Гай.

– Можно используя компьютерные термины, даже сказать, что он сейчас находится в одной из точек своего сохранения. – Добавил Иван.

– Я бы сделал существенную поправку, – сказал Гай, – точки отсчёта.

– Скорей, новой точки опоры. – Вставил Иван. – Опираясь на которую, он с этого момента начнёт для себя новую жизнь. – Иван посмотрел на Гая, ожидая его ответа.

– Если он примет для себя такое решение, то тогда да. – После небольшого размышления, дал свой ответ Гай.

– Да, всё будет зависеть оттого, насколько для него будет памятливым это событие. – Уже размышляя, сказал Иван. А вот этот отсыл Ивана к разговору в баре, навёл Гая на мысль. –

Интересно всё-таки получается. Для кого-то вот такой отправной точкой отсчёта становится их обеспамятство в результате некоего знакового события, тогда как для других всё наоборот, их хорошая память, и возможно, что о том же событии. Это как две стороны одной медали, где номинал монеты остаётся прежним, какой бы стороной не падала монета. А это наводит на свои глубокие мысли. Получается, что все эти действия преследуют одну и ту же цель, – сохранность номинала человека, – а применённый к нему способ зависит от его человеческих характеристик. – И Гай, наверное, продолжил и дальше, если бы его не перебил Иван.

– Всё может быть и так, если он очухается. И ты бы послушал его пульс на предмет наличия. А то я боюсь, что если это не так, то ты не сможешь в будущем опираться на него в подтверждении своих теорий. – Сказал Иван. Гай в ответ переводит свой взгляд от него на взъерошенного типа, внимательно на него смотрит и со словами: «Пульс я у него слушать не буду, а вот дыхание послушаю», – присаживается рядом со взъерошенным типом на корточки и, приблизившись к нему головой, вроде как принимается прислушиваться к нему. На что уходит совсем ничего времени и Гай, махнув на взъерошенного типа рукой, с искажённым гримасой недовольства лицом поворачивается к Ивану и говорит. – Не просто дышит, а благоухает.

– Вот и хорошо. – С довольным видом говорит Иван. На чём он не останавливается и, не давая возможности Гаю подняться на ноги, начинает развивать так интересующую Гаю тему, о которой он весь обед не умолкал. – А знаешь, что мне тут надумалось при виде него. – Кивнув на взъерошенного типа, сказал Иван. Гай рефлекторно поворачивает свою голову в сторону взъерошенного типа, в ком ничего не изменилось и, возвратившись назад с малопонимающим лицом, принимается слушать, что надумалось Ивану.

– То, что ты в твоём рассуждении о человеке потерявшем память, не заметил самого главного. Ты не учишь того, что в памяти любого человека крайне мало места занимает он сам. В основном, там, в его памяти, записано его сопровождение жизни, то, что в ней присутствует и что он видит вокруг себя на протяжении своей жизни, а на себя ему достаточно несколько раз в зеркало посмотреть, чтобы не забывать и убедиться в том, что репортаж с места событий ведёт именно он. И исходя из этого, человека можно образно назвать некоей точкой зрения, с которой он позиционирует себя и смотрит на существующий мир вокруг себя. – Иван сделал внимательную к Гаю паузу, ожидая от того каких-нибудь замечаний. Гай же ничего не говорит, и Иван продолжает свои рассуждения.

– А если это так, а я думаю, что это именно так, то можно предположить, что в лёгких случаях, когда, например, твоя фокусировка взгляда расстроилась, возникли технические проблемы, – твои цветоощущения начали давать дальтонический сбой и ты, к примеру, вместо белого видишь чёрное, или с оптимизмом смотришь на трагическое прошлое и с пессимизмом на светлое будущее, – или же может кого-то там, – Иван куда-то вверх кивнул, – из службы технического контроля, не устраивает эта твоя точка зрения, то этот вопрос решается на месте, через определённую коррекцию этого твоего взгляда на жизнь. И в некоторых запущенных случаях, – Иван на этот раз кивнул в сторону взъерошенного типа, – корректировка его затуманенной собственным эго точки зрения производится так запоминающе кардинально.

– В сложных же случаях, – продолжил Иван, после того как перевёл свой взгляд на Гаю от взъерошенного типа, – а это такие случаи, когда ты увидел нечто такое, чего на твоём месте обывателя, недопустимо было видеть... – Здесь Иван задумался, видимая соображая над тем, что это может быть такое, чего не позволено видеть обычному человеку. – Что же всё-таки нельзя видеть? – в задумчивости задался вопросом Иван, после чего начал рассуждать, – я думаю, что эти запретные вещи нужно разделить на две основные категории. Так первая категория, это всё то, что касается лично тебя. Например, какие-нибудь события из твоей личной жизни, которые ведут тебя к неминуемым катастрофическим последствиям, что может быть не входило в планы конструкторов этого мира, и они, дабы обезопасить тебя от гибели, устанавливают в тебе автоматический датчик, который срабатывает в таких экстренных ситуациях,

выключая в тебе запоминающее устройство. После чего твою память зачищают и возвращают тебя к прежней жизни, но только для тебя. – Иван опять задумался над собой же сказанным. Где детальное уточнение в последнем предложении навело его на весьма прискорбные мысли.

– Что касается второй категории, – заговорил после небольшой паузы Иван, – то здесь всё гораздо сложнее. К ней относится всё касаемое общего. А это, наверняка, что-то определённо системообразующее, что-нибудь связанное с пространственно-временным континуумом, в котором мы все существуем. А любые механизмы работы столь сложных систем, всегда находятся под строжайшим контролем и секретом. И если тебе в результате какого-то сбоя в системе, вдруг удалось заглянуть за покрывало этих тайн, то система, частью которой ты тоже являешься, всё сделает для того чтобы изъять и стереть у тебя все эти знания. Так она обезопасивает саму себя от не санкционированного вмешательства с чьей-либо стороны.

– Вот чёрт, – Гай аж хлопнул себя ладошкой по лбу, от пришедшего ему откровения, – а я даже не подумал, какие это даёт огромные перспективы для того чтобы докопаться до сути нашего существования. Мы можем ... – Быть стёрты из памяти системой, – перебил на полуслове Гая Иван, – которая вряд ли допустит нас и кого другого к этим знаниям. И тут даже в свидетелях быть не безопасно, не раздумывая сотрут у тебя память обо всём, и знать не будешь, как тебя звали. – Тут Иван вдруг в оторопи замер на месте, глядя куда-то за Гая. При виде чего Гай, собравшийся было возражать Ивану, замирает с открытым ртом и начинает с опаской поворачивать свою голову назад, пока не наткнется на смотрящий на него, в крайней близости от себя, приоткрытый и главное, не мигающий глаз взъерошенного типа.

Что ещё не самое страшное и что может до икоты перепугать, а особую устрашающую зрелищность взъерошенному типу придавал даже не его окровавленный вид, а то, что он смотрел на Гая сквозь эту окровавленность не двумя, а именно одним в прищуре глазом. И у каждого из них, Ивана и Гая, создалось такое тревожное ощущение, что этот тип всё это время притворяясь бездыханным, сам тем временем подслушивал их разговор. Ну а как только всё про них выяснил, то тут же решил дать знать, в большей степени Гаю, а в меньшей Ивану (оттого что он стоит далеко), что теперь они у него на крючке и что только от него зависит, как дальше сложится их жизнь.

Впрочем, Гай не теряется и даже не отводит в сторону своего лица от этого типа, – а перегаром от него разит ещё как, – а слегка хриплым от напряжения голосом, тихо спрашивает его. – Ну ты как, живой? – Взъерошенный тип в ответ впадает в зрячее соображение насчёт себя, – он как-то удивительно закрутил свой глаз, затем закатил его вверх, после заглянул им в сторону своего второго глаза и, вытащив его из своего укрытия, века, уже вместе с ним посмотрел на Гая, и с некоторым затруднением на выговор слов сказал. – Вроде как да.

– Тебе помочь или ты сам разберёшься. – Приподымаясь в рост, спросил взъерошенного типа Гай.

– Разберусь. – Сказал взъерошенный тип, принявшись осматривать себя на предмет повреждений и дееспособности.

– А ты хоть знаешь, кто ты такой? – вдруг с вопросом влезает Иван, слегка отодвинув в сторону Гая, с удивлением посмотревшего на Ивана, а затем переведшего свой взгляд на взъерошенного типа. Взъерошенный тип оставляет своё занятие, смотрит внимательно на Ивана и своим ответом вгоняет его в умственный ступор. – Глупо задавать такие вопросы, не найдя на них ответы для себя. – И пока Иван с Гаем в умственном ступоре соображают, что это сейчас такое было, взъерошенный тип поднимается на ноги, потягивается как после долгого нахождения в одном тесном положении, затем осматривает себя, в неудовольствии покачивая головой, делает выводы по поводу своего вида и после всех этих своих манипуляций, вдруг обнаруживает перед собой Гая и Ивана – так им это показалось.

– Какие-то вопросы? – на удивление чистым голосом, без примесей душевных переживаний, настроения и тонизирующих дух напитков, обратился к Ивану с Гаем с вопросом взъеро-

шенный тип, чей прямо сейчас вид, несмотря на все эти внешние кровоподтёки и лицевые сбитости, на удивление не соответствовал всему прежнему о нём представлению Гая и Ивана. И если буквально пять минут назад, он был всё тем же взъерошенным типом и не мог быть никем иным, то сейчас в нём что-то такое незримое изменилось, скорей всего во взгляде, что ему, независимо от всех прежних взглядов на него, теперь хотелось бесконечно верить и в то же время не верить собственным глазам и всему тому, что раньше о нём знал – он во всём себе источал уверенность и благопристойность.

– Нет вопросов. – Чуть ли не одновременно ответили Гай с Иваном, и в какой-то странной поспешности развернулись и выдвинулись на выход из этого проулка. Где каждый из них даже не думал смотреть себе под ноги, видя перед собой лицо того оставшегося в проулке человека, который вполне вероятно, что сейчас смотрит им вслед и что-то насчёт них соображает. Что не даёт им покоя и им нестерпимо хочется обернуться назад, и убедиться в том, что тот тип сзади, сейчас смотрит или же не смотрит им вслед – главное то, что им хочется обернуться и посмотреть на него. Но никто из них не оборачивается, и они так и идут вперёд на ощупь своих ног, скорей всего решив, что когда они достигнут выхода из проулка на проспект, то там, на повороте, можно будет посмотреть назад и убедиться в том, что тот странный тип находится на том месте, где они оставили его в своём воображении.

И вот когда они добираются до обозначенного в своих мыслях знакового места, выхода из проулка на проспект, и уже было приготовились мимолётом посмотреть назад, как в тот же момент, оттуда до них доносится голос того странного типа, назвать которого взъерошенным, язык не поворачивается. – Смотрите не споткнитесь!

– Что-что?! – практически одновременно отзываются Иван с Гаем. И как это часто бывает в таких предупредительных случаях, практически в соответствии с правилами той самой невероятной вероятности, когда тебе что-то такое предупреждающее говорят как раз в тот самый момент, когда об этом нужно больше всего беспокоиться (при встрече с опасностью), и оттого, наверное, лучше было бы промолчать и этого не говорить, и дать возможность идущему или делающему что-то, самому сообразить, как о себе позаботиться, предупредённые об опасности в тот же миг нарываюся на эту опасность. В нашем же случае, Иван и Гай спотыкаются, и при этом друг об друга, и то куда они падают, тот предупредительный тип уже не видит, по причине того, что их падение происходит дальше за углом. Да и у него и без них было полно своих забот – с одним только костюмом вон сколько хлопот, и без щётки и воды из под крана и не вычистишь. А он ещё при этом своего лица не видел, хоть и ощутимо понимал, что и там порядка никакого, и он прямо сердцем чувствует, что с ним ему придётся повозиться не меньше чем со своим костюмом.

– Хотя нос можно и сейчас вправить на место. – Убеждающе себя сказал оставленный Гаем и Иваном в проулке человек без внятной самоидентификации, и тут же одним резким движением руки дёрнув носовую перегородку, со звучных щёлком вправил на место свой сдвинутый в сторону носком ботинка официанта нос. И, пожалуй, от таких звуков, сопроводивших процесс вправки носа незнакомцем без идентификационных отличий, можно было головой закружиться и от ассоциативных ощущений передёрнуться, а вот ему всё ни почём, и он себя чувствует вполне здорово, как будто не с его головой только что в футбол играли.

Между тем незнакомец без чёткой самоидентификации и пока с неизвестным именем, посчитав, что он здесь подзадержался, выдвигается на выход из проулка, где по выходу из него обнаруживает Гая и Ивана, так и не сумевших в должной степени воспользоваться его советом. Что и привело их к падению. Правда, для каждого из них последствия этой их неосмотрительности разнились. Так для Гая, шедшего чуть позади от Ивана, благодаря этому обстоятельству и тому, что он споткнулся об ноги Ивана и в итоге упал на его мягкую спину, всё более-менее обошлось – ушибленную ранее и сейчас об голову Ивана свою голову, он уже не так отчётливо чувствовал. Что же касается Ивана, то с ним не так всё облегчённо вышло.

Так в тот момент, когда до него донёлся голос знакового незнакомца, с предупреждением об осторожности, он в первый момент почему-то подумал, что тот совсем не зря это сейчас крикнул, после чего он с осознанием всего этого, смотрит в сторону этого типа, который как ему на тот момент показалось, смотря на него, посылает ему некий сигнал, значение которого он так и не расшифровал, и в этот же момент, зацепившись об свои же ноги, подкашивается и прямым, головой вперёд, – о руках он и позабыл, а рефлекс почему-то не сработали, застряв руки в карманах брюк, – летит в сторону так быстро к нему приближающейся каменной мостовой. Затем Ивана оглушает какой-то удивительный звук – шмяк, и он ненадолго задумывается о природе возникновения этого до упоминания интересного звука.

Тем временем, присевший рядом с распластавшимся на мостовой Иваном Гай, как только приходит в себя и обнаруживает рядом с собой Ивана, которому необходима срочная помощь, переворачивает его на спину и, приподняв голову, за неимением под рукой ничего свободного, в том числе и своих рук, берёт и брызгами своих слюней освежает лицо Ивана. И это, что удивительно, помогает и Иван открывает глаза, и с бредовым и ничего непонимающим взглядом смотрит в упор перед собой и никуда больше. И хорошо, что на пути его взгляда оказался Гай, а то бы он, наверное, и его не заметил. Но так всегда бывает – это так называемый пост-травматический шок. Где травмируемому человеку требуется концентрация внимания на себе и крайняя собранность, вот он и упирается на чём-то одном, чтобы отталкиваясь от этой точки опоры, в дальнейшем суметь собраться, вначале со своими расшатанными мыслями, а уж затем со всем остальным.

И хотя люди в пост шокном состоянии себя ведут иногда крайне удивительно и иногда пугающе, правда людей знающих о таком их последственном поведении трудно удивить, – а Гай был одним из этих знающих людей, он вместе с Иваном стажировался интерном в отделении интенсивной терапии (а состояние шока там обычное дело), – всё же Иван сумел удивить Гая своим поведением.

– Здравствуй современник. – Как будто из другого бытия посмотрев на Гая, совершенно незнакомым голосом проговорил Иван. Отчего потрясённый Гай, с полным непониманием: «Что-что?», – чуть не выпускает из рук Ивана. Который в момент меняется в лице и в непонимании происходящего с ним, теперь задаётся вопросами: Кто я? Где я?

Что уже ближе к его пониманию Гаем, который всё же ещё с опаской смотрит на Ивана. И тут Иван расплывается в улыбке и со смехом заявляет. – Что, попался.

– Придурок. – Только и говорит Гай, отпуская Ивана и, поднимаясь на ноги. Вслед за ним на ноги было собрался подняться и Иван, но тут из проулка выходит их знакомый незнакомец и они замирают в том положении, в каком он их сейчас застал.

Между тем незнакомец как будто их и в упор не видит и знать не знает, и с таким неприступным видом, что и не подходи к нему, а если и решитесь, то строго по записи, поворачивается к ним спиной и с убеждённости в своей правоте и какой-то сквозящей во всём его виде решимостью, не спеша идёт по направлению бара, и всё под внимательным наблюдением стоящего на ногах Гая и всё ещё сидящего на мостовой Ивана.

Когда же он без всякого раздумья берётся за ручку двери бара и без всяких затруднений с обеих сторон открывает дверь, и вслед за этим за ней скрывается, то Гай с Иваном в недоумении переглядываются между собой и Гай спрашивает Ивана: «Ты что-нибудь понял?». И тут без ответа со стороны пожавшего лишь плечами Ивана понятно, что он тоже ничего не понимает из увиденного. Правда у него есть свои соображения на счёт этого удивительного типа, вполне согласующиеся с той темой их обсуждения, от которой они весь день сегодня не отходили.

– Как первый вариант, ему действительно всю память выбили, и всех людей в баре сейчас ожидает удивительнейшее представление, когда этот тип туда зайдёт. – Начал свой рассказ Иван. – Он же для всех людей там в баре является человеком безрассудным и взъерошенным,

от которого и раньше ничего хорошего они не видели, а сейчас им даже станет как-то очень страшно при виде той беззаботности, с которой он зайдёт в бар и займёт место за столом и, с добродушной улыбкой посмотрев на того самого официанта, который ещё полчаса назад носком ботинка исправлял ему нос, позовёт его к себе – кто знает, что он там в своей безумной голове задумал.

Ну а бледный как полотно официант, сразу же заподозрил не доброе, когда первым увидел в дверях бара взъерошенного типа, чей разбитной вид теперь внушал страх и трепет. А сейчас, когда этот тип с таким добродушием помахал ему рукой, то он в момент в коленях осел и, схватившись о барную стойку руками, дал себе зарок от неё не отрываться и стоять здесь до конца, какими бы его не соблазняли чаевыми. И только он так за себя решительно подумал и чуть ли не решил, как администратор бара уже тут как тут, и дрожащим от страха голосом и как чувствует официант, у него тоже колени ног ходуном ходят от страха, начинает его убеждать откликнуться на призыв этого страшного типа. Мол, это ты тут официант, а не я, и в твоих служебных обязанностях чётко обозначено, откликаться на такого рода призывы клиентов.

– Но не зомби же! – в одно слово срезает администратора официант, сам не зная почему так назвав того типа. На что администратор от неожиданности и предчувствия самого страшного, – правоты официанта, – клокает языком в горле и чуть ли не оседает задом в пол от такого открытия. И только цепкость его рук не позволила ему так упасть низко перед своим подчинённым. Удержавшись же на ногах, он вместе с официантом с новым взглядом смотрит на этого, так и источающего благодушие типа, и как бы этого не хотелось им обоим и особенно администратору, он вынужден признать правоту слов официанта (официанту это польстило). Это тип определённо зомби, а как иначе ещё объяснить это его поведение, выносливость и стойкость.

Что, конечно, чушь несусветная и скажи администратору чуть ранее, что он может так когда-нибудь подумать, то он бы сказал бармену, чтобы вам больше не наливали. Но так уж сейчас обстоятельства вокруг удивительнейшим образом сложились, – у него в голове до сих пор стоит сундук, а тут ещё появление как ни в чём не бывало этого типа в таком устрашающем виде, и само собой официант со своими утверждениями про зомби, – что он теперь был готов всему чему угодно поверить, лишь бы как-то всё это объяснить (не иначе сказало бы то, что взъерошенный тип ему разок всё-таки попал кулаком по макушке). Ну а если этот тип, даже не будучи зомби, сумел оказать им столь крепкое сопротивление, то, что он может сейчас натворить, уже находясь в бессмертном статусе зомби.

– И что будем делать? – спрашивает официанта администратор бара, грамотно сообразившего, что в таких экстренных случаях, при встрече с неведомым, и подчиненный имеет право голоса. Тем более официант, как его там, вроде Витёк, по своему возрасту, – имеется в виду, что он подпадает под тот сегмент зрителя, кто любит кино про зомби, – должен знать, как противостоять всем этим зомби. Ну а у Витьки уже давно есть готовый ответ, о котором не может догадываться и администратор – срочно, через задний ход валить отсюда.

И надо отдать должное проницательности администратора, с его предприимчивостью, он быстро сообразил дать дёру, не дав Витьку даже озвучить это своё предложение. И Витьку, вмиг потрясённому такой вероломностью администратора, – сам же гад подначивал меня бить его, – только и остаётся, как нагонять его. А он между тем вначале хотел поинтересоваться, а где же охранник Рембо? – так охранник просил их звать между собой.

– И где он? – заинтересованно спросил Ивана Гай, когда тот в задумчивости замолчал и не спешил раньше времени раскрывать тайну пропажи одного из ключевых лиц для разбитого лица взъерошенного типа.

– Разве это важно, когда мы не знаем, что там сейчас на самом деле происходит. – Ответил Иван.

– Предлагаешь пойти, посмотреть. – Спросил Гай.

– Даже не знаю, – сказал Иван, поднимаясь на ноги (давно уже пора, а то прохожим приходится в недовольстве обходить это неожиданное препятствие). – Одна часть меня, та, которая отвечает за любопытство, то есть за прогресс, – быстро поправил себя Иван, – даже не сомневается в том, что я пойду и загляну хотя бы в окно, тогда как другая часть меня, не столь прогрессивных взглядов, скажем так, придерживающая консервативного взгляда на жизнь, рассудительно подсказывает мне, что бог троицу любит. – Иван замолчал, уставившись на Гая. Чья реакция на его туманные объяснения была более чем предсказуема.

– Не понял. – В полной растерянности проговорил Гай. А Иван в ответ как будто надсмехается над ним и ему даже удивительно видеть такую недалёкость Гая, когда всё то, что он хотел сказать, на поверхности лежит (вот точно так себя ведут люди не умеющие понятным языком выражать свои мысли, а потом ещё обижаются на то, что их не так поняли). Правда, Иван всё же сумел доходчиво объяснить Гаю, что он имел в виду, в своём всеупоминании бога (Иван просто иногда забегает вперёд, а ещё чаще путает местами причины и следствия).

– А что не понятного-то. – С потрясающим простодушием и самоуверенностью даёт ответ Иван. – Два раза по вине этого типа мы уже получили по голове, и новая с ним встреча, что-то мне подсказывает, пойдёт по тому же сценарию. – Сказав, Иван выжидающе посмотрел на Гая.

– А как насчёт правила, чему быть, того не миновать? – задался вопросом Гай.

– Тем более. Значит, если нам суждено с ним встретиться, то мы встретимся. К тому же мы уже опаздываем на работу. – Сказал Иван, посмотрев на часы. И они, бросив напоследок взгляд в сторону бара, решив каждый для себя: «Туда больше ни ногой», – выдвинулись в сторону несения своей службы по защите здоровья населения, то есть в одну из клиник.

Правда, стоило им немного пройтись вниз, по мостовой, как они, опять же каждый про себя, в момент переменили это железобетонное решение, – всё-таки заглянуть туда придётся, уж больно там вкусных цыплят табака подают. – Что не трудно догадаться, было частью правды, и их это решение, ещё разок туда заглянуть, основывалось совсем на другом, а вернее, на другой причине. А вот на какой, то они и себе в этом пока признаться боялись, а что уж говорить о том, чтобы в этом признаться друг другу (известно только одно – она, эта причина, уж очень привлекательна сама по себе, и только о ней вспомнишь, как сердце начинает по-особенному, припеваючи биться).

Тем временем, там, в баре, по заходу в него, пусть будет взъерошенного типа, раз так он для всех там известен, события развивались по другой событийной спирали, совсем непохожей на ту, которую так живописал Гаю Иван. И в этой осуществлённой реальности, стоило только взъерошенному типу войти внутрь бара, как на самом пороге заведения, он к полной неожиданности Рембо, но только не для себя, вдруг наталкивается на него – администратор бара поручил Рембо стоять на входе и при появлении взъерошенного типа, дать знать (администратор как лицо предусмотрительное, не мог не рассмотреть этот вариант, а Рембо, потирая отбитые костяшки пальцев своих рук, тогда счёл всё это за чушь – и кто теперь спрашивается прав).

Ну а когда ты, имеется в виду Рембо, так для себя неожиданно близко, – когда он обернулся на звук открывшихся дверей к дверям, то лицо взъерошенного типа оказалось прямо перед ним и самую малость не хватало, чтобы им носами коснуться, – наталкиваешься на того, кого ты в последнюю очередь ожидал перед собой увидеть, то тут без особых вариантов – всё теперь зависит от того, как себя поведёт взъерошенный тип, а Рембо только и остаётся, как начав осаживаться в ногах, не моргая смотреть на взъерошенного типа и ждать от него на свой счёт решений. А какие они могут быть и будут, то об этом не трудно догадаться, учитывая характер их прежних взаимоотношений. О чём так же прекрасно догадываются стоящие за административной стойкой Витёк и администратор бара Завьял, только сейчас обнаружившие насколько похож вошедший тип на того взъерошенного типа.

А как только обнаружили, насколько он на него похож, то в них в один момент закралось сомнение – а не есть ли это тот самый взъерошенный тип, а не просто человек на него похожий,

которому и нет никакого смысла под кого-то такого типа рядиться. Ну и как итог всему этому их на миг размышлению – они, растеряв в момент всю прежнюю самоуверенность, начали присаживаться в ногах, в попытке спрятаться от неминуемой расплаты со стороны взъерошенного типа – а для чего спрашивается он ещё пришёл, ясно, что заплатить по счетам, раз его так об этом требовательно все здесь просили.

Взъерошенный тип может быть так бы и поступил, как от него ждал весь местный служебный персонал, но он как вроде спешил, а тут на его пути, прямо не обойти, встал какой-то тип. И он, процедив сквозь зубы: «Отвали», – добивается большего, чем кулаком в зубы – Рембо освобождает собой проход – он в момент подкашивается в ногах и роняет себя на стоящий сзади от него стул и при этом так для себя и стула неудачно, что стул выскальзывает из под него, по причине того, что он со всего маху грохнулся на его краешек, и улетает в свою неизвестность, а Рембо уже грохается в свою известность, на пол.

Но взъерошенному типу совсем неинтересно, что там дальше решил подделывать Рембо, а он напрямик направляется к одному из стоящих в самом дальнем от входа углу столиков, отличающимся от других столов тем, что за ним в полном своём одиночестве сидит самого обычного вида человек, чей вид не был ничем особым примечателен и если в нём что-то и выделять, то разве что только толстенные очки, сразу и не поймёшь и не уразумеешь, какой страшной фокусировки.

– Он либо ни хрена не видит в них, либо до хрена понимает, глядя в них на нас. – Примерно вот так виделся и мыслился этот человек теми, на кого он соблаговолил посмотреть.

Что в полной мере можно было соотнести и к присевшему за его стол взъерошенному типу, который не сразу удостоился взгляда со стороны этого человека в очках, – он был чрезвычайно занят, собирая с миниатюрный контейнер, похожий на тот, в котором хранятся грифельные стержни для механических карандашей, рассыпавшиеся на столе миниатюрные шарики, с виду похожие на ртутные, – а лишь только после того, как обратился к нему с вопросом. – Ну что скажешь? – На что человек в очках не сразу даёт ответ. А лишь после того, как он с помощью специальной стальной палочки загоняет шарик в контейнер, и, закрыв за шариком крышку, он поднимает свою голову на взъерошенного типа и, со всем вниманием на него посмотрев, спрашивает. – А что ты собственно хочешь услышать?

Ну а так как взъерошенный тип даже не думает отвечать на этот вопрос, то можно предположить, что он знает, что это не вопрос, а всего лишь прелюдия к основному вопросительному действию, которое непременно последует после того, как Настройщик, так зовут очкастого человека, выпустит из себя весь накопленный пар – этот вывод взъерошенный тип сделал, исходя из истеричного голоса Настройщика, а это следственно наводит на понимание того, что Настройщик и был тем человеком, в кого по касательной прилетел запущенный взъерошенным типом бокал. Что, в свою очередь, ещё на большее открывает глаза. Правда на что, то это пока остаётся невыясненным, но при этом можно сделать свои предположения о недружественном характере взаимоотношений между ними – они явно претерпевают не лучшие времена, если другие когда-нибудь и были, а это ещё более сомнительно. Ну а стоящий на столе бокал с частично отбитой ножкой, в перевёрнутом положении, где внутри него, как в невесомости, летают точно такие же ртутные шарики, прямо подтверждает выше приведённое предположение о направлении полёта бокала.

И как верно догадывался взъерошенный тип, Настройщик не ждал от него ответов на этот первый свой вопрос, а как человек рассудительный и собранный, он всего лишь хотел указать ему на недопустимость таких его действий, ведущих к беспорядку и бардаку в мыслях. – И не надоело тебе ребячиться. К чему все эти представления и перевоплощения, я ведь всё равно в любом обличье тебя узнаю. – Укоризненно покачав головой, нравоучительно, то есть наиболее ненавистно для тех людей, кто считает себя учёным и вправе учить других людей, вот так с укоризной качая головой, сказал Настройщик. – Нет, конечно, я понимаю, это твоя

основная, как Понтифика задача, наводить мосты между людьми, но не также кардинально. Вот посмотри, что ты наделал. – Настройщик, кивнув перед собой, указал Понтифику на тот беспорядок, который благодаря таким его действиям на грани фола, возник на столе.

Ну а так как Понтифик привык доверять и верить на слово Настройщику, то он поверил, что то, что он увидел перед собой на столе, есть беспорядок и ничего больше. Хотя в самой глубине себя, он всё перед ним представшее, мог бы отнести к броуновскому движению, что есть не беспорядок, то есть упорядоченное в своей беспорядочности движение – а беспорядок тем и отличается от любого порядка, что в нём есть отклонения от прежнего порядка. И значит, то, что сейчас расположилось на столе перед Настройщиком, – там друг на дружке лежало несколько этих мини контейнеров, рядом с ними лежал неизвестного назначения прибор, с прыгающей стрелкой на циферблате, и по всему столу раскатывались эти ртутные шарики, – только со слов Настройщика можно было назвать беспорядком. Когда для Понтифика, впервые видевшего этот порядок-беспорядок, пока этот вопрос находился на стадии рассмотрения. Чем он и занялся, наблюдая за катающимися шариками на столе.

Ну а Настройщик, скорей всего был человеком увлечённым, в особенности этим своим увлечением, а может и не просто увлечением, а скажем так, смыслом всей его жизни, и он при виде такой заинтересованности Понтифика, несколько смягчился и даже готов был его выслушать. Понтифик же улавливает эти душевные изменения в Настройщике и дальнейшим проявлением своей заинтересованности продолжает подминать под себя Настройщика.

– А не перепутаются? – заинтересованно спрашивает Понтифик. На что Настройщик мог бы и вспылить: «А благодаря кому они тут рассыпались!», – но когда его спрашивают по его любимому делу, он обо всём забывает, и готов ответить на всё, что его касается и вас интересует.

– Их не спутаешь, – с каким-то внутренним душевным удовольствием говорит Настройщик, поднеся к одному шариком металлическую трубку, к которой этот шарик в момент залипает, стоило только Настройщику нажать на ней специальную кнопку. После чего он поднимает эту трубку с шариком на её конце и, поднеся её к лицу, через призму этого шарика смотрит на Понтифика. – У каждого шарика свой идентификационный частотный фон, в соответствии с генетическим кодом его носителя.

– А почему в форме шара? – спросил Понтифик. Настройщик расплывается в снисходительной улыбке перед таким невежеством Понтифика, не знающего элементарных вещей. За что, между прочим, к Понтифику могли бы возникнуть вопросы со стороны соответствующих структур – как он тогда выполняет свои служебные обязанности, не зная самых простых вещей. Но Настройщик, как тот, кому близки бесконечно многие знания, отчего он пребывает в состоянии одиночества, никогда не упустит возможности с ними поделиться – знание та единственная вещь на свете (в научном аспекте, а так есть ещё любовь и другие чувственные вещи), делясь с которыми, ты ими ещё больше восполняешься.

– Вся природная сущность, таким способом себя сохраняет от вмешательства внешней среды, через свою концентрацию самозащищается, сохраняя свой исходный элемент от размытия другими примесями. И если внешняя среда тебя поглотит, то всё равно исходный элемент, хоть и став составной частью чего-то большего, сохраняет самого себя. А чем на самом деле отличается от всех других каждый в отдельности шариков, то это крупнейший секрет, знать о чём, доступно только избранным. – Настройщик, сделав эту оговорку, сквозь сдвинутые брови посмотрел на Понтифика и, вдруг улыбнувшись, сказал. – Но тебе, я так уж и быть, скажу. – Настройщик, чтобы придать значительности своим словам, делает многозначительную паузу, необходимую ему, чтобы выдохнуть и снова вдохнуть, после чего он на пониженных тонах своего голоса сообщает ему эту за семью печатями тайну.

– Каждая составляющая шарика содержит в себе элемент розни, и это не только физический элемент, а это также элементы другой не физической сущности, как например, его радио-

активность, но только не в том физическом понимании, как мы о ней знаем. А эта активность есть скорее энергетическая способность элемента проявлять себя. – Поглядывая то на Понтифика, то на шарик перед собой, сказал Настройщик. После чего он берёт один из контейнеров и погружает в него этот шарик.

– А я вот слышал, что от массы и значения тела зависят его гравитационные качества. И чем значительней вес тела, то тем большей гравитацией он обладает. – С этими словами Понтифик приложил палец своей руки к находящейся ближе к нему стороне бокала. И находящиеся запертыми внутри него шарики, все как по команде, вначале застыли на одном месте, после чего, как это делают аквариумные рыбки, потянулись к пальцу руки Понтифика. Когда же они все собрались со стороны его пальца, Понтифик с улыбкой на лице переводит свой взгляд на Настройщика, где натывается совсем не на то, что он ожидал увидеть. А увидел он не благодушие человека, с чьим домашним питомцем поиграли и тот остался доволен, а он не сказать, чтобы озлился, а ему стало как-то по собственнически ревностно обидно – как оказывается, не он один способен вызывать ответные чувства у науки.

И Настройщик, чтобы себя окончательно не выдать, возвращается к началу разговора и спрашивает Понтифика. – Так что ты хотел узнать?

– Твоё мнение насчёт всего тобой услышанного. – Сказал Понтифик.

– Я много чего слышал. И, между прочим, и сейчас продолжаю слышать. – Сказал Настройщик. И как понял Понтифик, приметив за ним, что он краем глаза ведёт наблюдение за бокалом, где шарики продолжали окружать прижатый им к стенке бокала палец, то он находился в некотором затруднении и замешательстве. Настройщик не знал, что делать, предпринять ли ответные действия со своей стороны и прижать палец к бокалу, – а вдруг тогда его гравитационное поле окажется не столь сильным и тогда он окажется, как минимум, посмешищем в своих глазах: «Вот чем тебе отплатила наука, на алтарь которой ты всего себя принёс, она, как оказывается, любит невеж и бездарей, для которых она всегда будет девственно молода, а для тебя она уже умудрённая опытом зрелая дама, с которой уже не обретёшь прежней новизны открытий. А если что-то и удастся в итоге новое открыть, то на это будет столько положено трудов, что и не почувствуешь радости от этого открытия», – или же так и оставаться в неведении, но зато не осмеянным самим собой и этим Понтификом, который обязательно везде разнесёт, как он сделал его, только на словах великого знатока всего, когда на самом деле, его даже элементарные частицы не уважают и так ко мне и льнут.

– Я всегда этим знатокам учености и якобы мудрости говорил. Не хрен мудрить и умничать, будьте проще и элементарные частицы к вам потянутся. – Перед глазами Настройщика так и предстал Понтифик, разгорячённый этой своей речью, с которой он обрушился на всех учёных мужей, а толпа невежд, чьи лица смазала окружающая их реальность, ему в этом, яростно сбивая в пыль ладони своих рук, аплодирует. Тут Понтифик из его представления, выбирает из всей массы учёных мужей именно его, – а выбор, между прочим, был более чем внушительный, – и, ткнув в него указательным пальцем (что поделать, такая у Понтифика привычка, в понравившихся ему людей тыкать пальцем), – да-да, именно в тебя тычу, паскуда, – уже словесно обращается к нему:

– Да, многие знания, это многие печали. Так ведь? – И Настройщик сразу же просёк (это слово из их научного сленга, оно облегчает взаимоотношения со вновь открываемыми частицами, которые любят всё новое и современное), что Понтифик не просто так его спросил, и в его вопросе, наверняка, есть подвох.

– Да что ж такое! – в ярости возмутился про себя Настройщик, догадавшись, что здесь не так. – Он ожидает, что я непременно соглашусь с этим всем известным утверждением и тем самым косвенно соглашусь с первым его утверждением, превозносящего невежд и неучей, и низвергающего нас, учёных мужей, в пропасть своего невежества. Не бывать такому! – налившись гневной краской, возразил прямо в лицо тому представившемуся Понтифику Настрой-

щик. Что немного его успокоило, и он добавил к уже сказанному. – Что же касается тех, про кого ты мне так неумело намекаешь, то скажу одно. Я ничего нового не услышал и не мог услышать. Хотя бы по причине того, что больше своего содержимого не осмыслишь и выше своего уровня понимания не рассудишь, в общем, как у вас там говорят (—У кого? – не мало удивился Понтифик – ясно, что у невежд, но об этом знают только знающие люди, а не невежды), выше головы не прыгнешь. А для того чтобы уметь мыслить стратегически или же простыми словами, другими категориями той же мысли, нужно по крайней мере знать, что есть другие уровни и категории мышления. И если сумеешь отречься от себя и заглянуть в другие плоскости понимания, то... То тогда ты увидишь. А вот поймёшь ли ты что-то из представившегося тебе, то это другой и возможно что, не разрешимый вопрос. – И Настройщик, чтобы поставить жирную точку в сказанном, решился-таки прижать свой палец к стенке бокала. Но так как это решение пробивало в нём для себя путь столь долго и сложно, то он не рассчитал силу поднесения своего пальца к бокалу, и получилось так, что он не приложил к нему палец, а со всей своей напористостью ткнул в него.

И как результат, бокал не смог устоять на месте и, соскользнув с удерживающего его с другой стороны пальца Понтифика, слетает со стола и падает в глубину застольного пространства. Откуда вскоре доносится звон разбившегося стекла, а затем перед перекошенными в недоумении лицами Понтифика и Настройщика предстают взрывающиеся вверх шарики.

Глава 3

Третья неминуемая встреча и взгляд из под кушетки

Быть провидцем, хотя бы поневоле и даже совсем немного времени, как оказывается, совершенно неблагоприятное, тяжёлое и не очень-то и доходное дело. Что на себе в полной мере испытал Иван, когда не предполагая того, что им не просто сказанное Гаю про того взъерошенного типа из бара замечание, а с должным его обоснованием (а это и указывает на твой провидческий дар, когда ты умеешь читать и делать выводы из поданных судьбой знаков): «Где две, там и три встречи. И если нам суждено встретиться, то эта встреча обязательно произойдёт», – будет взято на заметку судьбой и совсем скоро сбудется.

И получается, что Иван, когда так говорил, как будто в воду смотрел. Правда сейчас он всё больше молчал и, забравшись под одну из дальних, находящихся в относительной тени кушеток палаты, одним глазком посматривал за тем, что происходит за одной из коек, куда вначале был доставлен в бессознательном состоянии тот самый взъерошенный тип, о ком Иван по своей провидческой недалёкости (Иван, скорей всего, дальше одного шага не мог предвидеть) посмел так обоснованно предвидеть, а под за полночь к нему уже заявили такого рода гости, что крайнее нежелание Ивана с ними встречаться, – ну и страх тоже, – и загнало Ивана под одну из больничных кушеток.

И как говорится в таких случаях, ничего вроде бы не предвещало такого ненастья. Хотя как раз именно это не предвещающая ненастье погода или другими словами, стечение жизненных обстоятельств, и есть то самое необходимое условие, чтобы эта событийность произошла. Так и заступивший на ночное дежурство Иван, скорей всего, рассчитывал совершенно по-другому провести это своё дежурство, и уж точно не прячась под кушетку от ответственности и призыва о помощи дежурного врача, объясняя этот свой проступок в своей пояснительной записке так – да вот закатился под кушетку, прошу обратить внимание, ртутный градусник, и я полез его вытаскивать и как-то само получилось, что я там на всё дежурство застрял. – А Иван собирался, если, конечно, дежурство пройдёт спокойно, вздремнуть на диванчике в ординаторской или по-спартански за столом, стоящим в коридоре приёмного отделения, куда его в первое своё дежурство, вместо медсестры усадили за бумаги, чтобы он под ногами не мешался.

И только Иван со всеми удобствами, какие предоставлял стул и стол в коридоре приёмного отделения, устроился на месте своего дежурства, как... Хотя всё же не совсем так. Ведь когда вокруг тебя стоит такая благословенная тишина и покой, – Иван же находился в приённом покое, а это по своему, по приёвному одухотворяет и настраивает на свой душевный лад, – то и мыслится, и переживается как-то иначе. Это ведь там, за пределами больницы, находится весь тот опасный мир, со своими травмами и болезнями, где и происходит вся неразбериха и связанное с нездоровьем беспокойство, в общем, всё то, что далеко, и для находящихся в больнице людей абстрактно существует, и от этого понимания, тебе как-то особенно за себя спокойно и защищено начинает чувствоваться. Ну а от понимания того, что все кто нужно здесь находится, и тебе если что, то по первому желанию окажут необходимую медицинскую помощь, ты в расслаблении успокаиваешься, и постепенно начинаешь терять над собой контроль. Да так сильно, что тебе, или вернее Ивану, пришлось отвернуть от себя настольную лампу и, облокотившись головой о стенку, таким образом, себя укрепить за столом.

А то мало ли что бывалые дежурные врачи насчёт него подумают, и потом оправдывайся перед ними и главное, перед собой в том, что ты не спал. А им-то что, этим ходящим, как зомби бывалым врачам, они уже столько ночных дежурство пережили, где случалось, что они даже переживали тех поступивших пациентов, кто так за себя и свою жизнь сильно переживал, что не пережил эту ночь, и так сказать, привыкли. Да так, что, кажется, что они и не спят

вовсе. И хотя они по себе знают, как иногда, и особенно новичкам, тяжело приходится в ночное дежурство, тем не менее, это их не останавливает от того, чтобы взять и настучать ... по голове новичка, только на минуточку приложившего свою голову к столу или стенке.

И вот когда прошла вот эта самая минуточка, и Иван, как он сам помнил, заранее, как это бывает, когда ты за минуту до звонка будильника, то есть до знакового события, просыпаясь, приоткрыл глаза, чтобы воочию встретить это приближающееся к нему событие, как в отделение и прибывает на каталке первое беспокойство, в виде находящего в бессознательном состоянии человека. И не успевает Иван рта раскрыть, как со стороны дежурного врача, с много чего говорящей фамилией Резус, – и, наверное, понятно, что для новичков в медицинском деле, как Иван, он был с отрицательным знаком, – звучит команда: Чего расселся, давай помогай. – И Иван подскакивает со своего места, и по мере понимания того, что от него требуется и своих возможностей, начинает оказывать помощь медработнику не самого высокого звена, то есть санитару, везущему на каталке поступившего в их отделение человека, нуждающегося в медицинской помощи – он вместе с ним прикатил каталку до свободной палаты и там они перенесли поступившего в отделение человека на предназначенную для него кровать. После чего Резус вручает Ивану на оформление поступившего пациента, прикрепленную к нему документацию, – на него ничего нет, так и запиши, и добавь, пробита голова и сотрясение мозга, – в два слова обрисовал ситуацию Резус, и эта группа быстрого реагирования на вызовы судьбы, немедленно покидает отделение.

Ну а Иван, понаслышке зная, что как раз вот такие неизвестные и по своему скрытные пациенты, хуже всех отражаются на здоровой статистике больницы, и определённо могут выкинуть что-нибудь такое неблагоприятное, за что потом ему отвечать, решает вернуться в палату и убедиться хотя бы в том, что тот находится на своём месте и никуда, в том числе и из своей жизни не убежал. И если насчёт того, что привезённый пациент до сих пор находится на своём прежнем месте, там, куда его выгрузили Иван с санитаром, Иван сразу же по заходу в палату убедился, то вот по поводу всего остального, то тут нужно было подойти поближе к нему и там прислушаться.

Что и проделал Иван, подойдя к доставленному пациенту и, наклонился к нему, чтобы прислушаться. И только Иван наострил уши, чтобы, так сказать, более ответственно подойти к делу проверки пациента на его совместимость с жизнью, то тут же понял, как всё же легко врачу совершить врачебную ошибку. Ведь, как оказывается, он не тем инструментом для проверки пациента решил воспользоваться. И ударивший ему в нос стойкий запах того самого сногшибательного аромата, которым себя ароматизируют люди, ищущие приключений и должного внимания со стороны других людей, с кем они по причине своей врождённой скромности не могут завести разговор и знакомство, не употребив для храбрости тот напиток, который так угарно их затем ароматизирует, всё сразу расставил по своим местам и со злостью усадил Ивана на своё прежнее место за столом в коридоре.

– А я ещё за него переживаю. – Рухнув всем весом на стул, Иван, взяв со стола сопроводительную записку, где напротив всех пунктов стояли прочерки и свои неизвестные, принялся озлобленно нервничать на счёт этого неизвестного пациента, который оскорбил его в лучших чувствах.

Иван-то со свойственной себе увлечённостью загадками и связанными с ним фантазиями думал, что в нём определённо есть какая-то загадка, – что-то связанное с тем, о чём ему Гай сегодня в баре все уши прожужжал, – а тут со всей своей ясностью прямо-таки одно только разочарование. Ведь этот тип, как себе мог и вообразил отчасти Иван, мог быть человеком с героическим настоящим, которое было прикрыто легендой, которую для него придумали специалисты из специальных служб. Где он, находясь на грани своего раскрытия, – его под видом инвестора заслали в одно преступное банкирское сообщество, – чтобы его прежде вре-

мени не раскрыли, решил пойти ва-банк, и под видом потери памяти, собирался начать новую, с повышением ставок игру против вороватых банкиров.

И банкиры из преступного сообщества банкиров, уже было начавшие потирать свои руки от ждущих их барышей, называемых сверхприбылью, как только узнают о случившемся с этим инвестором, ранее собиравшимся через их банк провести колоссальные суммы, естественно в это не поверят, и крайне за него или точнее сказать, за его инвестиции беспокоятся. Ведь все прекрасно знают, что за ними (инвестициями) нужен особый присмотр, а тут инвестор и за собой приглядеть не может, а что уж говорить о тех его инвестициях, на которые вроде бы как выписана генеральная доверенность, а вот где она сейчас и у кого находится, то это такой кладонственный секрет, что ради него можно сделать некоторые отступления от правил законности.

И как только решение завладеть этим секретом и генеральной доверенностью в придачу, созреет в отдельных банкирских головах этого преступного сообщества, о котором каждый созревший банкир не будет распространяться, то тут-то и начнётся охота до денег инвестора. Для чего инвестора начнут так жёстко приводить в память через колено, что лучше не вспоминать. Ну а в свою очередь скрывающийся под без памятливым инвестором героический человек из специальных служб по разоблачению человеческой жадности, выдавая частями и в специальной направленности свои памятливые воспоминания, таким образом постарается сравить между собой все эти бандит... банкирские рожи. А уж после того, как они частично друг друга по устраняют, так сказать, проредят свои ряды, то оставшихся в живых счастливыхчиков, тёпленьким в своих постелях уже схватят люди из государственных структур, кому по своему призванию, призывать к ответу всякую подлость и жадность, положено так брать в оборот этот преступный контингент, жирующий за общественный счёт.

А тут вот как всё оказывается не так. И это ни какой не герой, а просто проходимец и вполне возможно, что негодяй, который просто до беспамятства напился, где-нибудь споткнулся, разбил голову, и тем самым записался в люди Икс, или Немо.

– И я вместо того, чтобы уллучив свободную минутку отдохнуть, иду к нему и интересуюсь его здоровьем, мол, как там тебе дышится. А ему так легко дышится, что от этого дыхания другим людям не продохнуть. Вот же сволочь! – Выругался Иван, решив больше не тратить своё драгоценное время на этого гада, и тут же, уже головой увалился на стол, чтобы на зло всем этим беспокойствам, с умом предоставленное ему в распоряжение время тратить.

– Нет, я всё-таки не могу. – Спустя какое-то время, скорей всего, через всё ту же абстрактную минуточку, – что поделать, если здесь, в этих больничных палатах, время течёт, воспринимается и систематизируется в своих отдельных классификационных категориях, – Иван с этим своим возмущением отрывает свою голову от стола и зад от стула, и направляется в палату, чтобы... Пока он не решил спросонья для чего, но для начала будет неплохо, с ненавистью посмотреть на того гада, который ему не даёт спокойно нести дежурство.

И вот Иван решительным шагом добирается до кровати с поступившим пациентом, и с намерением посмотреть на него, а точнее в его наглуую физиономию, – а тот лежит на боку, лицом к стенке и значит, спиной к Ивану, что тоже волнующе бесит Ивана, – и сходу постучав того по плечу, крепко так, с подковыркой его спрашивает. – И не надоело тебе притворяться? – После чего Иван даёт тому время на оправдание своего поведения (поэтому он и начал своё общение с этого вопроса), и на то, чтобы собраться с мыслями и ответить. Но всё бесполезно и видимо этот пациент настолько упёртый в своей правоте и безнаказанности тип, что он даже и не думает думать и само собой, шевелиться.

И тогда Иван, решив, что вот сейчас посмотрю тебе, подлец, в лицо, и всё, всё о тебе пойму, хватает того за плечо и резко разворачивает его к себе лицом. И как только Иван добивается своего и чуть ли не в упор перед ним оказывается лицо этого типа, то Иван в момент бледнеет и со словами: «Вот чёрт!», – одёргивается назад. И только было Иван, в умственной

оторопи отскочил назад, как со стороны дверей ведущих в палату, до него доносятся голоса разговаривающих людей, только что подошедших к двери. И при этом эти голоса столь и в таком жутком качестве знакомы Ивану, что он и сам не понял, как оказался под одной из кушеток, откуда он спустя время выглянул и принялся вести своё наблюдение за происходящим в палате.

– Сюда что ли? – задаётся вопросом один из подошедших к двери людей, чей могучий и сковывающий взгляд Ивана силуэт, сейчас обрисовался сквозь органическое стекло дверей.

– Это, скорей всего, Сумеречный. – Предположил Иван, вспомнив то обстоятельство своего мимолётного знакомства с этими лицами грозной наружности, которое состоялось в морге, куда их с Гаем по причине их не должного усердия, в качестве воспитания в них командного духа, сослал заведующий отделением.

– Слушай, – определённо с умыслом обратился Иван к Гаю (Иван знал, что Гай несколько мнителен в вопросах связанный с потусторонним, в чью сторону, они сейчас фигурально направлялись), когда они в качестве наказания за своё не прилежание, а точнее, наоборот, за прилежание – они прилегли в свой, заметьте (а заведующий отделением совсем другое замечает, его взгляд сфокусирован совсем на другом), свой обеденный перерыв, вздремнуть, – оказались на посылках у патологоанатома Люцифера (понятно, что не настоящего, но во многом на него похожего и так сказать, стремящегося к этому для себя идеалу – кто-то себя считает божественным подобием, а кто-то более приземлено и реально на себя смотрит, и тут ещё можно поспорить, кто к кому ближе) и им пришлось направиться в морг. А тому только одного подавай – только что поступившие трупы (путь к его сердцу лежал через морг). Ну а это всё в своей совокупности наводит на мысли о суровости бытия и о потустороннем, о тех же снах. – Ты как вчера спал? – спрашивает Гая Иван.

– А что? – в нехорошем предчувствии вздрогнул в ответ Гай, чуть не выронив из рук носилки с очередным подарком для патологоанатома. И хорошо, что Иван не обратил на это большого внимания, – а то, что он сачок, то он уже об этом не раз делал ему замечания, – а то бы он его как минимум, заподозрил в укрывательстве своих снов.

– Да вот странный мне вчера приснился сон. – Нагнетая мрачную обстановку, проговорил Иван, косо посмотрев на Гая. Ну а Гай весь напрягся в нехорошем предчувствии и с наигранной беззаботностью спрашивает его. – Ну и чего тебе приснилось? – Иван же хотел было сразу рассказать ему только что придуманную версию своего сна о небывало кошмарном, но тут ему показалось что ли, что переносимый ими на носилках человек, уже несколько часов пребывающий в неживом состоянии, вроде как в тот же спрашиваемый момент изучающе на него посмотрел, и как бы всем своим прибитым, как говорят молотком, видом показывая, что он глубоко сомневается в его честности.

– Мне человеку с сегодняшнего дня имеющего свои связи с потусторонним миром, отлично известно, что вам, живым людям, там, в тайниках своих мыслей, видится. – Покачиваясь на ходу, вот таким рассуждающим образом виделся Ивану этот на дух не переносимый и в тоже время переносимый ими в носилках тип прибитой и до чего же противной наружности, так и подрывающийся вскочить со своего места в особые моменты, когда Гай спотыкался на ступеньках. – И даже я, повидавший всякого непотребства в немалых количествах, – а на это указывает хотя бы мой скоропостижный уход из жизни, – и то на некоторые вещи, которые всплывают в сновидениях у некоторых с виду вроде как приличных людей, не готов смотреть без должной подготовки в баре. И мне одного взгляда на тебя хватило, чтобы понять, какой ты всё-таки в сущности человек сволочной. – И как показалось Ивану, то этот человек не живой наружности, – а его, между прочим, он и Гай практически несут в последний путь, а от него никакой благодарности, – взял и особенно улыбнулся на этих своих словах, которые он через свою внешнюю выразительность передавал ему.

И тут Иван не выдержал и разошёлся в иступлении. – Да что ж такое?! Его, понимаешь ли, несут, а он ещё выказывает претензии. Да я тебя, бандитская морда, сейчас не к пато-

логоанатому отнесу, а прямым отправлю в печь крематория, и как результат, следствие по твоему делу зайдёт в тупик. И ты не будешь отомщён. – И вслед уже хотел было вспылить и подпалить несомого авторитета Горелого (так Иван его про себя прозвал), но вовремя сообразив, что тогда у следствия уже к нему возникнут вопросы, к чему также подключатся люди из банды Горелого, – а там недалеко и самому угодить в печь крематория, – решил оставить всё как есть, а на Горелого наплевать. – Тьфу, на тебя. – На этом моменте, на одном из спусков, Иван спотыкается и чуть не роняет из рук носилки вместе с Горелым. Ну а Горелый всё отлично понял, что задумывал Иван, – ведь не надо забывать о его связях с потусторонним, – он хотел травмировать его голову ещё раз, уже после смерти.

Но не только Горелый так напрягся на этом спуске, где Иван споткнулся, а тут ещё и заволновавшийся Гай чуть не упал, решив, что Иван так на его вопрос отреагировал. Так что Горелый как никогда был близок к своему посмертному падению и травматизму.

Но Иван за всеми этими своими заочно проводящимися, дискуссионными спорами с Горелым, не успел начать рассказывать свой страшный сон, так как они уже пришли к пункту назначения, и их встречал потирающий руки патологоанатом Люцифер (и тут не нужно удивляться этому имени, все они (?) там, в этом отделении, между собой так прозываются, а если не верите, или вам кажется, что они много на себя берут, так называясь, то не советую, а так лишь, в качестве познавательного эксперимента предлагаю вам организовать для себя день открытых дверей в это отделение и заглянуть туда хоть одним глазком). И когда он звучно хлопнул в ладоши своих рук при их появлении и оглушающе их самосознание выразился: «И чем вы на этот раз меня решили порадовать, а может и вовсе удивить», – то уже не было никакой возможности продолжать этот разговор – все их мысли переключились на Люцифера и Горелого. Ну а потом заводить заново разговор об этом никто не решился, и их разговоры между собой шли всё вокруг да около.

Так вот, сейчас или точнее сказать, в тот момент, когда Иван с Гаем с носилками в руках и Горелым на них, оказались в секционной патологоанатомического отделения перед лицом Люцифера, при виде которого, да ещё в таких соответствующих интерьерах, невольно вздрагиваешь и тебя мурашками покрывает, у них из голов все мысли выветрились и всё их внимание теперь было обращено на Люцифера – всё-таки умеет народ подмечать за людьми их настоящую суть, а в данном случае в вопросе с Люцифером, насчёт которого всегда были и до сих пор возникают некоторые сомнения в его человеческой сущности, облекая её в не убавить, не прибавить прозвища, хотя не без стереотипного мышления – ведь могли же, не отклоняясь от основной сути прозвища, прозвать его, к примеру, Ганнибалом Лектором. Но в данном случае, это его именование наиболее точно ему подходило и отражало его тёмное величие, а этот допотопный Лектор по всем статьям был слишком мелок для него.

Ну а Люциферу одного взгляда на несомый «подарок» достаточно, чтобы всё об этом подарке понять, соответственно оценить и сделать соответствующие выводы – этого разно-стороннего типа (вон как руки разбросало по сторонам) несите на основной стол. Правда на этот раз, этой долгожданной команды для Ивана и Гая не поступило, а Люцифер так выразительно преобразился в лице, что у недобровольных, а по воле обстоятельств носильщикам, Гаю и Ивану, как-то в испуге ещё раз вздрогнулось. После чего он, разведя руки в стороны, как гостеприимный хозяин своих покоев, выступил с вроде как приветственным словом перед новоприбывшим Горелым. При этом его приветственное слово прозвучало так многозначительно, что Иван с Гаем вполне могли и приняли его слова на свой счёт.

– Вот мы и встретились. – С жутким подтекстом, как теперь Иван с Гаем поняли, со стоящей радостью на лице, а не хищным оскалом проговорил Люцифер, глядя своим немигающим взглядом прямо в душу каждому из присутствующих здесь. А так как Горелый вроде как только телесно здесь присутствовал, или мы чего-то главного о нём и потустороннем мире не знаем, то этот взгляд Люцифера только косвенно его касался. При этом Гаю и Ивану одновременно

в голову пришла одна и та же мысль. – Если бы мы сейчас находились в холодильном отделении, то вот бы Люцифер жутко выглядел, когда у него изо рта вырывался бы пар. – Хотя у них и без этой мысли было немало о чём подумать. Да хотя бы о том, с чем связана эта его такая радость при виде них. – Раньше даже и не замечал, а сегодня что за радость. Может по людскому общению соскучился. – Вот так, достаточно по-человечески, за Люцифера подумал Гай, явно проявляя недостаток мужественности и, желая задобрить этого врага человечества.

Что же касается Ивана, то он подошёл к разрешению вопроса понимания Люцифера с не менее эгоистической стороны, нежели Гай, в чём его упрекнуть никак нельзя, – ведь только по делам своим ты судишься, – и он принялся судорожно перебирать в памяти всё то, что могло вызвать такую радость Люцифера. – Может слышал, что я нелестно отзывался о его отделении? – напряг лоб и извилины памяти Иван, вспоминая, когда это он мог так неуважительно выразиться и при этом вслух. – Да вроде ничего такого не говорил, а то, что я без особого удовольствия выслушал это наше направление сюда от заведующего отделением, то... Так вот кто Люциферу на нас настучал. И я представляю, в каких тяжёлых и любимых для Люцифера чёрных красках, он, гад, всё на нас наклеял. – От таких открытий Иван аж приобрёл нормальный цвет лица (а так он был бледный, как полотно) – так он был возмущён на заведующего отделением, готового ради поддержания своего властного авторитета на любую провокацию и манипуляцию общественного мнения.

Между тем Люцифер подошёл к носилкам и, уставившись на находящийся на них труп Горелого, после небольшой задумчивой паузы произнёс небольшую тираду. – Да, и хотя пути человеческие пути неисповедимы, они всё равно в итоге приведут человека в эти пенаты. И ты, Горелый, не исключение из общих правил. Хотя у тебя на этот счёт всегда было особое мнение. Ну а так как ты человек особо упёртый и если тебе в голову что-то втемяшили, – ты, как я помню, считал себя бессмертным, – то из тебя эту мысль никакими разумными доводами не вышибешь, разве что только молотком. Кто же это такой насчёт тебя догадливый и понимающий тебя с полуслова нашёлся? – усмехнулся Люцифер, кивнув Ивану в сторону свободного стола.

Когда же Горелый был по всем правилам переброшен носильщиками с носилок на стол под названием прозекторский, и при этом без должного почтения к Горелому и с такими кислыми лицами, что за них немного стыдно, то Люцифер подошёл к столу со стороны головы Горелого уже не с пустыми руками, а с циркулярной пилой. Здесь он со своего высока, профессиональным взглядом окинул Горелого, явно что-то про себя проанализировал, на каких-то своих рабочих моментах остановился при виде глобусного вида головы Горелого, и в итоге перевёл свой взгляд на Ивана с Гаем, давно уже желающих поскорее покинуть это помещение.

Но нехорошее предчувствие в итоге их не подвело и Люцифер, с пилой в руках ещё жутче и опасней выглядящий, да так, что и помыслить нет сил, чтобы что-то ему возразить и сказать против, как ими и ожидалось, не отпустил их прямо сейчас, а сделал предложение, от которого им было невозможно отказаться. И хотя они уже в своих головах проигрывали некоторые сценарии того, как Люцифер будет ломать их психику, например, отдаст команду раздеть Горелого. – Давайте будем уважать чужой труд. – Срезав пилой пуговицу с пиджака Горелого, скажет Люцифер. – Люди старались, шили этот прекрасный костюм, – и не важно, что его носитель недостойн и пуговицы с этого костюма, правда, он считал иначе, раз его купил, – а мы его за раз испортим. А я ведь в некотором роде раскройщик и мне близка романтика создания полновесного костюма. – Люцифер, таким образом, обозначит задачу перед Иваном и Гаем, и им деваться будет некуда, как только начать стягивать с Горелого костюм. Что не так легко сделать после того, как Горелый так в себе смертельно расслабился и прилип к штанам липким выходом своего испуга в момент встречи его головы с молотком, а к рубашке прилип тем, что у него ещё при жизни лоснилось от жира.

Но Люцифер, как и его идеологический сторонник и мифологический прототип из ада, никогда не поведёт себя столь для человека предсказуемо, и он на самое жуткое воплощение самых страшных фантазий прибывшего к нему на перевоспитание человека (по сути Люцифер это такой наставник, кто методом кнута наставляет оступившегося человека на путь истинный), всегда найдёт куда как ещё более страшное и извращённое наказание.

– Берите его за руки, и покрепче! – отдаёт команду Люцифер. И хотя Ивану и Гаю до нервного истощения страшно, Иван всё же решает поинтересоваться у Люцифера, а зачем Горелому такая их поддержка сподобилась. На что и на Ивана Люцифер мог бы так посмотреть, что тому и так бы стало всё ясно, но Люцифер явно находился в добром расположении духа, – никак встреча со старым знакомым его так взбодрила, – и он не стал ронять Ивана в самые бездны своего страха, и он со специфическим в этих местах юмором, что для Ивана и Гая совсем не явно, объясняет это своё решение тем, что покойники иногда попадают такие чувствительные, – особенно это происходит в тех случаях, когда человек при жизни был бесчувственной скотиной, а Горелый таким и был, – что они от малейшего прикосновения циркулярной пилы подсакивают с места, чтобы, скорей всего, ожить и так не мучиться после смерти. – Им всю жизнь говорили, что после смерти их будет ждать заупокой, а тут вон какие дела. Бл*ть, опять обманули. Никому верить нельзя. – Артистически за кого-то так выразился Люцифер, затем застыл в одном положении и тихо проговорил. – И бывает так, что оживают.

Ну а когда на тебя так смотрят исподлобья и сокровенно, и замогильным голосом говорят, – а это указывает на то, что Люцифер знает, что насчёт всех этих запредельных сферах говорит, – тот нет никакой возможности во всё, что сказал Люцифер не поверить, даже если ты сразу не собирался верить во всю эту чушь. – Он что, за дурачков нас держит. – В едином порыве про себя и всё за Люцифера решили Иван с Гаем, только он заговорил. Правда сейчас они и не думают возмущаться, а беспрекословно берут с разных сторон за руки Горелого, и видят, как Горелый на них посматривает со своего положения и как им кажется, посмеивается. А вот что вызвало такое его довольство, то ни Иван, ни Гай разгадать не могут. Может ему смешно смотреть на эту их человеческую наивность, решивших, что у них сил хватит удержать его на месте, когда он решит подскочить с места и удариться в бег, для начала посшибав их с ног. – Вот же глупцы, – вот точно так выражалось лицо Горелого, – разве вы не знаете, что человек после смерти становится в несколько раз сильней. А я и при жизни мог вас одной левой уложить, а уж после смерти, то тут без особых вариантов.

И Гай с Иваном видимо о чём-то таком догадывались, и они, переглянувшись между собой, крепко накрепко вцепились в Горелого и решили держаться за него сколько есть сил. Ну а как только Гай с Иваном ухватились за руки Горелого, то со стороны Люцифера до них тут же донёсся жуткий звук заработавшей циркулярной пилы – для чего она заработала было не трудно догадаться. А как только Иван с Гаем проявили такого рода сообразительность, то они на все требования своего любопытства никак не реагировали, каждый со своей стороны вцепившись взглядами в удерживаемую руку Горелого. Что, в общем-то, в основном и удерживало каждого из них на своих просевших ногах. И теперь они ещё об одном догадались – вот для чего Люцифер отдал им эту странную команду. Он, как оказывается, предусматривал вариант с их неустойчивостью стояния на своих ногах. А так они, и себя, и если что и Горелого придержат. Тут ведь и люди подготовленные и так сказать, возвращенные на всех этих патологоанатомических частностях, не всегда могут опереться на свою подготовленность и запросто подкосятся на своих ногах, а что уж говорить о людях неподготовленных и не собирающихся так себя испытывать – у них и выбора нет особенного, кроме как умом тронуться и упасть в обморок, даже не видя, что там, на столе, происходит – воображение всё дорисует и доскажет.

При всём при этом не была исключена возможность того, что кто-то из тянущих в обе стороны и в частности, свою сторону, руки Горелого, не окажется, либо сильней, либо слабее, что ведёт к одному итогу – Горелый будет перетянут на одну из сторон. И тогда даже

себе представить будет страшно, что случится с тем, на кого Горелый всем своим громоздким и крайне не дышащим телом опрокинется и завалит собой. О чём видимо вовремя сообразили обе тянущие на себя руки Горелого стороны, и Иван с Гаем, переглянувшись между собой, поняли, насколько они спаяны в одно целое, и что от их взаимовыручки будет зависеть, удержатся они на ногах или кому-то из них придётся встретиться лицом к лицу, в фигуральном смысле, с Горелым.

Между тем со стороны Люцифера до них донёсся голос самого Люцифера. – Ну что ж, посмотрим, что в тебе, Горелый, есть такого особенного, за что ты себя так от всех остальных выделял. – На этих словах Люцифера, Иван с Гаем в предощущении того страшного действия, к которым эти его слова ведут, хотели бы заткнуть уши, но их руки были заняты, и им только и оставалось, как зажмурить свои глаза, чтобы хотя бы постараться ничего не слышать. Что очень трудно сделать, а новичкам и вовсе невозможно. Так что как бы они не зажмуривали свои глаза, всё равно все исходящие со стороны Люцифера звуки достигали их ушей и сообразно их соображению понимались.

– Всё-таки как-то это удивительно, вчера лицом к лицу видеть перед собой человека и при общении с ним, вроде как неосознанно, фигурально, через словесное общение заглядывая в его душу, пытаться разгадать его, а сегодня, вот он, уже лежит перед тобой и ты, можешь уже буквально раскрыв его, заглянуть во внутрь него. Правда, этого уже не обязательно делать, чтобы распознать его как человека. Наверное, оттого-то люди при встрече со мной отводят в сторону свои глаза, боятся, что я раньше положенного времени загляну в них, и по преставившимся мне данным смогу прочесть, сколько им осталось этого времени, а они уж точно смогут заметить по моим глазам вынесенный им судьбой приговор. А люди как бы они не были любопытны и не стремились всё про своё будущее прознать, всё же предпочитают жить в неведении этого будущего. – Видимо Люцифер таким образом себя настраивал к работе. После чего он глубоко вздохнул и со словами: «Ну что ж, заглянем внутрь», – включает циркулярную пилу и, вцепившимся что есть силы в руки Горелого Ивану с Гаем, приходится внутренним криком заглушать эти жуткие звуки, доносящиеся со стороны Люцифера.

Но вот, кажется, звуки работы пилы затихли, и Иван с Гаем, мокрые и продрогшие от пробившего их озноба, сквозь слегка приоткрытые глаза посмотрели в сторону друг друга и, удивившись в том, что каждый из них находится ещё на месте, немного приободряются и начинают прислушиваться к тому, что происходит со стороны Люцифера. Оттуда же, первое, что различимо для них понятно звучит, так это звук отложенного в сторону, на один из столов, рабочего инструмента Люцифера, циркулярной пилы. После чего до них доносятся, до дрожи во всём теле, страшные в своей домысливаемости звуки костяного скрежета, что ещё ознобливо терпимо, но вот когда оттуда зазвучали хлюпающие звуки, – а Иван с Гаем сразу себе вообразили, какая часть человека могла послужить источником этих звуков, – то у них у самих в голове начало закипать то, про что они сейчас подумали.

– Хм. – Звучит голос вроде как задумавшегося Люцифера – интонация его голоса наводит на такие мысли. – Я так и знал. – Уже утверждающим голосом заговорил Люцифер. – Пустой, как и есть пустой человек. – Здесь как почувствовалось Ивану с Гаем, Люцифер переводит свой взгляд на них и обращается к ним, как сразу же выяснилось, с риторическим вопросом. – А что это значит? – спрашивает Люцифер и сразу же даёт ответ на свой вопрос. – А значит то, что вся его жизнь была подчинена восполнению этого своего недостатка. И, пожалуй, будь наша судебная система более прогрессивной и продвинутой, то она бы смогла учесть этот факт его жизненной предопределённости. Ну не мог он иначе себя вести, когда внутри всё так пусто и требует себя восполнить. Это людям, так сказать, великодушным, на ком природа не сэкономила и даже сверх души отмерила, хорошо чувствуется, и им делиться своим благодушием только в радость, тогда как людям пустотелым приходится на всей этой душевной радости вечно экономить и скупиться. Ну ладно, с этим разобрались. – После небольшой паузы сказал

Люцифер, и как поняли зависимые от него и от его действий невольные ассистенты Иван и Гай, то сейчас наступит новая пятиминутка нечеловеческих страстей и боли – Люцифер, как им услышалось, опять взял пилу.

И точно, совсем скоро раздался рёв работающей пилы, и вслед за этим им стало чувствовать, что и Горелый уже не столь крепко оказывает сопротивление – его руки начали поддаваться растяжению. И как только Люцифер вновь закончил свою работу и отложил в сторону пилу, то Иван с Гаем, стоило им только приоткрыть глаза, как они тут же чуть из себя рвотой не вырвались при виде того, что им увиделось и послужило причиной такой податливости рук Горелого – Люцифер прошёлся пилой по его грудной клетке (а ведь мог бы простым скальпелем), и так сказать, срезал соединяющие нити между сторонними частями Горелого. А Иван с Гаем, даже краем глаза заглянув во внутрь Горелого, потемнели в своих мыслях от страха. Пока же они пребывали в шоковом состоянии, Люцифер под всё те же невыносимые для ушей хлюпающие звуки возился где-то внутри Горелого. И только когда Иван с Гаем каждый для себя уже решил, что на этом всё, с меня хватит, он берёт слово и разряжает обстановку напряжения за этим столом.

– И здесь, как я и предполагал, – проговорил Люцифер, – внутри всё черно от сажи его чёрной души. А наличие чёрной души, с остатками сажи внутри, о чём говорит? – Люцифер вдруг обратился с вопросом к Ивану, лицом к которому он находился. Ну а Иван и не понял о чём его спросили, а он можно сказать, только что очнулся из забытья, когда к нему с вопросом обратился Люцифер. Но Люциферу и не нужен его ответ, он просто таким образом размышляет, а затем делает для себя выводы из своей работы. – А такая чёрная душа говорит о том, что Горелый был умерщвлён не молотком, а из него заранее, с помощью выжигающего внутренности средства, вынули стержень жизни, а уж затем, так для всех оформили с этим молотком. – И вот тут-то, когда Люцифер так фигурально обозначил причину смерти Горелого, Иван с Гаем окончательно приходят в себя и с некоторой долей удивления, – типа ты слышал, что он сказал о стержне жизни, – переглядываются между собой. Дальше, скорей всего, между ними последовал бы немой монолог-обсуждение сказанного Люцифером, но донёсшийся звук со стороны входа в отделение, ступающих на ступеньки лестницы тяжёлых шагов, перевёл всё их внимание в ту сторону и на этом все их переглядывания закончились – и только Люцифер всё продолжал увлечённо копать в Горелом.

Тем временем идущие таким, сравнительно тяжёлым шагом люди, спустились по ступенькам вниз и, судя по приближающимся звукам, направились именно сюда, к ним. И только было Иван с Гаем невольно создали себе визуальную картинку тех, кому могли принадлежать эти шаги, как входная занавеска отодвигается и в помещение секционной входят двое людей, своим внешним видом совершенно не обманувших ожидания Ивана с Гаем.

Иван с Гаем ожидали увидеть людей тяжеловесных, несговорчивых, достаточно суровых и, пожалуй, склонных к насилию, и они их увидели – в отделение вошли два, естественно во всём чёрном, пасмурных типа, ежистой наружности, с пронзительными, исподлобья взглядами на мир. Правда, к этому их ожидаемому виду вошедших людей, можно добавить весьма примечательную, характерную для них вещь – эти, с хмурыми взглядами на жизнь люди, создавалось такое впечатление, оформившись в это своё определяющее их жизнь я, окончательно зафиксировались в этом своём итоговом положении, людей решений. И судя по их волевым лицам и целеустремлённым взглядам, то они пришли сюда проводить в жизнь какое-то из уже принятых кем-то решений. Но они видимо не учли одной существенной вещи, что имеет важное значение там, в жизненных сферах, то оно не обязательно будет так же значимо здесь, где определяющим началом является чья-то смерть. И стоило только Люциферу отвлечься от своего дела и оторваться от Горелого с частью его в своих руках, то эти незваные гости на одном месте вмиг застопорились при виде Люцифера в ореоле мистического, и со свойственной каждому из них невозмутимостью начали реагировать.

Так тот тип, кто находился справа по отношению к Люциферу, вдруг стал не столь хладнокровным типом и его лицо, а в частности веко правого глаза стало подёргиваться при виде всего того, что вытащил из Горелого и держал в руках Люцифер. Что было только частью его проблем, ведь потеря связи с левой ногой, где она теперь болталась под ним, грозила ему куда как большими осложнениями. Что же касается его напарника, то он казалось, что был непоколебим и его ничем нельзя было пронять и сбить со своего целеустремления, и он как был убеждающе твёрд в своём взгляде на окружающее, и как смотрел, так и продолжал презирающе любую опасность смотреть своими холодными глазами во внешние пределы, в том числе и на Люцифера, представившегося ему в таком адском обличье – у более хладнокровного напарника было достаточно неплохое воображение, источником которого были не только его природные данные, но и его багаж знаний.

Между тем Люцифер окинул изучающим взглядом незваных гостей и с непримиримым к незваным гостям выражением лица, хотя не без свойственной ему иронии, обратился к ним с вопросом. – Никак пришли узнать об условиях своего, не за горами, размещения. Верно спрашиваю?

– При случае и об этом поговорим. – Как отрезал, сказал более хладнокровный тип с тёмным выражением лица, особую впечатлительность которому придавал проходящий шрам через левый глаз. – Сейчас нас в первую очередь интересует другой вопрос.

– И как, я понимаю, не требующий отлагательств. – Ответил Люцифер, вкладывая в Горелого прихваченное ранее.

– Всё верно. – Сказал более хладнокровный тип.

– Я вижу, что вы парни серьёзные и с вами, наверное, сложно спорить, не будучи вооружённым, – Люцифер на этих словах положил руку на лежащую на соседнем столе пилу, в результате чего напряг обоих своих собеседников, которые даже дёрнулись по направлению своих грудных карманов, – и поэтому я скажу. Давайте ближе к телу. – Люцифер не зря так детально определяющее выразился – рассматриваемый вопрос явно касается его специфики работы, и значит, он всё верно сказал. А то, что он пошёл им навстречу, то к этому его склонила ответная реакция незваных гостей, выказавших, что они пришли не с пустыми руками и были явно заряжены чем-то огнеопасным.

– Это Горелый? – задал вопрос более хладнокровный тип.

– Я в именные частности не вдаюсь. Так легче. А для меня он существует под своим инвентарным номером. – Ответил Люцифер. – Так что вам самим придётся проводить опознавательные мероприятия.

– Тогда посмотрим. – Сказал более хладнокровный тип, направившись к столу, с Горелым на нём. Подойдя же к столу он не без отвращения посмотрел на то, что из себя представлял Горелый, после чего он кивнул своему бледному напарнику и тот, не подавая виду, что ему нетерпеливо здесь находиться, подошёл к своему напарнику и, остановившись рядом с ним, придерживая руку у своего носа, принялся смотреть перед собой.

– Что показало вскрытие? – вдруг спросил Люцифера тип со шрамом.

– Как минимум, что он человек. – Со свойственной себе ироничностью ответил Люцифер (Каждый патологоанатом обладает специфическим чувством юмора и так сказать, тот ещё остряк. Что уж поделать, когда без этой характерной качественности, крайне тяжело, а подчас и невозможно оставаться в здравом уме, не скатившись в окончательный пессимизм, при их-то профессии).

– А как максимум? – последовал вопрос со стороны типа со шрамом.

– Что он человек с активной жизненной позицией, за которую он и пострадал. – Ответил Люцифер.

– А точнее, Людвиг. – А после этого обращения к Люциферу типа со шрамом, все, а в частности Иван и Гай, совсем по другому посмотрели на всех участников этого диалога.

И у них в головах наряду с открытием для себя настоящего имени Люцифера: «Так его вон, как оказывается, зовут!», – и того, что тип со шрамом и Людвиг знакомы между собой и гораздо ближе, чем они с ним, начали нарождаться один за другим вопросы исследовательского характера, всё касающихся природы знакомства этих по своему необычных людей. При этом все эти вопросы зарождались у них на фоне одного и того же убеждения – что-то тут явно нечисто и пахнет тайной. – Но вот какой? – то на этот вопрос никак не находилось ответа, а нахождение тех прилагательных в которые будет обернут ответ на этот вопрос, никак не приближало их к ответу на вопрос. А они, эти прилагательные, все как на подбор были загадочного и мрачного качества.

Между тем ведущийся диалог между Людвигом и типом со шрамом, чьё настоящее имя явно столь же мрачно и окутано тайной, что и весь его вид, – Сумрачный человек для него самое то, – мигом за него сообразил Гай, – не делал никаких остановок и всё шёл своим путём.

– В нём, как и предполагалось, пусто. – Дал ответ Людвиг.

– Вот как. – Безразлично сказал Сумеречный человек, хотя интонация сказанного предполагала наличие удивления. – Тогда я нахожу необходимым убедиться в этом. – Сказал Сумрачный человек и, не дожидаясь от Людвиг ответа одобрения или ещё чего, а явно решив действовать на своё усмотрение, погружает одну из рук во внутренний карман своего пиджака, откуда вскоре вынимается небольшая, изящного вида коробочка. После чего эта коробочка помещается на соседнем с Горелым столе, и Сумрачный человек, раскрыв её, вынимает из неё типа химической пробирку и плюс к ней небольшую щёточку, на подобие той, которая имеет своё применение в руках криминалиста.

Вооружённый таким образом Сумрачный человек разворачивается к столу с Горелым на нём и, приблизившись на максимально близкое расстояние к столу, делает поверхностный осмотр всего того, что ему представилось на столе и в Горелом. Затем он погружается руками в него и как вновь зажмурившимися глазами поняли Иван с Гаем, то он там начал брать пробы. При этом они даже и помыслить себе не могли о том, чтобы задаться хоть какими-то вопросами – с меня хватит всех этих тайн и загадок, – примерно так себя на тот момент чувствовали они.

А когда вдруг каждого из них по очереди взяли за запястье той руки, которая держала в себе руку Горелого, то они в умственном оцепенении и пошевелиться, ни телом, ни мыслью не могли, совершенно не соображая, что сейчас с ними происходит. Хотя видеть они могли, как Сумеречный человек, так сказать, прокатал по ладони их руки щёточкой, и результат снятия образца погрузил во всё ту же пробирку. Затем он так убедительно посмотрел на Ивана с Гаем, что их пробил холодный озноб, и зловеще для них проговорил. – Надеюсь, что вы проявите благоразумие и никуда не пропадёте. – Отчего Ивану с Гаем сразу же захотелось в какое-нибудь никуда пропасть, да в ту под землю провалиться.

– Странно, а зачем всё смешивать в одно. Ведь тогда никакой точности расчётов не получится достигнуть, а прямо коктейль какой-то только выходит. – Иван всё же сумел преодолеть сковавший его мысленный ступор и так про себя поинтересоваться. Но на этот всё и дальше этого, ни он, ни Гай не пошли, – они пришли в себя уже где-то там, на одном из этажей поликлиники, – и даже не спешили друг к другу обращаться с вопросами о том, а что там, в патологоанатомическом отделении, на самом деле было. Да и вообще, было не принято заводить какие-то разговоры и дискуссии на тему посещения этого отделения. Ведь это отделение всегда было окутано мистической тайной и завесами недоговорённостей, а когда о нём заходила речь, что было крайне редко и то только в случае необходимости, по работе, то люди знающие, или только раз туда заглядывающие по величайшей просьбе главврача, с особым трепетом отзывались о нём, и то только в том случае, если уж не было никакой возможности уклониться от этого разговора.

И, пожалуй, не сложно понять Ивана и его, на автопилоте совершённый поступок, – в один прыжок под кушетку, – когда даже не он, а его подсознание опознало раздавшийся из-за двери голос, до сумерек души жуткого типа, которого они с Гаем, не сговариваясь, так и прозвали, Сумрачный. – Наверняка, меня ищет. – Это единственное пришло в голову, и мог подумать Иван, когда услышал голос Сумрачного, а как только додумал, с какой целью он его ищет: «По взятым соскобам с рук какую-то связь обнаружил между мной и Горелым, и в связи с этим у него возникли ко мне вопросы!», – то и спешно мотивировался на своё укрывательство под кушеткой. Правда когда Иван так скоро укрывал себя под кушеткой, то он всё же успел на ходу озадачиться выходящим из его домысливаний вопросом-возмущением. – А какая к чёрту связь, когда я его только сегодня в первый раз увидел?! – Правда ему сейчас на него не ответить, так как из-за двери всё ближе и громче раздаются голоса людей.

– Сейчас разберёмся. – Вновь звучит голос Сумрачного после небольшого замешательства – Иван некоторым образом догадался, с чем оно могло быть связано – рылись, сволочи, в документации, оставленной им без присмотра на столе. – Жаль, что их за этим делом не застал Резус. – Совсем невозможно понять, кого Иван пожалел в этом своём размышлении. Хотя продолжение внесло некоторую ясность. – Было бы интересно посмотреть, как обе стороны отреагировали, встретятся они в коридоре и, войдя в конфликт, начали противопоставлять друг другу. – Пока Сумрачный со своим компаньоном не открыли дверь и не вошли в палату, Иван моментально сообразил насчёт развития тех событий, которые повлекла бы собой неожиданная встреча между этими типами и дежурным персоналом больницы.

– Посмотрел бы я на тебя, когда ты наткнёшься на этих типов. И будешь ли ты всё таким же отвязным и бесстрашным, как с нами. – С жёсткостью в памятливом взгляде посмотрел Иван на зашедшего в отделение Резуса и, обнаружившего, копающихся на дежурном столе людей неизвестного типа и наружности.

– Это ещё как понимать?! – в удивлении громко спросил всё вокруг Резус. Ну а Сумрачный и его компаньон, не так живо, как хотелось бы Резусу, отрываются от своего занятия и, переведя на Резуса оценивающий взгляд, на время своей оценки задерживаются на нём. После чего Сумрачный, голосом, располагающим к должному пониманию себя людей любой направленности, даёт ему ответ. – Как хочешь, так и понимай. – После чего осаженный и потерявший на время дар речи Резус, хлопая глазами, смотрит по сторонам, а буквально, на тех врачей и санитаров, с кем он завернул сюда, чтобы чаем с бутербродами перекусить – а тут вон оно что, что-то мало необъяснимое и аномальное творится.

Ну и Резус, заручившись поддержкой со стороны хотя бы того, что он здесь не один и если что, то будет кому сбегать за помощью, уже более непримиримым тоном голоса заявляет этим непрошенным гостям и захватчикам. – Я понимаю, что вы господа нарываетесь на неприятности. – Сумрачный на это раз не может сдержаться от выражения своей эмоциональности и слегка кривит рот в усмешке. После чего он упирается взглядом в Резуса, отчего тому становится так не по себе, что прямо сейчас захотелось выйти по уважительной причине, но Резус вынужден себя сдерживать, стоя не сдвигаемо на месте. И тут этот мрачный тип спрашивает Резуса.

– Слушай, – обращается к Резусу Сумрачный, – как эта штука, что болтается у тебя на шее, называется?

– Стетоскоп? – невольно взявшись рукой за стетоскоп, в некотором недоумении дал ответ Резус.

– А для чего он нужен? – задаёт вопрос Сумрачный.

– Слушать. – Отвечает Резус, продолжая не понимать, к чему ведётся весь этот разговор.

– А теперь у меня к тебе небольшая просьба, – проговорил Сумрачный, не сводя своего взгляда с Резуса, – надень его себе на уши, – Сумрачный делает побуждающую к выполнению его просьбы паузу, и Резус, как заворожённый, – скорей всего, на него гипнотически подей-

становал взгляд Сумрачного, – надевает стетоскоп себе на уши и, удерживая за шланг головку стетоскопа, смотрит на Сумрачного, ожидая от него дальнейших команд. И она поступает. – А теперь приложи его к своему сердцу и внимательно прислушайся к тому, что оно тебе говорит. – И, пожалуй, продолжать больше не надо, Резус понял, к чему вёл этот разговор этот опасный тип. И выход для Резуса сейчас только один, и это не тот, на который ему указал этот тип напротив, с кулаками, как его голова и с жутким взглядом смерти, в глаза которой Резус не раз заглядывал и знал, как она выглядит (правда не с этой стороны) – ему придётся ещё раз пройти по лезвию смерти.

– А как насчёт тебя. – Обращается к Сумрачному Резус, протягивая в его сторону головку стетоскопа. – Что тебе твоё сердце говорит.

– Я бы его спросил, если бы оно хоть что-то говорило и не молчало. – Ответил Сумрачный. – Так что вынужден ответить отказом на твоё предложение. – Добавил Сумрачный. После чего наступает тревожная тишина, которая вдруг разрывается скрипом открывающихся дверей, который и возвращает Ивана из своих мыслей, заставив его сжаться в себя. С чем он и начинает вести наблюдение за происходящим со стороны дверей. Ну а там, вслед за скрипом дверей, следует их открытие, и как ожидал увидеть Иван, появляются те самые люди, которых они с Гаем встретили в морге у Людвига.

Войдя в дверь и, остановившись у порога, Сумрачный и его компаньон окидывают взглядом неосвещённую светом палату и само собой останавливаются на единственной не свободной кровати, со взъерошенным типом на ней. После чего они быстро перекидываются взглядами и без лишних слов, бесшумным шагом направляются к кровати. И их приближение заставляет Ивана подальше углубиться под кушетку, и хорошо, что никому из вошедших не пришло в голову включить свет. Хотя это наводило на довольно холодные мысли на их счёт со стороны Ивана, – они вполне вероятно, неплохо ориентируются в темноте, а может и вовсе, видят в темноте.

Но эти догадки так и остались догадками, тогда как сейчас Ивана больше всего волновал другой вопрос: «Что дальше будет?», – частичный ответ, на который он всё же знал. Сейчас эти типы будут приводить в сознание не просто взъерошенного типа, а можно сказать, находящегося в зоне его ответственности пациента (это в Иване говорил его долг врача, а так бы он и не думал за этого негодного типа заступаться). И как Иван насчёт них может сообразить, то их методы для приведения в сознание его ведь пациента, – возможно по причине отсутствия у них медицинских познаний, – совсем не будут щадящими и мягкими, а вот болезненными и шоковыми, то в этом Иван не сомневался.

И Иван вот на этот счёт точно не ошибся. И как только Сумрачный и его компаньон, подойдя к кровати с подопечным Иваном на ней, сделали первичный осмотр и убедились в чём-то своём, то они, как понял за них Иван, как люди, не откладывающие на потом то, что можно сделать сейчас же, делают это не отложенное дело сейчас же, потребовав этого от ничего неподозревающего подопечного Ивана, взъерошенного типа. – Сейчас же вставай, сука! – так оглушительно рявкнул Сумрачный, что даже Ивану стало глухо в ушах и ярко в глазах, как после молнии с громом, отгрохотавшим совсем рядом. И не успевает Иван обмыслить пришедшую в голову в результате этого оглушающего поведения Сумрачного мысль-вопрос: «И почему в чувства всегда приводят громким ором?», – как им замечается, что его подопечный крепко взят в оборот цепкой рукой Сумрачного, и сейчас им трясётся и спрашивается.

– Смотри на меня, а не в себя, и вспоминай! – чуть ли не вытрясывая из взъерошенного типа душу, прямо-таки выдавливая из него остатки разума своим упорным, навязчивым взглядом, криком вгрызается в разумение взъерошенного типа Сумрачный. И скорей всего, на первом этапе этой шоковой терапии, ответа от взъерошенного типа, находящегося в полнейшем непонимании происходящего вокруг и с собой, не ожидалось услышать. И для начала требовалось, его как следовало потрясти, чтобы он окончательно был разорентирован в простран-

стве и не сумел прикрываться своим симулированием беспамятства. Видимо Сумрачный и его компаньон, как врачи самозванцы и самоучки в одном лице, уловили главное медицинское правило, с каким лечащие врачи подходят к своим пациентам: Доверяй, да проверяй. . . нет, это правило для совсем молодых врачей общей практики, а вот никогда не верь на слово пациенту, и ищи подтверждение своим подозрениям на его счёт в анализах или опытным путём, через перекрёстные вопросы, то это как раз универсально ко всем и к этому случаю подойдёт.

– А ну, вспоминай, падла! – вновь оглушает палату своим громоподобным голосом Сумрачный, для убедительности занеся над головой ничего не соображающего взъерошенного, а с этого момента и дыбом волосы вставшего типа, свой огромный кулак. И Иван, всё за всех поняв, – взъерошенный тип не выдержит этого удара судьбы, а Сумрачный, скорей всего, отдаёт предпочтение шокowym методам излечения (икота только так излечивается), – хотел было зажмурить глаза, чтобы не смотреть на то, как сейчас голова его подопечного больше не найдёт для себя прежнее место, как вдруг звучит голос взъерошенного типа, и Иван его не узнаёт и не закрывает глаза.

– Чего? – Потерянным голосом продрожал свой вопрос взъерошенный тип. И такой ответ само собой никого не устраивает, и в том числе самого взъерошенного типа, если, конечно, он не симулирует свою потерю самосознания и само себя знание.

– Ты знаешь! – ещё крепче ухватив взъерошенного типа за ворот рубашки, принялся его переубеждать Сумрачный. И, наверное, взъерошенный тип готов был бы переубедиться и со всеми предложениями душившего его человека согласиться, если бы знал, что от него тот хочет. А тот ничего толком не говорит, а только душит и как понимается взъерошенным типом, скоро ему либо голову скрутит, либо вообще перекроет краник с кислородом. И взъерошенный тип из последних сил вырывает из себя ещё один вопрос. – Но что же вам надо?

И, пожалуй, если бы Сумрачному надо было задушить взъерошенного типа, то он бы не остановился на достигнутом прогрессе с ним, а так он остановился и его оппонент, взъерошенный тип, понял, что тот к нему подошёл с более мирными намерениями. Правда при этом Сумрачный не сбавляет свой напор на взъерошенного типа и с той же убедительностью во взгляде и тембром голоса, даёт ему туманный ответ. – Это тебе надо. – Процедил слова Сумрачный.

– Но что? – уже в отчаянии призывает к благоразумию Сумрачного взъерошенный тип. Но Сумрачный стоит на своём, на чём-то совершенно не понятном для взъерошенного типа. – Говори, что помнишь. – Жёстко заявляет Сумрачный.

И у Ивана вдруг промелькивает догадка. – Откуда Сумрачный знает диагноз взъерошенного типа? Наверняка, он что-то о нём важное знает, но только не всю картину. И ему нужны недостающие детали, чтобы составить эту картину. – Решил за Сумрачного Иван. А как только так за него решил, то уже насчёт себя догадался. – А с чего это я взял, что он потерял память? – вначале задался этим вопросом Иван, затем вспомнил все те разговоры Гая на эту тему, после чего перед его глазами встал принесённый Резусом сопроводительный документ, где во всех графах стояли прочерки, и всё это в своей совокупности, получается, и подвело его к такому выводу насчёт взъерошенного типа. – Ну, хорошо, со мной понятно, за меня моя чересчур мнительность рассудила, но почему тогда Сумрачный такие же выводы на его счёт сделал? И как мне сдаётся, то он в такие психологические ловушки не попадает, и значит, для этого у него есть свои, куда как веские основания. – Не имея никакой возможности дальше продвигаться в своих размышлениях, Иван вернулся к своему наблюдению за происходящим на кровати взъерошенного типа.

Взъерошенный тип тем временем, получив передышку, начинает собираться со своим растрясённым разумением и вместе с этим пробует пытаться хоть что-нибудь из памятливого сообразить. Что с учётом его незавидного и по-своему пропащего положения, к которому его

вначале подвели неизвестные никому и даже ему стечения жизненных обстоятельств, а затем, а вот прямо сейчас, его в него жёстко поставили, было крайне нелегко сделать.

– Я помню лишь, – с вымученным лицом проговорил взъерошенный тип, – шум людского движения и большой зал полный людей. – Закатив глаза в воспоминания, взъерошенный тип словом за словом принялся вытягивать оттуда увиденное. – Это кажется аэропорт. – Неуверенно проговорил взъерошенный тип, затем пристальней заглянул в представившуюся памятливую картинку, и уже с уверенностью сказал. – Да, точно, это аэропорт.

На что немедленно следует нервный вопрос Сумрачного. – Ты что там делал? – На что взъерошенный тип ожидаемо пожимает плечами и говорит: Не знаю.

– Ладно, говори, что ещё видишь. – Спешно говорит Сумрачный. И взъерошенный тип вновь входит в свой памятный закат и начинает оттуда выхватывать увиденные картинки. – Вижу табло с рейсами. – Начал озвучивать памятно увиденное взъерошенный тип. – Рейсов достаточно много, но я вижу только один. – Что за рейс? – нетерпеливо влезает в размышления взъерошенного типа Сумрачный. Чем видимо сбивает фокусировку взгляда взъерошенного типа, и он, в сожалении скривив лицо, говорит, что буквы слились и только время отлёта может прочитать. – Одиннадцать, одиннадцать. – Сказал взъерошенный тип.

– Хорошо. Смотри дальше. – Сказал Сумрачный. И взъерошенный тип вновь углубляется в память, по которой он неспешно идёт, вытаскивая оттуда встреченные им в аэропорту различные лица. И так до тех пор, пока он вдруг не вздрагивает и, перекосившись в страхе лицом, замирает в одном маловразумительном положении. На что со стороны Сумрачного немедленно следует реакция. – Что случилось? Кого ты увидел? – вопрошает Сумрачный. Взъерошенный тип, несмотря на требовательное нетерпение Сумрачного, не сразу даёт ответ – ему видимо нужно собраться с силами и мыслями. И только после того как он собрался и сглотнул мокрые скопления во рту, то ответил.

– Это человек в сером плаще. – Проговорил до бледности взъерошенный тип.

– Что ещё? – подгоняет было остановившегося взъерошенного типа Сумрачный.

– Я больше ничего не могу в нём различить. Он как-то весь в передающей частоте картинки расплывается. – Говорит взъерошенный тип.

– Ладно с ним. Что он тебе говорит? – спрашивает Сумрачный. Взъерошенный тип так вытягивается лицом, как будто он прислушивается, и скорей всего, он действительно начинает прислушиваться. – Что-то странное. – После небольшой паузы сказал взъерошенный тип.

– Ну, говори. – Следует единственно возможный ответ Сумрачного.

– Он сказал о какой-то смене частот подающегося информационного сигнала. – С непонимающим видом сказал это взъерошенный тип.

– Что ещё? – без траты времени на обдумывания услышанного, спрашивает Сумрачный, явно боясь, что его невольный собеседник что-нибудь упустит из увиденного или вообще, окончательно собьётся с набранного темпа и выйдет из разговорного процесса – на это указывали косвенные признаки, в виде его постепенного осаживания в себя и затекания в сон всей его былой живости и самое главное, глаз.

Пока же взъерошенный тип вроде как ещё относительно вменяем и он к сказанному добавляет. – Он сказал мне, что меня никто не будет знать, а я наоборот, буду всех знать. – Взъерошенный тип, проговорив это, внимательно смотрит на Сумрачного и видимо ждёт от него объяснений. Ну а Сумрачный на этот раз не стал спешить с вопросами, а отвлечённо задумался над услышанным. И вот это было его фатальной ошибкой, о которой он даже не узнал, а потому, как его рукам стало тяжело, почувствовал. А как только он мигом соединил в единое и нашёл связь между усилившейся тяжестью в руках и взъерошенным типом, который в этот момент в них и пребывал, то он в тот же момент возвращается из своих размышлений и видит, что он опоздал – взъерошенный тип вернулся в своё прежнее состояние человека

невменяемого и много спящего. И, пожалуй, вторая попытка пробудиться до его сознательности и вменяемости, была бесполезна.

– На сегодня от него уже ничего не добьёшься, и нет никакого толку. – Сделал вывод Сумрачный, выпуская из рук взъерошенного типа, который получив для себя относительную свободу движений, не стал долго раздумывать, тем более в этот момент эта функция его организма была отключена, и тут же подчинился всеобъемлющему закону земного притяжения и повалился на кровать, на место своего прежнего прилегания.

– И что ты думаешь, это он? – проследив за падением взъерошенного типа, а затем, переведя свой взгляд на Сумрачного, задался к нему вопросом его компаньон.

– Вполне может быть. – В задумчивости ответил Сумрачный.

– Но ведь всё сходится. – Уже со своим доказательным нетерпением заговорил компаньон Сумрачного. – Он же сам сказал, что был в аэропорту.

– Они все об этом говорят. Ведь человек, находящийся в аэропорту, в пункте перенаправления из одной временной цикличности в другую, так сказать, в некотором роде находится на распутье своей жизни. Где его впереди ждёт своя новая, в другом временном измерении и ритме жизнь – по своему неизвестность, отправиться навстречу которой нужно обладать определённым мужеством, а сзади остались ждать свои нерешённые проблемы, которые быть может, можно было решить на месте, но оказавшийся в аэропорту человек, решил их вот так, улетев решить. Хотя ещё не поздно вернуться. – Совсем не обнадёживающим тоном голоса сказал Сумрачный. – И оттого, что дальнейший путь находящихся на перепутье или перед выбором людей, не предопределён и может в любую сторону повернуться, то их специально и снабжают этой легендой, чтобы сбить со следа. – Добавил Сумрачный, присев на соседнюю кровать.

– Ловко. – Сделал оценку компаньон Сумрачного. После чего он переводит свой взгляд на взъерошенного типа, ещё раз окидывает его изучающим взглядом и, вернувшись к Сумрачному, спрашивает его. – Ну и как, по каким признакам нам распознать нашего человека? – Из этого вопроса Иван понял, что компаньон Сумрачного новичок в их неизвестном деле. – Так и назову. – Решил Иван и, глядя на тёмные силуэты Сумрачного и Новичка, принялся прислушиваться к тому, что начал говорить Сумрачный. А он вдруг изменил своей прежней привычке, во всю мощь себя выражать себя, и принялся еле для Ивана слышным и до сухости во рту монотонным голосом, посвящать своего компаньона в отличительные детали того, кого они ищут.

– Наш объект поиска, несвоевременный человек, – выйдя из задумчивости, заговорил Сумрачный, – если чем-то от всех других людей отличается или характеризуется, так это тем, что он малопонятен для окружающих. И это не того рода недопонимаемость, свойственная людям умственно отсталым или аутически насчёт себя настроенными системой взаимоотношения с окружающим миром, – их так бы и назвали, – а это такая их недопонимаемость, что одними словами сразу и не объяснишь. Но при этом ты сразу понимаешь, что здесь что-то не так, и при встрече с ними, ты в полной растерянности и непонимании начинаешь вопрошать сам себя: «Он откуда вообще такой взялся? С Луны свалился что ли?», – и, откинув в сторону ничего не имеющее с реальностью фантастическое предположение о существовании жизни на других планетах и их спутниках, тут же вслед начнёшь отвечать на этот вопрос: «Он определённо родился не в то время и не в том месте. И поэтому, наверное, не чувствует и не понимает нашего времени».

– И хотя ответ вроде бы найдет и он куда как ближе к реальности, и даже может научно обоснован, всё же он не до конца устраивает обывателя. И так до тех пор, пока он, промучившись всю ночь над загадкой встреченного им совершенно случайно, ни на кого непохожего своим поведением человека, в итоге не приходит к единственному объяснению загадки этого человека. – Он плюс ко всему, путешественник во времени. – Обывателю от такого своего

заявления даже на мгновение зажмурился от страха, насколько оно было ... что ли грандиозно. И возможно, что это его открытие, было им ещё не своевременно открыто – нет ещё, скажут, таких технологий, чтобы люди могли совершать приключения во времени. – А вот на это у этого обывателя есть своя злость первооткрывателя и свои ответные аргументы.

– И причём здесь физическое перемещение во времени, когда я имею в виду сознание человека. – Обыватель накинется на невидимого злопыхателя и по совместительству критика его открытия. – И если, к примеру, каждому временному отрезку соответствуют свои качественные характеристики, то можно предположить, что пояись такая качественность преждевременно или же просто не в то время у знакового определителя этой самой временной промежуточности, человека, то разве нельзя сказать, что он, таким образом, сумел-таки заглянуть в другое время или другими словами, с путешествовать во времени. Ведь встречаются же люди, кто с трудом понимаем современниками, а они той же монетой им отвечают, но в то же время они легко разбираются в какой-нибудь из прошлых эпох и находят общий язык со стародревними языками тех забытых эпох. И кто знает, каким образом они получили эти свои знания о прошлых эпохах. Хотя, если для них эти языки их настоящее, а не прошлое, то ответ очевиден. А что они сейчас здесь, в настоящем, делают, – как они сумели здесь или в каком другом временном цикле оказаться, то это другой, системный вопрос (это сбой системы или же фигуральные антивирусы, выискивающие проблемные места в системе), – то вполне возможно, что они занимаются своей непосредственной работой, изучают языки и словесность другого времени, и завязанное на них настоящее время. – Сумрачный перевёл дух и продолжил:

– Ну а если нужна какая-то конкретика, то чтобы его определить, есть всего лишь несколько характерных ему качеств, – я сейчас рассматриваю самый лёгкий вариант. – Сделал необходимое уточнение Сумрачный. – Так кроме общего его образного понимания, ему характерен другой жизненный ритм или тактовая частота, с которой он движется физически и мысленно. – Сумрачный подумал и добавил. – Ну и можно к этому добавить, что его измерительная, координирующая жизнь система проецирования себя в этом мире, имеет свои отличия и несоответствия с нашей жизненной системой. И оттого, что он не сразу может встроиться в существующую систему взаимоотношений, у него с первого раза ничего не получается сделать и ему приходится по несколько раз возвращаться к начатому делу, чтобы его закончить. Отчего таких людей называют неприспособленных ни к чему, и в физическом плане всё у них из рук валится, тогда как на самом деле, у них просто их измерительные приборы иначе настроены. Вот они и сбиваются, и постоянно допускают ошибки. Ну а если рассматривать сопровождающий их действия ход мысли и разума, то тут все будут единодушны – они не от мира сего, что можно также понимать, как люди не из нашего временного цикла. И вот эта несовместимость систем и поможет нам его распознать среди других людей. Ну, что скажешь? – тут Сумрачный вдруг задаётся вопросом к Новичку. Ну а тот, будучи в крайней степени удивлении на такую художественную форму рассказа и многословность Сумрачного, сразу и не понял, что к нему обращаются с вопросом.

А когда Новичок вроде как сообразил, что от него требуют, то было уже поздно. – Иван! – со стороны коридора вдруг донёсся оглушивший сознание Ивана полный ярости и недовольства крик дежурного врача Резуса. В результате чего Ивана пробивает ознобом, а Сумрачный с Новичком на этом заканчивают свои разговоры и поворачиваются в сторону входных дверей. И теперь все находящиеся в палате люди, окромя только взъерошенного типа, кто с повышенным сердцебиением, а кто с холодным любопытством, выжидающе смотрят на дверь, и ждут, когда тот, кому принадлежат с каждым шагом приближающие шаги, откроет и ворвётся внутрь палаты, чтобы начать здесь искать этого запропадившегося Ивана.

И вот, как кажется не сводящему своего взгляда с двери Ивану, с той стороны двери, тяжёлым и с отзвуком в сердце Ивана шагом к ней идёт Резус, разгневанный настолько, что даже дверь, эта бездушная вещь, и та напряглась от волнения за свою целостность и начала

в унисон сердцу Ивана пульсировать. И так до тех пор, пока дверь нараспашку не раскрывается и в неё в состоянии безмерного негодования и возмущения, с актуальнейшим на данный момент вопросом, естественно требующим немедленного ответа: «Где этот паразит?!», – врывается сам Резус.

– Ну, сейчас! – многозначительно усмехается про себя Иван, на которого нашло прямо-таки какое-то отчаяние, и он не стал углубляться дальше в своё убежище, а принялся смотреть в глаза своей опасности (не трудно понять, на кого рассчитывал Иван в своём противостоянии с Резусом, фактором, несущим в себе для него опасность). Но к потрясению Ивана, Резус не только озлобленно не реагирует на присутствие посторонних в палате, а он даже у них интересуется: Вы мол, не видели здесь переростка во врачебном халате, косящего под врача, но при этом обалдуя и сачка? – Ну а те как будто и не в курсе, и в ответ только пожимают плечами.

И Иван было собрался в облегчении вздохнуть, но куда там. И стоило ему обратить своё внимание на возникший шум со стороны кровати со взъерошенным типом на ней, как он к своему несказанному потрясению видит, что взъерошенный тип присел на кровать и тычет в него указательным пальцем. – А вот вы туда загляните и всё увидите. – За него всё вот это говорит указующий перст. И понятно, что нет предела негодованию Ивана, за такое вероломство и подлость этого типа, за которого он столько раз сегодня в своих мыслях защищался, а он вон как за всё хорошее ему отплатил.

– Прибыю гада, если выживу в этой переделке! – пришёл к окончательному решению насчёт взъерошенного типа Иван и, сжавшись в пол всем собой и головой, приготовился к обороне от приближающегося к нему Резуса. Дальше следует, и при этом всё в кромешной тьме (Иван заодно закрыл глаза), страшная и столь плотная тишина, что как бы Иван её не старался прослушать, ему ничего не удавалось в ней услышать. Пока до него, само собой, со всей неожиданностью, не доносится в буквальном близости от уха голос Резуса.

– Ах, вот ты где! – В каком-то странном для Ивана удивлении, как будто совершил открытие, говорит Резус и добавляет. – А ну, просыпайся! – И только Иван открывает глаза, как ему в них бьёт резкий свет направленной на него настольной лампы, которую в направлении него держит Резус, стоя перед кушеткой, под которой, как всеми, в том числе и Иваном только что выяснилось, Иван всё своё ночное дежурство почивал. И сейчас его ждут не только весёлые лица медицинского персонала отделения, но и определённые оргвыводы, которые, скорее всего, приведут его к наказанию – как минимум, опять быть на посылках у Людвига.

– Как это всё не вовремя. – Взъерошенным взглядом посмотрев на покатывающиеся от смеха лица собравшихся вокруг кушетки врачей, медсестёр и другого персонала больницы, тяжело вздохнув, сказал Иван.

Глава 4

Калибровщик

Места массового скопления людей (тут немного было утрировано для эффекта), их ещё называют местами компактного проживания людей, общедоступными словами ещё называемые городами, для удобства своей основной составляющей части, городских жителей, сплошь и рядом, во все стороны и на разных уровнях прорезаны транспортными и дорожными магистралями, так называемыми городскими артериями (город сравнивают с одним огромным организмом, и в этом что-то есть), чья основная задача заключается в том, чтобы максимально облегчить или хотя бы способствовать передвижению и сообщению между собой жителей города.

И если транспортные артерии, те же автомагистрали, ни на что больше не претендуют, кроме своего прямого назначения, – переправлять людей из одного пункта в другой, – то вот пешеходные зоны, те же тротуары или ещё лучше, свободные от машин пешеходные зоны, где и скорость передвижения другая и правила дорожного движения не столь строги, – можно остановиться, где вздумается покурить, завязать развязавшийся шнурок и эмоционально побеседовать по душам со своим попутчиком, – не только служат по своему прямому назначению, в качестве транспортной артерии, неся на себе прямую функциональную нагрузку, в частности обувь вступающих на мостовую людей, но и предоставляют возможность носителям всей этой обуви, вступающим на твёрдую поверхность пешеходной дорожки, продемонстрировать всем окружающим, что и кто он есть такой, и в случае своего успеха, уже продолжить свой дальнейший путь не один, а с очарованной им теперь уже знакомкой (или знакомым, в обратном случае).

Правда, к большому сожалению нужно признать, что городские жители из-за своего занятого, всё время в суматохе, образа жизни в городе – они вечно чем-то и не пойми чем заняты, и оттого постоянно спешат и бегут, и всё равно не успевают, – со временем начали забывать о таком функционале пешеходных магистралей, и стали ими пользоваться крайне ограничено, лишь только в качестве дорог.

Но всё же не всё так печально, серо и бездушно, и время от времени, когда уже и не ждёшь ничего такого для себя душевного, и можно сказать, что, вообще, уже начал забывать, что такое возможно, нет да встречаются на этих пешеходных зонах и в частности на твоём пути, не такие забывчивые и занятые только лишь собой наискучнейшие люди, которые ничего кроме себя и своих кончиков ботинок или туфель не видят перед собой. И эти удивительные люди, – одного взгляда на них достаточно, чтобы всё о них сразу становится понятно, – явно живут в полную силу и если им жизнь что-то предоставила в их распоряжение, то они не ограничатся только одним, а всю используют то, что им дано в их пользование – если улыбаться, то во всю ширь себя, чтобы и всем вокруг становилось неудобно от своей серьёзности и серости, если смеяться, то от всей души и при этом обязательно закатываясь и скручиваясь в смехе, отчего мимо проходящие люди и сами не могут удержаться от радостной улыбочки и начинают сами смеяться, а уж если такой человек вступил на этот пешеходный переход, то разве он ограничится одним лишь переходом, да ни за что в своей жизни, и он обязательно использует его во всех его функциях, сразу же начав переход не просто по пешеходной дорожке, а от одной к другой встреченной на пути своего следования личности.

И вот вы, тоже если честно, частенько собой увлечённый, когда идёте среди толпы пешеходов и такой весь из себя занятой и важный, как-то в один из таких моментов своего движения, которые не предвещают ничего необычного, – впереди вас уже какой квартал идёт, не сворачивая, всё та же серая спина в дорогом костюме, а вы у себя в голове пытаетесь разрешить важ-

ную рабочую проблему, которая почему-то всегда предстаёт перед вами в виде некоего ненавидимого вами всей душой лица, – прибил бы эту гадину, Свекра, на месте, если бы мне за это ничего бы не было, – вот так прямо вам виделось решение этой проблемы, – вдруг, к полной вашей неожиданности, до вас шепотом, но так отчётливо слышно, доносятся чьи-то слова: «Так прибай». Отчего вы в оторопи и в частичном потрясении вдруг замираете на месте, к крайнему неудовольствию сзади идущих людей, – им в момент пришлось резко менять направление своего движения, – обернувшись в ту сторону, откуда до вас донёсся звук этого голоса, начинаете выискивать того, кто посмел так нарушить ваше спокойствие.

И хотя вокруг вас стеной идут прохожие, вы тем не менее обнаруживаете того человека, кто более всего подходит под описание того типа, кто смеет вам давать такие советы – этот человек выделяется из серой массы прохожих тем, что он не только не вписывается в общий пешеходный тренд, – его отличный от всех, не спешный, вразвалочку ход, сбивает с мысли и хода спешащих прохожих, – но и ведёт себя как минимум вызывающе. Этот гражданин с виду приличной наружности и дорогого покроя костюма, за что к нему нет претензий и присутствует доля уважения, ведёт себя прямо сказать необычно и недостойно своего дорогого и представительного вида костюма.

Так он вместо того чтобы идти своим путём и не отвлекать собой встречных прохожих, у которых быть может, много требующих немедленного решения забот в голове, во всём себе и своём ходе источает столько довольства, что это сразу бросается в глаза и сбивает людей ответственных и не беспечных как он с серьёзной мысли. Что ещё терпимо и можно не заметить, если ты сильно вдавлен своими досужими мыслями прямо в дорогу перед собой, но этот явно даровитый эгоист, которому нет никакого дела до настроения людей вокруг, которые придерживаются в основном мрачных и серых мыслей, явно не задумываясь над тем, какие ассоциации может вызвать это его поведение, противопоставляет себя всем, тем, что никого не стесняясь и, даже отчасти бравируя собой, глядя в неведомую даль, идёт и с глубокой увлечённостью, одной рукой (в этом заключается его бравада) дирижирует неким невидимым оркестром. Да так захватывающе и завораживающе, что никто не смеет его перебить ни словом, ни каким-нибудь движением, и тем самым, не дай боже сбить его с музыкального такта – иначе там, в этом незримом оркестре, нарушится вселенская гармония и тогда кто знает, не станет ли ещё серее и хмурее у тебя на душе и сердце. А так он идёт с добродушным выражением лица и такой удивительной улыбкой на ней, водит рукой верх вниз, делая ею только ему понятные знаковые пассы, и встречным прохожим и тем, кто идёт сзади, при виде такой его простодушной беспечности, с которой он смотрит на мир, становится чуть легче в плечах и на душе.

– Да как это всё понимать? – тем не менее, каким-то образом вырывается этот вопрос из глубин того человека, задумавшего нехорошее по отношению к своему сослуживцу Свекру, и заинтригованного таким к себе обращением определённо со стороны этого дирижёра невидимого оркестра. Ну а дирижёр и не думает прикрываться своей увлечённостью от ответа и от своей ответственности за сказанное слово, и он как будто так и должно быть, делает остановку или вернее сказать, на миг замирает на месте, оборачивается к этому находящемуся в недоумении и некоторой интриги насчёт себя человеку и, до чего же светлым взглядом посмотрев на него, говорит. – Может хватить ходить всё вокруг да около и пора всё сказать ей.

– Кому ей? – побледнев в лице и вздрогнув от испуга, вызванного тем, что тщательно скрываемая тайна сердца, вдруг, и при этом неизвестно как, оказалась раскрыта, задался вопросом этот человек.

– Ты сам всё прекрасно знаешь. – Следует ответ дирижёра, после чего он разворачивается в сторону своего следования и, быстро сообразив на каком такте остановился, для должного внимания своего оркестра постучал по неведомому пюпитру невидимыми палочками и, замахнувшись руками чуть ли не на самого Сальери, – люди близкие к музыкальным кругам, с нотной папкой под мышкой, могли бы утверждать, что с таким замахом, который себе поз-

волил этот дирижёр, он бы и Моцарта легко мог сделать, – продолжил дальше свой путь, оставив далеко позади себя недоумевать очередного встреченного на своём пути нерешительного попутчика.

Между тем дирижёр, по удивляв, а больше порадовав собой встреченных им на своём пути пешеходов, свернув в одно из ответвлений улиц, ведущих на одну из городских площадей, наконец-то, выскочил из этого большой плотности человеческого потока, каким характеризуются все соседствующие с оживлённой машинами магистралью пешеходные зоны типа тротуаров и тем самым перестал давать повод людям серьёзным отвлекаться от своих серьёзных мыслей. Ну а на этой пешеходной зоне под названием городская площадь, куда как больше пространства для манёвра тех же рук, своего понимания окружающими людьми, большей частью состоящих из тех, кто никуда не спешит и пришёл сюда отдохнуть, а так же здесь легко дышится и не только мыслями.

И тут выше приведённых объяснений достаточно, чтобы предугадать то первое, что сделал режиссёр, как только он вступил на городскую площадь – он распахнул всю свою душу навстречу всему встречному и, широко выставив в стороны свои руки, глубоко, с закатом глаз, вдохнул. После чего он с иронической улыбкой прокашлялся, – слишком насыщен кислородом и непривычен для дирижёра местный воздух, – выпрямился и начал осмотр площади и всего того, что в неё входит.

– Мне нравится. – По-другому и не мог охарактеризовать увиденное, полный благодушия дирижёр. – А что насчёт людей, какие они здесь? Всё такие же противоречивые и неугомонные, одновременно чуть ли не всё знающие и в тоже время столь не далёкие насчёт себя, или же они уже поумерили свои амбиции. Ладно, посмотрим, какая тональность сейчас преобладает. – Улыбнулся дирижёр, обратив своё внимание на вереницу уличных кафешек, наполненных разного рода людьми, которых можно было охарактеризовать одним общим словом, они были люди отдыхающие. А вот от чего или от кого они отдыхали, то это другой и тот самый вопрос, который они как раз и решали за чашкой кофе, чая или ещё чего другого, сидя здесь.

И Дирижёру одного мимолётного взгляда на людей отдыхающих было достаточно, чтобы понять, от чего они, как бы не отдыхали, всё равно не смогли отдохнуть – от самих себя, о ком они без конца упоминают, всё говоря и говоря: Я, Я, Я.

– Ля! – Дирижёр, протянув внутри себя эту ноту, вначале с добавлением диеза, затем немного нахмурился при виде сидящей за столиками отдыхающей публики и, решил сбавить на полутон эту ноту «ля». – С вас и ля бемоля достаточно. – Рассудил дирижёр, прислушавшись к ведущимся разговорам за близстоящими столиками. Ну а при его-то музыкальном слухе, ему не то что все разговоры ведущиеся в ближайшей округе становятся доступны, – всё зависит от направления его слуховой локации, – а он запросто может услышать малейшее движение души человека, стоящее за всем этим звуковым выражением себя.

– Что и говорить, люди слишком забывчивы и если честно, то их память совсем ни к чёрту. Вот и приходится постоянно себя напоминать, по несколько десятков раз в день вглядываясь в зеркало и так в разговорах себя не забывая. – Размыслил про себя дирижёр, остановившись у одной из ближайших кафешек, и встав спиной к одному из столиков, за которым свои места занимала мужская компания. Ну а какие разговоры велись за этим столиком (да и за любым другим), то не трудно догадаться – речь шла о том, чего им недостаёт. А вот чего им недостаёт, то об этом ещё легче догадаться, стоит хотя бы проследить за направлением их взглядов в сторону соседнего кафешного типа заведения, где за одним из столиков свои места занимала другая компания, в отличие от этой сплошь состоящая из девушек. Правда дирижёр всех этих их взглядов не видел, и ему в анализе происходящего за столом приходилось опираться только на свой слух, что, впрочем, не мешало ему сразу всё понять за этих парней.

Общий лейтмотив их рассуждений, он, конечно, понял, – моё Я, самое из всех Я, вот только ему развернуться не дают, – а вот кому в частности принадлежали эти Я заявки, то

дирижёр вот так стоя к ним спиной, сразу не мог определить. Так одно Я звучало достаточно решительно, и даже убедительно – оттого, наверное, что озвучивалось крепким баритональным басом, – второе Я, из-за своего дисканта, совсем не убеждало, а даже наоборот, наводило на мысль о бесперспективности заявок этого типа, ну а третье Я и вовсе было не многословно, ну а те словесные выражение, которые это Я умудрялось выговорить, наводило на весьма при-скорбные мысли насчёт умственного развития этого типа.

– Что ж, – рассудил дирижёр, – носителю баритонального баса присваиваю имя До, немногословному выразителю себя дам имя Ре, а дисканту... – тут дирижёр задумался и после небольшого размышления вынес решение насчёт третьего лица. – Пусть будет Соль. Имя Фауст ещё нужно заслужить. – Почесав подбородок, дирижёр многозначительно улыбнулся, краем своих глаз посмотрев на своё отражение в витринном окне в кафе напротив, где за одним из столиков сидела так заинтересовавшая местную мужскую компанию компания девушек.

– Ну а их, – разглядывая сидящих за столиком девушек, дирижёр и в данном случае не смог удержаться от того, чтобы не разыграть как по нотам увиденное, где он для начала решил закрепить за каждой девушкой своё нотное имя, – соответственно их внешней тональности назовём: самую милую, Ми, самую весёлую, Ля и ту, что дух захватывает, Си. – Дирижёр от удовольствия и от предощущения невероятного удовольствия, которое доставляет ему любое прикосновение к музыке, а что уж говорить о том, когда сам становишься её автором, начал потирать руки.

И хотя режиссёр действовал отчасти на свой страх и риск, и в некоторой степени поступил самонадеянно, – не испросивши разрешения у девушек, присвоил им имена, – всё же в его действиях был свой определённый смысл. Ведь он собрался создать лёгкую, с оттенком меланхолии любовную историю, а разве в ней могут поместиться девушки с именами, Милена Аркадьевна, Олимпиада Прокофьевна и Сирена Андреевна. Это уже ближе к пьесам Островского, где и бедность и всякая именная напыщенность не порок. Правда здесь можно было впасть и в другую крайность, окажись на месте дирижёра большой любитель вальсов. И тогда не избежать им другого рода именной тяжеловесности – баронесса Мильдебраум, графиня Альпебрум и её сиятельство Сабрахам. А от таких оглушающих в падении имён «бам», «бум» и другие «блюм», и оглохнуть не долго.

А так они получили в имени лёгкое музыкальное звучание, и у тебя у самого сердце запело в унисон звучащему имени. А что уж говорить о самих девушках, для которых лёгкость бытия не просто природная данность, а временами и тяжёлый труд в спортзалах, и отказ в самых для себя необходимых вещах – в сладком. Да и с лёгкостью они готовы избавиться от всего тяжеловесного, что есть в них, перед тем как встать на весы оценки себя. Так что дирижёр может себя чувствовать спокойным с этой стороны – никто ему не скажет против им надуманного. Что же касается другой стороны – тех парней за своей спиной, то хотя в их об именовании он пошёл тем же путём, всё же в этом вопросе с ними он не проявил большой внимательности. А он, махнув фигурально на них рукой, со словами: «С этими зи зи топами всё ясно», – в один момент дал им всем новые имена.

– Для новой темы надо материала поднабрать. – Решил дирижёр, вновь сосредоточившись на своём слушании ведущегося за его спиной разговора. При этом он не забывал наблюдать за тем, что делается за тем столом с девушками – они для него, в его только что придуманном мюзикле «Городской квартал», основанного на реальных событиях и ставящегося прямо сейчас, Он-лайн, отвечали за альтовую, мелодическую составляющую, тогда как парни, находящиеся за его спиной, отвечали за басовый лад.

– И кому же дать шанс? – прослушав все эти заявки До-Ре-Соль парней (До-Ми-Нантные парни это другой случай) на своё перспективное будущее, задался вопросом дирижёр. – Решил же уже, – усмехнулся про себя дирижёр, – и зачем тогда задаёшься вопросами. – Дирижёр продолжил себя веселить своими вопросами. – А я, может быть, не хочу быть предсказу-

емым. – Вступил в спор с самим с собой дирижёр. – Так ведь твоя непредсказуемость ведёт к предсказуемым результатам, и тогда какой смысл делать такой выбор. – Аргументировал себя оппонент дирижёра. И дирижёр вынужден был признать правоту своего оппонента. – И то верно. – Согласился дирижёр, понуро покачав головой. Ну а оппонент дирижёра, если чего и добивался, то только не такого, и он своим новым предложением вновь наполняет дирижёра светом радости. – Но ты же не знаешь, кому из них принадлежат голоса, а значит, полагаясь на некую вероятностную величину, ещё называемую интуицией, можешь сыграть с ними в свою игру.

– А что, будет интересно. – Согласился сам с собой дирижёр. С чем он оборачивается к этой компании за столом и, подойдя вплотную к их столику, – это не могло не вызвать со стороны сидящих за этим столиком людей удивлённые взгляды на него, – приложив палец к своему рту, с таинственным выражением лица говорит одно слово в виде звука: «Тсс!». И хотя сидящие за столом парни не из пугливых, они почему-то сочли нужным уверовать в то, что так нужно, и проявили молчаливое понимание к этому странному типу. А так они, в общем-то, за словом не полезут в карман, что подтверждает их участие в различных разговорного жанра батлах – а До, этот тот мускулистого вида тип, то он и в бойцовских батлах участвовал – там твой рот, чтобы поменьше разговаривал и нецензурно не выражался в адрес противника, прикрывают капшой.

– Видите их. – Кивнув в сторону того столика с девушками, тихо сказал дирижёр. Парни в ответ посмотрели по направлению его взгляда, на мгновение под задержались там и, вернувшись назад, согласно кивнули головами.

– И спрашивается, почему не используют этот самый ближний путь к своему счастью. Где особого ничего и не надо делать. Подошёл, познакомился, влюбил и влюбился. Чего уж легче. – Рассудительно проговорил дирижёр. Тут До было хотел контраргументировать, но дирижёр предупредительно прижал ко рту палец и своим: «Тсс!», – зацкал это его поползновение на то, чтобы открыть рот. Когда До был приведён к порядку, а его товарищи не спешили открывать рот, дирижёр обводит их внимательным взглядом и говорит. – А теперь моё к вам предложение. И как понимаете, всему мною сказанному, можете верить или не верить, а значит, принимать его должны будете на веру, а не принимать на безверие. – Дирижёр сделал небольшую паузу, чтобы дать заработать головам этих балбесов, если они так бесконечно недоверчиво на него сейчас смотрят и не скрывая выражают на своих лицах предубеждение к нему.

– Так вот, – сказал дирижёр, – одного из вас, там, за тем столом, сейчас ждёт своё счастье. – Дирижёр перевёл свой взгляд за этот столик напротив, и парни за столом может быть на рефлексах, а может из любопытства, вновь последовали вслед за ним. И на этот раз они были более внимательны к этому столику напротив. А там, за тем столиком, как будто этого внимания к ним ждали, и в ответ взяли и все замерли во внимании к ним.

Когда же парни с трудом оторвались от своего внимания к столу напротив и вернулись обратно, но к полнейшему их удивлению, никого постороннего у их стола уже не было. А после того как они покрутили головами по сторонам в поиске этого, теперь и не поймёшь, кто такого, скорей фантома, и убедились в том, что он исчез бесследно, то впору было задаться первостепенной важности вопросом: А не померещился ли им этот тип? – А если нет, что маловероятно, то, что всё это было? И как отнестись ко всему им сказанному?

– Чокнутый какой-то. – Сделал вывод До. И никто не стал оспаривать это мнение До, и не только потому, что его товарищи уважали мнение До и вообще, были либеральных взглядов на всякое мнение, а потому, что их сейчас больше волновало другое – как отнестись к предложению этого чокнутого типа. А если воспользоваться его предложением, то ...ещё больше вопросов возникает. Например, такой: А что я им скажу, когда подойду? – изрезав свой лоб в глубокомысленных морщинах, краем глаза поглядывая в сторону того самого столика, где

одна девушка особенно ему понравилась, задался вопросом обладатель самого бесперспективного голоса из всей троицы, Соль.

– То и скажешь. – Неожиданно до Соли доносится голос того самого чокнутого типа, отчего он весь осаживается на стуле и начинает в испуге крутить по сторонам головой, в поиске этого типа. Но его нигде не было, что, тем не менее, не мешало Соли слышать его голос. – Я пришёл влюбить одну из вас в себя, а вот кого, то об этом уж вы попробуйте догадаться. – Добавил чокнутый тип.

Между тем от товарищей Соли, эта его непоседливость не остаётся незамеченной, и они, как это обычно бывает в таких случаях, начинают его поддевать. – Что Соли не сидится, – усмехнулся Ре, – никак слова чокнутого типа не дают покоя.

– А и вправду Соли, – с серьёзным видом обратился к нему До, – чего тебе терять-то, если ты примешь предложение этого типа и пойдёшь к тому столу за своим счастьем. – При этих словах До так неприкрыто насмешливо переглянулся с Ре, что Соли, не стерпев таких, даже не намёков, а утверждений в своей второсортности, подскакивает с места, с явным возмущением смотрит на До и заявляет ему. – А я в отличие от тебя, не боюсь верить людям. И пусть они по чокнутому выглядят, и может и недоразумение одно говорят, но в деле верования так и должно быть. И я сейчас пойду и стану счастливым. А вы оставайтесь здесь, зная одно, что вам был дан шанс, а вы даже не стали его рассматривать. – Соли хватает со стола бокал с минеральной водой, в глоток осушает его и, крепко так отставив его на стол, что Ре с До слегка одёрнулись, с решительным видом выдвигается к знаковому столику.

Ну а До с Ре, глядя ему вслед с некоторым удивлением, сами того не понимая, как так случилось, каждый начинает внутри себя странно чувствовать. Они как будто понимают, что их настигла некая утрата, а вот какая, то этого они не могут постичь – что-то похожее на сожаление об утраченных возможностях.

– Попади в нужную ноту, и она ответит тебе звуковым созвучием. – Глядя из-за угла здания кафе на Соли, идущего к столику напротив, с девушками, мысленно направлял его ход дирижёр. – А чтобы разобраться и понять какая нота твоя, не спеши форсировать события и для начала дай им себя озвучить, а там остаётся только слушать и при этом сердцем. – Вкладывая в уши Соли эти напутствия, дирижёр сумел-таки подвести его к столу с девушками – последние шаги ему дались с огромным трудом, он по мере своего приближения к столу с девушками, где они вдруг все в один момент замерли в одном внимательном к нему положении, начал терять всю свою решительность и силу воли. А когда до их столика оставалось пару тройку шагов, а с него так на него изучающе смотрят такие невероятно удивительные создания, чуть ли не нимфы (это в голове Соли от волнения всё перемешалось и через туманность его взгляда начали возникать различные фантастические образы), то он уже мало что соображал, а уж говорить о том, чтобы он что-то мог осмысленно говорить, то само собой не приходится.

Правда, когда он был остановлен их столиком (а по-другому никак), на который он натолкнулся, будучи в разориентированном состоянии, он сумел-таки выдать из себя слово. – Простите. – Затекая мыслями и физическими воплощениями волнения в виде капель со лба, проговорил Соли, через пелену затуманенных глаз видя только смутные очертания сидящих за столом девушек. Ну а протереть свои глаза он не смеет и ему в своём общении с ними приходится полагаться только на свой слух. А он не настолько музыкален, как у дирижёра, и главное, он не обучен наукам построения музыкального лада.

Но сейчас уже поздно себя корить за такую свою неподготовленность, и остаётся только слушать, что и делает Соли, пытаясь сфокусировать свой взгляд на девушках, а в частности на той, что слева, которую он ещё до подхода к ним, особенно для себя выделил. – В твоём случае с первого слова всё будет ясно. – До Соли донеслась мысль дирижёра. И Соли ещё больше напрягся, приготовившись услышать приговор.

Но судьба не зря некоторыми обойдёнными ею лицами называется злодейкой и она не спешит раскрывать все карты перед Соли, и она не прочь с ним поиграть в свою игру, нажимая на другие ноты. – А если не простим, то что? – со смехом задаётся вопросом, сидящая по центру Ля. И их столик накрывает переливы скерцандо (смешливость (итал.) – так это видится дирижёру) – а вот столик напротив, за которым сидят и поражаются всему увиденному До и Ре, накрывает люгубре (тяжесть).

– Пойдите девушки, – когда вся эта смешливость с перекатами озорства несколько успокоилась, до Соли донёлся голос Си, той девушки, которая сидела от него справа, – мы ещё молодого человека не выслушали, а уже делаем насчёт него выводы. Он же нам не объяснил, за что он просит у нас прощение.

– И то верно. – Сказала Ля. – А ну живо говори, за что нам тебя не придётся жаловать, скажем... – тут Ля переглядывается со своими подругами и, вернувшись обратно к Соли, говорит, – не знаю как другие, а я может и с минуту тебя стерпеть не смогу.

– А теперь говори. Виваче! (живо) – до Соли доносится голос незримого дирижёра и он, толком не понимая, что говорит, говорит. – За то, что я обойду своим вниманием большую часть из вас, выбрав только одну. – Сглатывая набегающие слюни, еле выговорил всё это Соли. И хотя всё им сказанное прозвучало так неуверенно и не убеждающе, всё же смысловая нагрузка, заключающая в его словах, перевесила все эти формы своего донесения, и за столом в момент воцарилась какая-то странная тишина. Во время которой, Соли не видел, что там за столом делается, – может девушки в злости на него и из девичьей солидарности против него переглядываются, а может всё наоборот, и они рассматривают в лицах друг друга их шансы не на свой успех, – а там между тем, судя по ёрзающим звукам, что-то определённо происходило.

Правда, исходя из того, что он сейчас услышал и не услышал, Соли уже мог сделать для себя некоторые выводы. – Для Ля не свойственно столь долго задерживаться с ответом. На Си тоже не похоже, что она так занервничала (ёрзание доносилось с её стороны). А Ми... А голоса Ми я до сих пор не слышал. Но почему она молчит? И какой у неё голос? – заволновался Соли, вглядываясь в Ми. И тут же до Соли со стороны Ми доносится её голос:

– И кто же вас не должен будет простить?

– Я попал в ноту. – Расплывшись в улыбке, сказал Соли.

– Попал. – Многозначительно сказал дирижёр, внимательно разглядывая стоящее там, в кафе, в середине между столиками, фортепиано. – Чего-то не хватает. – Почесав нос, пробубнил про него дирижёр. – Точно, тут нужна мистериёзо (таинственность). Какая же бывает история без своей загадки. Только наискучнейшая. А любая загадка, это залог будущих открытий. – Здесь дирижёр берёт и понимает, что совсем на чуть-чуть забежал вперёд в осмыслении происходящего, и сейчас Ми ещё не задала свой вопрос, а Соли ещё мучается загадками на её счёт.

– А вот и наш Фауст. – Улыбнулся дирижёр, видя куда как дальше, чем все участники этого действия, которые и не могут оторвать своего взгляда от своих мыслей и друг от друга. А вот если бы они на самую малость отвлеклись и посмотрели по направлению фортепиано, стоящего в центре образного круга, состоящего из столиков, то они бы заметили человека одетого не совсем по ясной и светлой погоде, – во всём чёрном, – который и не пойми откуда появился и напрямик направился к этому музыкальному инструменту, который если что, то не для того здесь был установлен, чтобы за него кому не лень садился и портил настроение людям своей отвратительной игрой и фальшью на фальши – его поставили здесь лишь с одной целью, для красоты и чтобы оправдать название кафе: «Музыкальное кафе».

Но так как хозяин или управляющий кафе, а кто главней и не разберёшь, не позаботились заранее и не повесили на фортепиано табличку «Руками не трогать», а народ вокруг и здесь пошёл всё больше законопослушный, то уж ничего тут не поделаешь, и обязательно найдётся

человек музыкальных, а не экстерьерных взглядов на фортепиано, на котором ему захочется размять свои пальцы рук, сыграв на нём несколько лёгких мелодий. А если красивые девушки попросят, то можно сыграть и на бис какую-нибудь мелодию из душещипательного фильма про любовь.

Ну а так в этом кафе сейчас присутствовали те, кто может по своему достоинству оценить твои музыкальные потуги, то и нашёлся желающий продемонстрировать своё мастерство, этот человек в чёрном. И вот этот человек во всём чёрном, названный дирижёром отчего-то Фаустом (но у дирижёра в голове свои нотные тараканы), однозначно не признанный исполнитель фуг и токкат, – а всем не признанным всегда хочется быть признанным, – заранее приметив сколько необоснованно много внимание приковано и не пойми что за типу, у которого скорей всего и музыкального образования нет за душой, а слушает он один лишь металл или на худой счёт, классический рок, решает непременно изменить в свою сторону сложившиеся обстоятельства. И с этим непременным желанием, а также с желанием справедливости, – для одного столько, три к одному, внимания, а это слишком не справедливо по отношению к тем, на кого вообще не обращают внимание, – Фауст, свернув со своего прежнего пути, напрямик направляется к фортепиано.

Подойдя к нему, он открывает крышку и...о боже, он к своему крайнему возмущению и потрясению видит – насколько вероломен и коварен хозяин этого заведения, обманувший его в самых светлых надеждах. Как видит Фауст, это ненастоящее фортепиано, а что-то типа электронного гибрида, играющего и без пианиста, на программных началах. И как только Фауст это увидел, а затем посмотрев в сторону того столика, с творящейся за ним несправедливостью по отношению к нему, увидел насколько жизнь неотзывчива к тем, кто не может извлекать из неё звуки, в момент переполнился негодованием на хозяина этого заведения, который так обманул его в надеждах, и взял, и со всей силы и размаха врезал по клавиатуре кулаками рук.

И к невероятному потрясению Фауста, подкосившихся ножек фортепиано и, в общем, всех вокруг людей, фортепиано вдруг звучно отозвалось на этот призыв к своей душе со стороны разгорячённого пианиста, выдав на гора, скорей всего, свою последнюю лебединую песню в виде суррогата из звуков отбитых клавиш, чьи молоточки били уже по ржавым струнам, треска подкосившихся от удара ножек и одного единственного чистого нотного звука. А вот что это была за нота, то никто из людей в тот момент находящихся в кафе не смог определить. И не оттого, что ни у кого из них не было музыкального слуха или же по причине того, что всё это так произошло для них неожиданно, а просто дальнейшие события развивались так поглощающе всё внимание стремительно, что, в общем, ни у кого, кроме дирижёра, до этого дела не было.

И не успели все находящиеся в кафе люди отвлечься от своих прежних занятий и в удивлении повернуть свои головы по направлению источника этих оглушающих звуков, где всем им представилась по своему мифическая картина – над в чёрном отблеске фортепиано, чуть наклонившись, с занесёнными вверх руками, в ореоле неизвестности стоял человек весь в чёрном и с безумным взглядом, с которым он упирался в клавиатуру перед собой – как вдруг фортепиано окончательно подкашивается и так оглушающе для всех схлапывается под собой, что когда сидящий у себя в личном кабинете, на втором этаже здания, хозяин кафе всё это услышал, то он не только в один момент поседел, а он не стал откладывать на потом всё что знал и думал о своей ненасытной до денег любовнице, с которой он в этот момент разговаривал по телефону, и прямо сейчас ей всё это сказал. – Не дам я тебе больше денег, лявва, у меня музыкальный инструмент сломался. – На чём хозяин «Музыкального кафе», Зигмунд Сожалевич, заканчивает свой разговор, оставляя на той стороне телефонной трубки лицо хоть и приятной наружности и невероятной простодушной глупости, всё же когда ему бросают в лицо такие оправдания своей жадности, оно начинает понимать, что её не только за непонятно кого

держат, но при этом ещё и за дуру (а это, как минимум, другие расценки для своего оправдания).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.